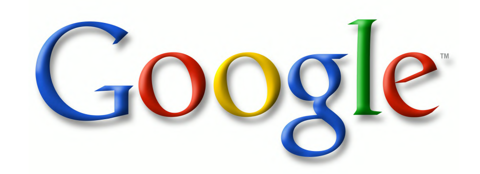
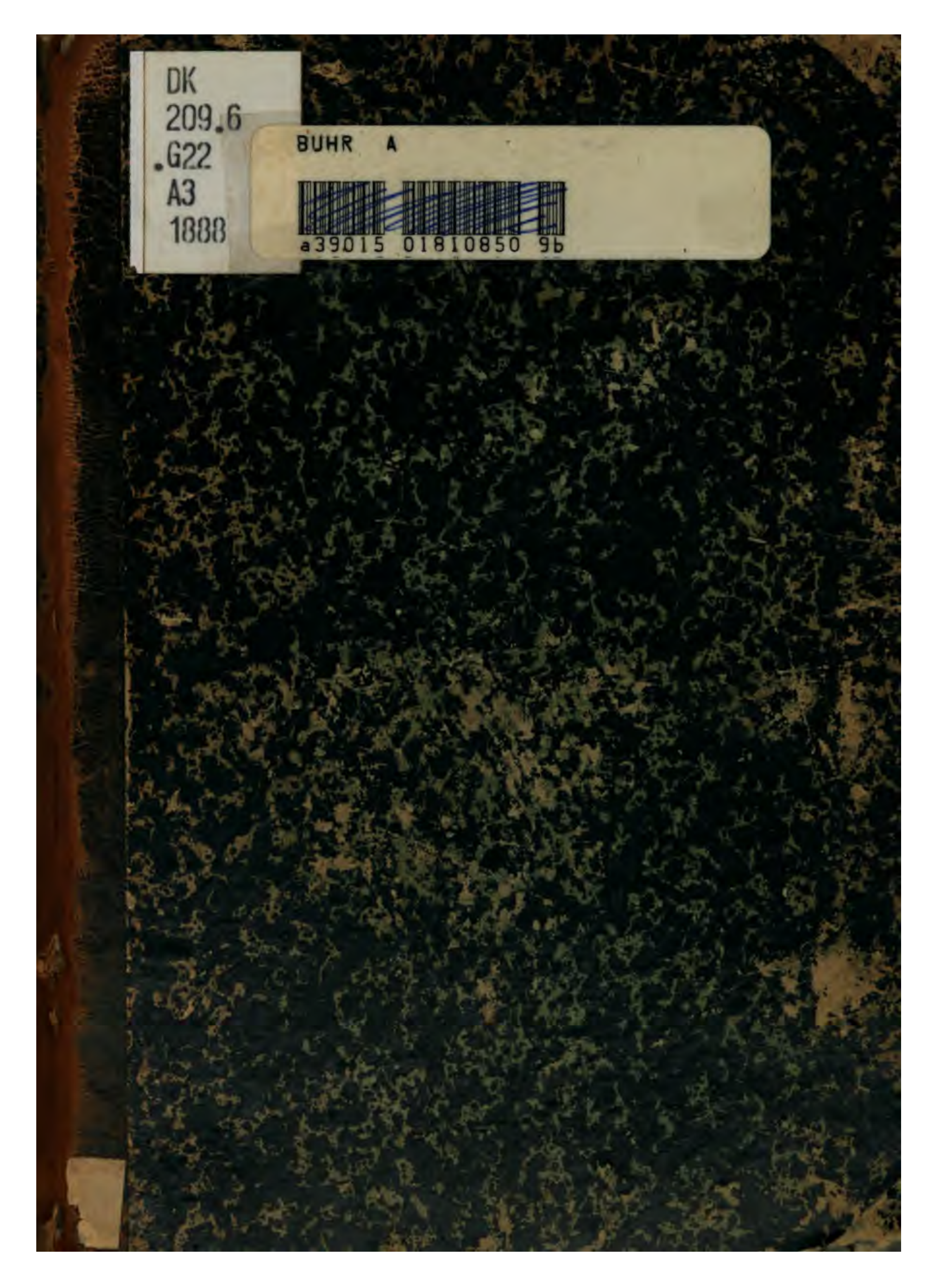
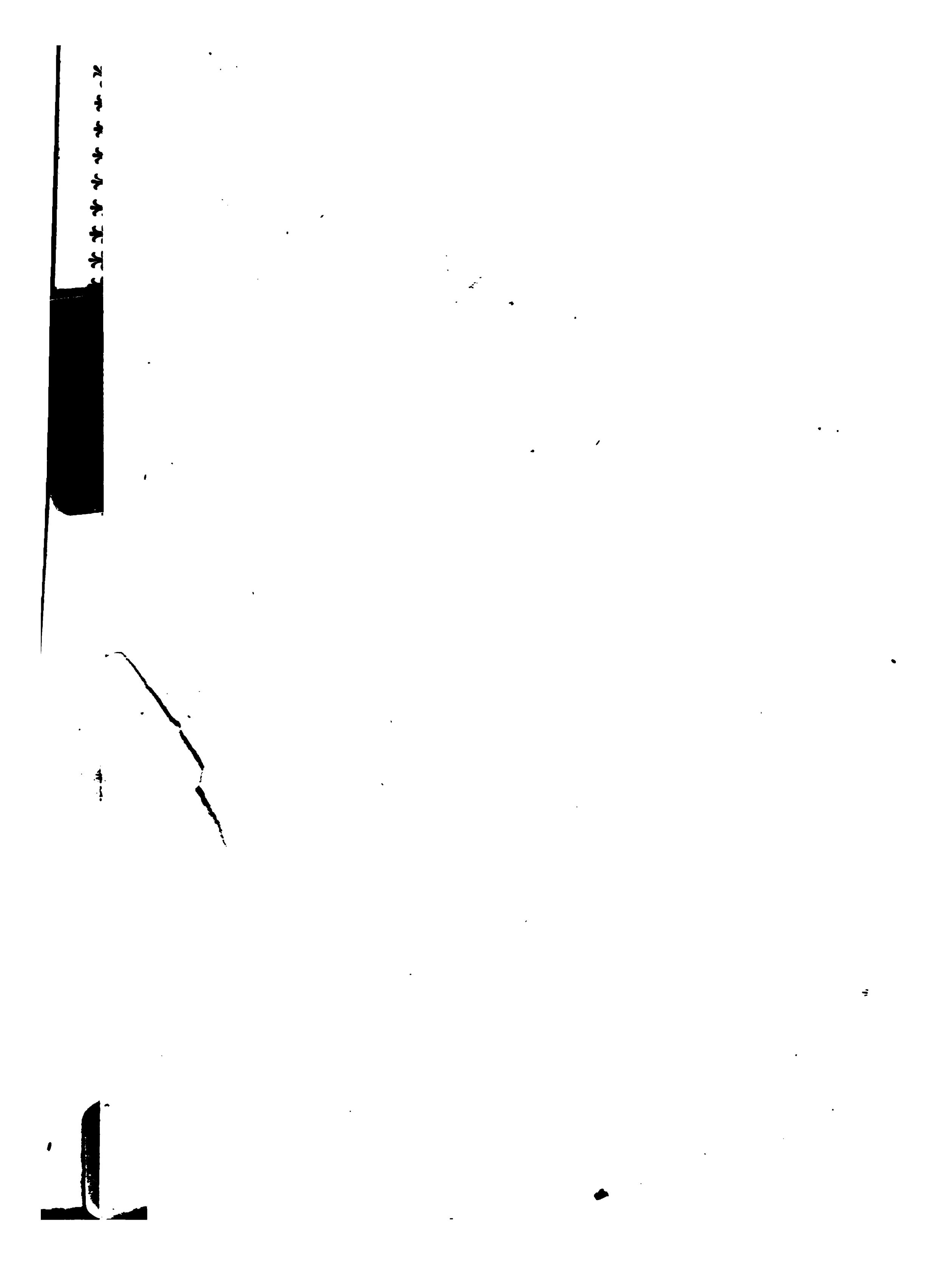

DK
209.6
.G22
A3
1888
BUHR A
a39015 01810850 9b

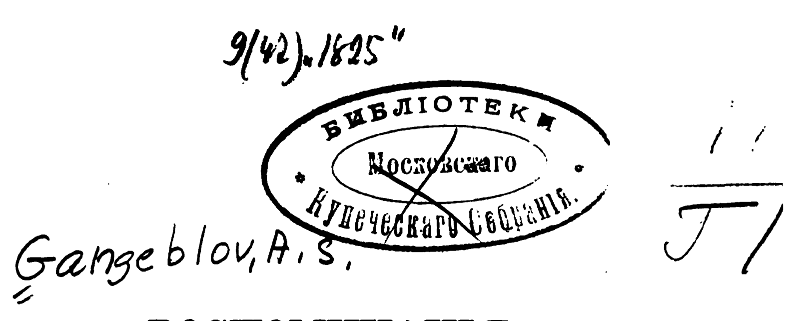

БИБЛIОТЕКИ
Московскаго
Купеческаго Собранія.

ВОСПОМИНАНІЯ

А. С. ГАНГЕБЛОВА.

ВОСПОМИНАНІЯ

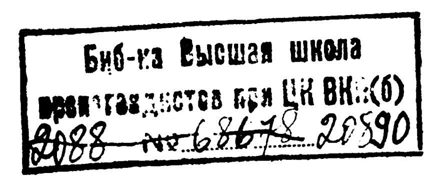
ДЕКАБРИСТА

Александра Семеновича

ГАНГЕБЛОВА.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страст. бульваръ.
1888.

Дозволено цензурою. Москва, 28 Марта, 1888 года.

*

Воспоминанія А. С. Гангеблова принадлежатъ къ лучшимъ повѣствованіямъ о той порѣ нашей исторіи, которая обыкновенно связывается съ событіемъ 14-го Декабря 1825 года и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому событію. Они могутъ быть поставлены на ряду съ Записками Басаргина, Горбачевскаго и Якушкина.

Близкое наблюденіе многихъ историческихъ лицъ, трезвый и благожелательный образъ мыслей, спокойное и въ тоже время очень живое изложеніе, придаютъ этимъ Воспоминаніямъ особливую цѣну.

Они появились первоначально въ „Русскомъ Архивѣ“ и здѣсь напечатаны съ дополненіями, сообщенными самимъ здравствующимъ донынѣ авторомъ, къ которому читатель съ первыхъ же страницъ его разсказа не можетъ отнестись иначе какъ съ почтительнымъ сочувствіемъ.

П. Б.

*

ВОСПОМИНАНІЯ

Александра Семеновича Гангеблова.

Какъ я попалъ въ декабристы и что за тѣмъ послѣдовало.

„.....Нѣтъ предмета болѣе достойнаго вниманія, какъ знакомство съ внутреннимъ бытомъ каждаго мыслящаго человѣка, даже и ничѣмъ не отличившагося на общественномъ поприщѣ“.

Пироговъ.

Недавно мнѣ понадобилось навести справку въ одномъ давнишнемъ тяжебномъ дѣлѣ. Когда я рылся въ старомъ бумажномъ хламѣ, мнѣ попалась небольшая тетрадь, покрытая пожелтѣлыми чернилами и исписанная моей рукою, но рукой еще молодою, твердымъ почеркомъ. Оказалось, что эта та тетрадь, въ которую, на мѣстѣ моей ссылки, *шестьдесятъ* лѣтъ тому назадъ, я занесъ мои воспоминанія о той тревожной эпохѣ, которая переломила жизнь мою на-двое. Воспоминанія эти были тогда у

меня совершенно свѣжи, какъ по недавности происшествій, къ которымъ они относились, такъ и потому, что, въ продолженіи двухъ-недѣльнаго переѣзда отъ Петербурга до мѣста ссылки, въ моей памяти то и дѣло проносились цѣлыя вереницы недавнихъ еще событій. По выходѣ въ отставку въ 1832 году, я водворился въ деревнѣ, гдѣ чаялъ свободно вздохнуть и успокоиться. Вмѣсто этого, я встрѣтилъ такую массу хлопотъ и непріятностей, что мнѣ было не до воспоминаній о минувшемъ, и рукопись мою я положилъ подъ спудъ; но куда именно я ее спряталъ, вспомнить не могъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того два раза пытался я тетрадь эту отыскать, но безуспѣшно. Такъ я и остался при томъ, что моя тетрадь совсѣмъ затерялась, и о ней почти забылъ.

Послѣ этого понятно, какъ для меня радостна была эта находка и съ какимъ нетерпѣніемъ я на нее накинулся и ее прочелъ! Къ ея автору я не могъ, конечно, отнестись иначе, какъ совершенно объективно, какъ къ лицу постороннему, котораго когда-то давно, очень давно я зналъ. Не менѣе того сердце мое болѣзненно сжалось, когда я перевернулъ послѣд-

ній листокъ рукописи. Такъ-то безплодно протекли мои дни! подумалъ я. Вотъ я уже переживаю 85-й годъ моей жизни, а никому—ни себѣ, ни обществу людей не принесъ я пользы ни на іоту! И отчего? Отъ одного неосторожнаго слова, отъ одной минуты ложнаго стыда, отъ слѣпой довѣрчивости къ людямъ, отъ вѣтренной надежды, что еще успѣю поправить испорченное дѣло. А жаль! Молодой человѣкъ, тогдашній *я*, по своимъ врожденнымъ качествамъ, могъ бы претендовать на лучшую участь: въ немъ много было добрыхъ задатковъ. Въ этомъ трудно усомниться, выслушивая его тогдашнюю исповѣдь самому себѣ. Конечно, свои записки онъ велъ собственно для себя, не думая когда-либо предать ихъ гласности: въ то время о декабризмѣ не только говорить, но и подумать было страшно. Да и погибъ-то онъ отчего, какъ не отъ тѣхъ же добрыхъ качествъ! Онъ не выдержалъ, онъ разразился злобой и негодованіемъ, когда ему *съумѣли* воочію доказать вѣроломство противъ него его товарищей. Надо думать, что они, какъ «люди умные», держались ученія: цѣль оправдываетъ средства. Въ такомъ случаѣ, они, конечно, правы.

Впечатлѣніе, произведенное на умы декабрьскими событіями, долго не ослабѣвало въ обществѣ; на декабриста, къ какой бы онъ категоріи ни принадлежалъ, смотрѣли какъ на какого-то полубога. А между тѣмъ, сколько между этими полубогами можно было встрѣтить посредственностей, менѣе чѣмъ посредственностей! Съ инымъ не успѣешь двухъ словъ сказать, чтобы не подивиться: какъ этотъ человѣкъ могъ попасть въ такую среду! О, сколько разочарованій испытало бы Русское общество, еслибъ архивы Слѣдственной Коммиссіи по декабрьскому дѣлу сдѣлались общедоступны! Положимъ, такіе господа приняты были въ тайное общество лишь для увеличенія его грубой физической силы; но сила эта, вербовалась ли она въ услуженіе тѣмъ только изъ фанатиковъ своей идеи, которые безъ задней мысли мечтали быть работниками на благо (какъ они думали) человѣчества, или на нее, на эту силу, иные изъ вожаковъ декабризма разсчитывали какъ на орудіе своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей? Да, были и такіе. Даже главный изъ понесшихъ высшую кару заговорщиковъ не свободенъ былъ отъ такой слабости: онъ имѣлъ заранѣе въ виду отдать на-

жертву одного изъ своихъ соумышленниковъ ради своей личной безопасности. Я говорю это не на вѣтеръ: я это слышалъ, какъ далѣе будетъ видно, изъ устъ самой заранѣе намѣченной жертвы.

Взглянувъ на подпись моей статьи, читатель можетъ быть подумаетъ: «И охота этимъ господамъ, нигдѣ и ничѣмъ не заявившимъ о своемъ существованіи, охота имъ навязывать публикѣ свои какія-то воспоминанія! Кому они нужны?» Это такъ: въ самомъ дѣлѣ, я задумалъ напечатать мои записки исключительно въ видахъ моего личнаго интереса, и это вотъ почему. Еслибъ исторію, мною разсказанную, составить лишь по документамъ Слѣдственной Коммиссіи, т. е. по однимъ голымъ фактамъ, безъ вниманія къ тѣмъ невольнымъ побужденіямъ, кои выдвинули факты эти наружу, то мое поведеніе во время слѣдствія представится всесторонне-предосудительнымъ, не заслуживающимъ никакого снисхожденія; но съ тѣхъ поръ какъ въ печати стали появляться свѣдѣнія о декабристахъ, я порывался заговорить и о себѣ. У меня не стало на это рѣшимости, такъ какъ я не имѣлъ твердаго руководства для моего разсказа; ибо, по прошествіи слишкомъ сорока

пяти лѣтъ со времени изчезновенія моей рукописи, многое могло вылетѣть изъ моей памяти. Между тѣмъ мысль, что послѣ моей смерти, вѣроятно уже недалекой, некому будетъ за меня ходатайствовать, меня тяготила. Теперь же, когда тетрадь моя отыскалась, да будетъ она моимъ защитникомъ, моимъ адвокатомъ!

Наибольшій и, смѣю сказать, несомнѣнный интересъ настоящаго разсказа представляетъ вторая его глава. Въ одномъ изъ эпизодовъ этой главы выступаютъ нѣкоторыя черты великаго характера императора Николая, и выступаютъ тѣмъ явственнѣе, что онѣ вызваны были дѣломъ относительно маловажнымъ, именно по поводу виновности не болѣе какъ оберъ-офицера. Первая глава служитъ второй главѣ только какъ бы иллюстраціей и знакомитъ читателя съ пишущимъ, что́ далеко не лишнее тамъ, гдѣ этотъ послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствующее лицо въ его повѣствованіи. Въ третьей главѣ среди нѣсколькихъ походныхъ замѣтокъ, приводятся случаи моихъ встрѣчъ съ декабристами въ Закавказскомъ краѣ.

Меня будетъ счастливить мысль, что иной отецъ семейства, прослушавъ мою повѣсть, призадумается надъ воспитаніемъ своего сына.

Изъ памяти.

Пажемъ.—Камерпажемъ.—Въ гвардіи.

Въ сраженіи подъ Бауценомъ мой отецъ былъ тяжело раненъ. Государь Александръ Павловичъ тотчасъ послалъ къ нему спросить, чего онъ желаетъ. Раненый пожелалъ, чтобы одинъ изъ его сыновей былъ принятъ въ пажи. Черезъ годъ съ небольшимъ я былъ представленъ къ мѣсту моего назначенія.

Въ то время Пажескій корпусъ былъ не то, чѣмъ онъ сталъ съ воцареніемъ императора Николая, и потому нѣсколько словъ объ этомъ учебномъ заведеніи не будутъ излишни.

Личный составъ корпуса состоялъ изъ четырехъ «*отдѣленій*» пажей, отъ 35 до 40 воспитанниковъ въ каждомъ отдѣленіи. Отдѣленіями завѣдывали штабъ-офицеры, которымъ не было присвоено названія, отвѣчающаго ихъ обязанностямъ. Хотя они и носили военный мундиръ, но въ фрунтовомъ обученіи пажей вовсе не участвовали: этимъ дѣломъ завѣдывалъ старшій изъ нихъ, начальникъ особаго, камерпажескаго отдѣленія. Всѣ эти ближайшіе начальники были люди конечно благонамѣренные, но по степени

своего образованія не могли вполнѣ отвѣчать той роли, которую на себя приняли: они слѣдили за внѣшними порядками корпусной жизни, и только; они не заводили съ воспитанникомъ рѣчи о томъ, что̀ ожидаетъ его за порогомъ школы, не интересовались его наклонностями, не заглядывали въ тѣ книги, которыя видѣли въ его рукахъ; да еслибъ и заглянули въ иную изъ нихъ, то едва ли бы сумѣли опредѣлить, на сколько книга эта полезна или вредна. Отсутствіе такого контроля отозвалось весьма печальнымъ событіемъ, о которомъ будетъ говорено далѣе.

Учебная часть страдала сдвали не бо̀льшими недостатками. Ни одинъ изъ учителей не умѣлъ представить свою науку въ достойномъ ея видѣ и внушить къ ней уваженіе. Методъ изученія заключался въ тупомъ долбленіи наизусть; о какомъ нибудь приложеніи къ практикѣ и намеку не было. Въ *одинъ* изъ каникулярныхъ дней, весь второй классъ (Пажескій) отправлялся съ учителемъ ситуаціоннаго рисованія и при одномъ изъ «надзирателей» на Гутуевъ островъ для геодезической практики; да и тутъ дѣломъ занимались пажи не болѣе часовъ двухъ, остальное время гуляли въ разбродъ по острову

и обѣдали въ мѣстномъ трактирѣ. Въ залѣ, гдѣ помѣщался камерпажескій классъ, отгороженъ былъ рѣшеткою большой накрытый клеенкой столъ съ фортификаціонными моделями. Рѣшетка эта была заперта на ключъ; за все то время, что̀ я былъ въ корпусѣ, мы только по слуху знали, что подъ клеенкой хранятся модели. А потому, за весьма и весьма малыми исключеніями, всѣ учились не для того, чтобъ знать что-нибудь, а для того, чтобы выйти въ офицеры. Хуже всѣхъ предметовъ преподавалась Исторія: это было лишь сухое перечисленіе фактовъ, безъ упоминанія о нравахъ, цивилизаціи, торговлѣ и прочихъ проявленіяхъ народной жизни. Къ тому же насъ учили только Русской и Древней Исторіи; объ Исторіи Среднихъ Вѣковъ и Исторіи новѣйшей мы и не слышали. Объяснить это можно развѣ тѣмъ только, что находили достаточнымъ, если мы будемъ настолько свѣдущи въ Исторіи, чтобъ судить о произведеніяхъ искусствъ, такъ какъ сюжеты для нихъ черпались въ то время преимущественно изъ древняго міра.

Эти недостатки въ жизни Пажескаго корпуса какъ бы усиливались излишествами съ другихъ сторонъ. Дортуары не отличались тѣмъ при-

способленіемъ къ цѣли, какъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ нихъ еще оставались призраки великолѣпія дворца графа Воронцова, превосходно расписанные плафоны съ сюжетами изъ Миѳологіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ кормили пажей слишкомъ жирно: кто теперь повѣритъ, что къ обѣду и къ ужину подавалось по пяти блюдъ [1])?

Вотъ почему оба великіе князя смотрѣли на камерпажей какъ на людей избалованныхъ, и когда наставало время выпуска изъ корпуса, то великіе князья принимали ихъ въ свои полки крайне неохотно. Не смотря на то, что камерпажу предоставлялось право свободно выбрать мѣсто служенія, великіе князья, то полу-шутя, то полу-серьезно, грозили камерпажамъ своимъ неблаговоленіемъ и прямо объявляли имъ, чтобъ никто изъ нихъ не смѣлъ выходить въ тѣ полки, которые состояли подъ ихъ начальствомъ [2]). Въ нашъ выпускъ Николай Павловичъ соизво-

---

[1]) Съ воцареніемъ императора Николая вся эта роскошь уничтожена; живописные плафоны сняты, а обѣдъ и ужинъ сведены съ пяти на три блюда.

[2]) Въ бригадѣ Михаила Павловича состояли полки Преображенскій и Семеновскій; а у Николая Павловича Измайловскій (котораго онъ былъ шефомъ) и лейбъ-егерскій.

лилъ однакожъ сдѣлать два исключенія. Однажды, при какомъ-то торжественномъ обѣдѣ во дворцѣ, какъ только встали изъ-за стола, великій князь, повернувшись къ намъ, камерпажамъ, началъ было повторять свои угрозы; но, замѣтивъ меня, сказалъ: «Да! Вѣдь ты служилъ при женѣ? Въ такомъ случаѣ приглашаю къ себѣ въ Измайловскій»; а за тѣмъ, увидѣвъ стоявшаго рядомъ со мною графа Ламсдорфа (сына бывшаго его воспитателя), прибавилъ: «И тебя, Ламсдорфъ, тоже; больше никого, всѣмъ своимъ объявите!»

Дабы очертить настроеніе духа того общества, въ которое предстояло вступить мнѣ и моему товарищу, разскажу объ одномъ происшествіи, которое надѣлало немало шуму въ столицѣ и тревоги въ царскомъ семействѣ.

Императрица Марія Ѳеодоровна и великая княгиня проводили лѣто въ Павловскѣ, въ этомъ счастливомъ уголкѣ, гдѣ все красовалось изяществомъ и тонкимъ вкусомъ, гдѣ все дышало веселіемъ, довольствомъ и полнѣйшимъ спокойствіемъ подъ обаяніемъ царственной хозяйки. Но передъ концомъ сезона общее счастіе это было неожиданно нарушено вѣстями изъ столицы: пріѣхалъ оттуда великій князь Николай

Павловичъ, и все забѣгало, засуетилось. Самъ великій князь, видимо сильно озабоченный, то и дѣло быстрыми шагами переходилъ по верхней галлереѣ, со своей и своей супруги половины, на половину императрицы. Государыня не показывалась изъ своихъ покоевъ и говорили, что она въ слезахъ. Первое, что́ дошло до насъ о причинѣ этого переполоха былъ слухъ, что Измайловскій полкъ взбунтовался. Новость эта не могла не быть поразительною послѣ такъ еще недавняго бунта Семеновскаго полка. Вскорѣ однакожъ узнали, что первый слухъ дошелъ въ преувеличенномъ видѣ: одни лишь офицеры названнаго полка заявили себя недовольными и стали, всѣ поочередно, подавать въ отставку. Впослѣдствіи, когда я былъ уже офицеромъ этого полка, про эту исторію мнѣ разсказывали такъ. Великій князь Николай Павловичъ производилъ репетицію «развода». Онъ остался очень недоволенъ маршировкой офицеровъ и, садясь въ дрожки по окончаніи ученья, сказалъ полковому командиру ген. Мартынову: «людей распустите, а у гг. офицеровъ уровняйте шагъ». Мартыновъ такъ и сдѣлалъ: батальонъ отпустилъ въ казармы, а офицеровъ, разставивъ

на взводныя дистанціи, сталъ водить взадъ и впередъ. Офицеры обидѣлись. Прямо съ ученья они собрались въ дежурной комнатѣ и, послѣ недолгихъ преній по поводу *кукольной,* какъ они выражались, *комедіи,* мысль о выходѣ всѣхъ изъ службы единодушно была принята, и тутъ же брошенъ жребій, кому начинать и въ какомъ порядкѣ слѣдовать въ осуществленіи этой мысли. Два первыя прошенія объ отставкѣ были поданы въ тотъ же день. Надо замѣтить, что Государь въ это время находился за-границей. Подано уже было три пары такихъ прошеній, а четвертая готова была сдѣлать тоже [3]), какъ полковой камандиръ пригласилъ съ себѣ общество офицеровъ и, сквозь слезы, торжественно предъ ними извинился, сказавъ, что онъ не совсѣмъ понялъ приказаніе великаго князя.

Такъ окончилась эта исторія, а съ тѣмъ вмѣстѣ водворилось и спокойствіе въ Павловскѣ. Вскорѣ дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ у насъ въ корпусѣ начались экзамены.

Когда Ламсдорфъ и я явились къ полковому командиру Измайловскаго полка, то насъ раз-

---

[3]) По уставу, прошенія объ отставкѣ не должно принимать иначе какъ только по два въ день, да и то съ промежутками въ 24 часа.

мѣстили по разнымъ ротамъ, причемъ я присоединился къ артели братьевъ Бутовскихъ. Вообще мы не могли нахвалиться любезнымъ пріемомъ со стороны общества офицеровъ. Словомъ сказать, мы вступили на новый путь при самой благопріятной обстановкѣ. Но вскорѣ намъ стало замѣтно, что полкъ далеко неспокоенъ: солдаты хотя и исполняли требованія дисциплины, но покорялись ей съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и на офицеровъ смотрѣли свысока, насмѣшливо. Для насъ, новичковъ, такое положеніе не совсѣмъ было понятно; но нельзя было не замѣтить озабоченности, особливо ротныхъ командировъ: случались такія выходки со стороны подчиненныхъ, которыя ясно указывали на сознаніе этими послѣдними своей силы. Для примѣра разскажу одинъ такой случай. До выступленія въ походъ оставалось лишь нѣсколько дней; ни ученій, ни разводовъ съ церемоніей не дѣлалось: разводы производились по домашнему, т.-е. прямо изъ казармы по карауламъ. Однажды нашъ батальонъ, долженствовавшій въ тотъ день занять караулы, былъ выстроенъ вдоль боковаго фасада Гарновскаго дома [4]) и стоялъ

[4]) Офицерскія казармы Измайловскаго и лейбъ-егерскаго полковъ.

вольно въ ожиданіи своего полковника; а мы, офицеры, сойдясь шагахъ въ двадцати передъ фрунтомъ, весело разговаривали. Показался со стороны казармъ высокаго роста старый гренадеръ перваго батальона, въ шинели и фуражкѣ. Вмѣсто того, чтобы обойти стороною, онъ направился на интервалъ между нами и фрунтомъ батальона, и когда съ нами поровнялся, то обратился къ батальону и громко скомандовалъ: *Смирно*! Батальонъ смолкъ и сталъ «смирно», какъ бы по командѣ своего полковника. «Здорово, ребята!» крикнулъ гренадеръ. «Здравія желаемъ!» грянулъ батальонъ, и вслѣдъ затѣмъ по всему строю раздался хохотъ. Гренадеръ повернулся и пошелъ своей дорогой, какъ ни въ чемъ не бывало,—и никто изъ офицеровъ, даромъ что всѣ они были сильно поражены такою дерзостью, никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста, чтобъ остановить наглеца. Видно, начальство потеряло почву подъ собой.

Изъ чего же возникло и чѣмъ поддерживалось между нижними чинами такое мятежническое настроеніе? Причинъ тому и другому много: Семеновскій бунтъ, общая подача прошеній объ отставкѣ Измайловскихъ офицеровъ

(о чемъ не могъ не проникнуть слухъ въ массу полка), затѣмъ насильственная смерть лейбъ-егерскаго капитана Батурина, незадолго до того зарѣзаннаго въ казармѣ рядовымъ своей роты,—такихъ небывалыхъ дотолѣ фактовъ слишкомъ достаточно, чтобы произвести болѣе или менѣе глубокое впечатлѣніе. Поддерживалось же и развивалось впечатлѣніе это, благодаря изобрѣтенію одного, какъ слышно было, изъ начальниковъ гвардейскихъ дивизій (не знаю только котораго изъ нихъ, барона Розена или Потемкина). Дѣло вотъ въ чемъ. Государь Александръ Павловичъ каждый день дѣлалъ прогулки то пѣшкомъ, то въ дрожкахъ или санкахъ, всегда одинъ одинешенекъ (если не считать его кучера Ильи). На этихъ прогулкахъ Государю случалось встрѣчать солдатъ въ нетрезвомъ видѣ. Такой безпорядокъ не оставался, конечно, безъ замѣчаній начальству. Начальство, изыскивая средства, которыя поставили бы солдатъ въ невозможность шататься по городу пьяными, возъимѣло несчастную мысль завести кабаки по полкамъ, по одному въ каждой ротной артели. На первый взглядъ, ничего придумать лучше было нельзя: солдатъ не пойдетъ пить въ городской кабакъ

уже и потому, что въ артели вино продавалось дешевлѣ; да и напиваться ему у себя дома было свободнѣе; а охмѣлѣетъ, изъ казармы его не выпустятъ. Цѣль начальства, стало быть, достигнута. Но каковы же оказались послѣдствія этой мѣры! Солдаты, ничѣмъ не стѣсняемые, сходились на выпивки цѣлыми сборищами, а гдѣ сборище—тамъ и толки, особливо «подъ чаркою». Понятно, о чемъ охотнѣе всего толковали эти, подогрѣтые винными парами, грубые, недовольные умы, затронутые къ тому же прежними примѣрами открытаго протеста. Вотъ главная причина того, что разшатанная дисциплина дошла до своевольства. Очень можетъ быть, что такому опасному положенію способствовалъ и инспекторскій смотръ барона Розена [5]). На этомъ смотру одна изъ ротъ (капитана Литвинова) жаловалась на своего ротнаго командира, чего въ памяти полка не представлялось примѣра. Заведя «справа и слѣва» роту вокругъ себя, Розенъ выслушалъ людей и говорилъ съ ними очень долго. О чемъ у нихъ шла рѣчь, осталось неизвѣстнымъ. У Литвинова послѣ того рота, однакожъ, от-

[5]) Командира первой гвардейской дивизіи.

нята не была, а также и со стороны солдатъ никто не былъ отмѣченъ, какъ зачинщикъ жалобы; но затѣмъ возбужденіе въ массѣ полка не только не затихло, но, казалось, еще усилилось [6]).

Не трудно угадать, чѣмъ бы разрѣшилось такое положеніе вещей, еслибъ въ жизни солдата не послѣдовала крутая перемѣна: выступили въ походъ. Усталость послѣ двадцативерстнаго и болѣе, въ полной аммуниціи, «перехода», закрытіе домашнихъ кабаковъ, а съ ними и сходокъ для праздныхъ пересудовъ; съ другой стороны, свойственныя простому человѣку развлеченія (пѣсенники, шуты и неистощимыя росказни «о своей сторонѣ», о сельскихъ на родинѣ угощеніяхъ, росказни, на которыя солдатъ особенно падокъ), все это вмѣстѣ волшебно дѣйствовало на успокоеніе умовъ: не успѣли мы дойти до Бѣжаницъ, гдѣ должны были встрѣтиться съ Государемъ, возвращавшимся изъ-за границы, какъ уже люди стали неузнаваемы.

---

[6]) Около этого времени, нѣсколько спустя, Розенъ и Потемкинъ были смѣщены съ командованія гвардейскими дивизіями.

Въ Бѣжаницахъ дѣло такого успокоенія едва однакожъ не пострадало, благодаря безтактности офицеровъ. Для встрѣчи Государя полкъ рано утромъ выведенъ былъ на площадь и построенъ въ колонны. Стояли *вольно*. Между офицерами рѣчь зашла объ обращеніи съ нижними чинами; одни [1]) держались того мнѣнія, что путемъ внушенія и убѣжденія приличнѣе всего вести солдата къ сознанію его долга, нисколько не нарушая дисциплины; другіе (въ томъ числѣ и мой соартельщикъ А. Бутовскій), защищали старую рутину: они утверждали, что единственный въ этомъ отношеніи стимулъ, это—*палка* и что безъ палки съ солдатомъ ничего не подѣлаешь. Эти разсужденія не замедлили перейти въ споръ, споръ жаркій и настолько громкій, что близъ стоявшій батальонъ могъ его слышать и въ самомъ дѣлѣ слышалъ; разумѣется, люди этого батальона узнали при этомъ много такого, отъ чего дисциплина не могла быть въ выигрышѣ. Къ счастію, въ самый разгаръ спора, дали знать, что Государь уже близко...

---

[1]) Михлашевскій, Летюхинъ, Капнистъ, Жуковъ. Всѣ они вскорѣ послѣ того, мало по малу выбыли изъ полка, кто въ адъютанты, кто въ отставку.

Государь, сѣвъ на лошадь, подскакалъ къ колоннамъ и сталъ ихъ объѣзжать кругомъ; съ людьми нѣсколько разъ здоровался, офицерамъ — ни слова! Лицо его было гнѣвно. Во время объѣзда онъ не переставалъ горячо говорить полковому командиру, за нимъ слѣдовавшему; въ его голосѣ слышался выговоръ. Мнѣ удалось, когда онъ проѣзжалъ мимо меня, уловить слѣдующія слова «....передъ взводомъ, а суются дѣлить Европу». Надо думать, что пропущенныя мною слова были... *Не умѣютъ порядочно пройти*, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ясно, что Государь говорилъ объ офицерахъ. Пропустивъ мимо себя полкъ церемоніальнымъ маршемъ и поблагодаривъ *людей*, Государь тотчасъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Какъ послѣ намъ стало извѣстно, не съ однимъ нашимъ полкомъ обошелся онъ такъ сурово: съ другими полками было тоже, или почти тоже.

Вообще походомъ я скучалъ. Я не находилъ удовлетворенія моимъ наклонностямъ въ нашей артели, гдѣ думали только о томъ, чтобы хорошо поѣсть; время проводили или въ праздности, или въ пошлой болтовнѣ. Это все бы еще ничего, такъ какъ я не зналъ о со-

ставѣ другихъ офицерскихъ артелей и не могъ дѣлать сравненій; но я не могъ хладнокровно смотрѣть, какъ старшій Бутовскій, Алексѣй, третируетъ своего брата Петра, моего соученика по Ришельевскому институту; а между тѣмъ Петръ былъ человѣкъ смирный, богобоязливый и рабски покорный своему брату. Разъ какъ-то, изъ-за какого-то пустяка, и то совершенно напрасно, онъ набросился на Петра. Я не вытерпѣлъ, за него вступился, наговорилъ Алексѣю такихъ вещей, которыя для его самолюбія не могли быть лестны, и мы съ нимъ разсорились. На другой день я отправился въ Сѣнно [8]) и перепросился въ другую роту, въ артель двухъ братьевъ Семеновыхъ, Михаила и Николая, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Ивана Ивановича Богдановича. Этотъ послѣдній давно уже зазывалъ меня въ свой кружокъ. Прямо изъ Сѣнно я пріѣхалъ къ нимъ.

Самый уже пріемъ со стороны моихъ новыхъ товарищей меня обворожилъ; а затѣмъ, на первыхъ же порахъ, я увидѣлъ себя въ совсѣмъ другой сферѣ: золотая умѣренность, открытость обращенія, прелесть любопытныхъ

---

[8]) Штабъ полка.

и живыхъ бесѣдъ; къ тому жъ книги, краски, музыка, конечно насколько это было возможно въ походѣ; словомъ, въ этомъ пріютѣ я нашелъ все чего алкалъ, на что̀ откликнулись мои инстинкты. Съ тѣмъ вмѣстѣ я видѣлъ, что всѣ трое мои новые товарищи меня полюбили, и я полюбилъ ихъ отъ всей души. Весь остальной походъ до Вильны былъ для меня пріятнѣйшей прогулкой. Михаилъ Николаевичъ, даромъ что нѣсколькими годами моложе своего брата, обладалъ характеромъ вполнѣ установившимся; отъ своихъ правилъ онъ не отступалъ ни на шагъ и не позволялъ себѣ увлекаться въ какія-нибудь крайности. Къ самому себѣ онъ былъ особенно строгъ. Нерѣдко онъ, дружески надо мною подшучивая, замѣчалъ мнѣ, что я еще «не выкяпитился», что я моложе моихъ лѣтъ. О людяхъ своей роты онъ заботился, какъ о своихъ дѣтяхъ. При тѣхъ же добрыхъ началахъ, братъ его Николай [9]) былъ другой человѣкъ. Смотрѣлъ онъ на вещи поверхностно. Къ тому же весь свой запасъ мышленія онъ ограничилъ съ одной

---

[9]) Въ послѣдствіи директоръ Рязанской гимназіи, и за тѣмъ Вятскій губернаторъ.

стороны вѣкомъ Людовика XIV, съ другой— Волтеромъ и Руссо. Онъ особенно любилъ Буало, зналъ наизусть его Art Poétique, его Le Lutrin и нѣсколько сатиръ. Въ Петербургѣ у него оставалась библіотека, въ которой первое мѣсто занимали полныя сочиненія названныхъ писателей. Несмотря на такую замкнутость его воззрѣній, я много обязанъ Николаю Николаевичу: до сближенія съ нимъ, произведенія чисто-литературныя — романы, poésies и т. п. я считалъ слишкомъ достаточными для моего умственнаго обихода; онъ же открылъ мнѣ новый міръ, міръ дѣятельности мысли.

Третій мой товарищъ И. И. Богдановичъ [10]), при отличныхъ свойствахъ души, отличался болѣзненною, можно сказать, впечатлительностью. Этотъ недостатокъ въ немъ выражался крайнею неровностью въ расположеніи духа: то онъ бывалъ привѣтливъ, уступчивъ, говорливъ и предавался самой задушевной веселости; то, безъ видимой причины, мрачно углублялся въ самого себя, во всѣхъ видѣлъ

---

[10]) Изъ камерпажей; онъ вышелъ изъ корпуса годами пятью раньше меня.

недоброжелателей, подозрѣвалъ противъ себя какіе-то замыслы. Такое непостоянство характера Богдановича не могло не отразиться и на моихъ съ нимъ отношеніяхъ: то мы были въ дружбѣ, то во «враждѣ» и, бывало, подолгу между собою не говорили. Съ другой стороны, для Богдановича весь міръ заключался въ его служебныхъ обязанностяхъ. Онъ отдавался имъ, не заглядывая по сторонамъ. Это его погубило въ послѣдствіи. Четырнадцатаго Декабря, при чтеніи послѣдняго манифеста, когда произнесено было имя Николая, какъ императора, Богдановичъ прервалъ чтеца и возгласилъ «Константина». Но Богдановичъ не принадлежалъ къ политическому тайному обществу; онъ не зналъ и знать не хотѣлъ никакихъ незаконныхъ направленій. Онъ никогда ничего не читалъ, хотя и обладалъ умомъ живымъ и логичнымъ; но тѣ клочки образованія, которые онъ вынесъ изъ Пажескаго корпуса, онъ, какъ только надѣлъ эполеты, закинулъ par dessus les moulins [11]). Еслибъ Богдановичъ зналъ, что тѣ, которые подъ предлогомъ законности заручили его на сторону

[11]) Поверхъ мельницъ.

Константина противъ Николая, въ сущности не хотѣли ни того, ни другаго, онъ не попалъ бы въ западню. Онъ увидѣлъ, что далъ промахъ; но увидѣлъ только тогда уже, какъ его вспышку назвали измѣной. Не трудно угадать, что̀ за тѣмъ послѣдовало: совѣсть подняла бурю въ его сознаніи, а его мнительность довершила остальное. Утромъ 15 Декабря, когда распустили полкъ, простоявшій всю ночь въ ружьѣ, наготовѣ, Богдановичъ пришелъ къ себѣ на квартиру и тотчасъ услалъ куда-то своего Ѳедора. Когда тотъ вернулся, то нашелъ уже лишь бездыханный трупъ своего господина, на полу, въ лужѣ крови.... Но я забѣжалъ впередъ; возвращаюсь къ моему разсказу.

Стоянка гвардіи въ Бѣлоруссіи завершилась маневрами, которыми Государь остался совершенно доволенъ и принялъ небывалое дотолѣ приглашеніе своей гвардіи: откушать у нея хлѣба-соли. Пиръ былъ задуманъ широко и, должно быть, задуманъ задолго до его исполненія; припасы къ нему выписывались изъ дальнихъ мѣстъ, напр. вина изъ Риги, рыба изъ Астрахани и т. д. Столъ приготовлялся на тысячу особъ, для чего возвели гал-

лерею, съ мѣстами въ ней, устроенными амфитеатромъ, такъ что Государь, занимая центръ онаго, былъ на виду у всѣхъ присутствовавшихъ. Едва успѣли усѣсться по мѣстамъ, раздалось хлопанье пробокъ. Государь, сказавъ «Ruse contre ruse!» [12]), велѣлъ наполнить свой бокалъ и, вставъ, *первый* провозгласилъ тостъ въ честь гвардіи. Послѣ царскаго бокала, тосты не прерывались во весь обѣдъ. Натянутости не было никакой; всѣ говорили шумно, громко. Внѣ галлереи—другой громъ и шумъ; тамъ пировала вся гвардія, тамъ нѣсколько хоровъ музыки, пѣсенники; все это сливалось въ одинъ нестройный, но торжественный гулъ.

Предупредительности Государя въ произнесеніи тоста приписывали особенное значеніе. У всѣхъ оставалось еще свѣжо въ памяти, съ какимъ нескрываемымъ гнѣвомъ Государь, на своемъ пути изъ-за границы, встрѣчалъ гвардейскіе полки, и вдругъ такой рѣзкій поворотъ, такое неожиданное благоволеніе! Варьяцій на эту тему было много; говорили, что Государь смягчился и допустилъ позвать себя на обѣдъ, желая тѣмъ явить готовность свою

---

[12]) Хитрость противъ хитрости.

къ забвенію стараго, къ нѣкотораго рода примиренію съ своей гвардіей. Не менѣе толковъ возбуждала и догадка, кому первому вспала оригинальная мысль объ обѣдѣ? Одни приписывали ее Чернышову, другіе Бенкендорфу, а иные—кому и повыше.... Этотъ вопросъ такъ и остался неразгаданнымъ.

Съ мѣста маневровъ гвардія двинулась къ Вильнѣ, гдѣ изъ нашего полка должны были занять квартиры полковой штабъ и первый батальонъ, а прочіе два батальона расположены были по окрестностямъ. Тутъ, къ великому моему сожалѣнію, мнѣ пришлось разстаться съ моими добрыми спутниками, такъ какъ всѣхъ прапорщиковъ прикомандировали къ первому батальону. Вильна, прекрасный городъ, не представлялъ однакожъ пріятной стоянки для Русскаго войска: Поляки смотрѣли на насъ изъ-подлобья и насъ чуждались. Поэтому я и мои новые соквартиранты большею частью не выходили изъ дому, не зная, чѣмъ занять свое время. Простоявъ въ Вильнѣ восемь мѣсяцевъ, гвардія выступила въ обратный путь. Походъ этотъ мы совершали чрезъ Остзейскій край, и ко времени Петергофскихъ празднествъ вся гвардія стянулась къ Петер-

гофу, гдѣ, простоявъ нѣсколько дней, стала расходиться по своимъ квартирамъ, но не въ прежнемъ порядкѣ: *до* похода, полки въ полномъ своемъ составѣ помѣщались каждый въ своихъ Петербургскихъ казармахъ; *по* возвращеніи же изъ похода, въ Петербургъ вступали только по два батальона, а третій расквартировывался по окрестнымъ мѣстамъ; черезъ полгода его смѣнялъ другой батальонъ, а за тѣмъ въ свою очередь и третій. Мѣра эта, какъ говорили, принята была съ гигіеническою цѣлью: солдату такимъ образомъ предоставлялось періодически пользоваться сельскомъ воздухомъ и отдыхомъ отъ трудовъ гарнизонной службы, чтó при тогдашней двадцати-пятилѣтней службѣ было большимъ облегченіемъ. Но вотъ, около этого же, помнится, времени, введенъ новый порядокъ и по другой части: капитанъ, при производствѣ въ полковники, не оставался продолжать службу въ томъ же полку, а переводился въ другой гвардейскій полкъ. При этомъ послѣднемъ нововведеніи, заботливость о здоровьѣ и отдыхѣ не могла конечно имѣть мѣсто, и потому въ мѣрѣ этой угадывали другую цѣль, именно ослабить товарищескую связь между офицерами. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что таже мысль имѣла свою долю участія и въ первомъ случаѣ, но только относительно нижнихъ чиновъ, при новомъ расквартированіи гвардіи внѣ столицы.

Вслѣдствіе этого новаго порядка нашъ (третій) баталіонъ изъ-подъ Петергофа прямо перешелъ на «загородное расположеніе», причемъ наша рота (М. Н. Семенова) заняла деревню Витину, а верстахъ въ пятнадцати оттуда остановился со взводомъ другой роты офицеръ, котораго назову *Зетомъ* [13]). Съ нимъ я еще мало былъ знакомъ. Въ Витину Семеновъ перевезъ изъ города свое фортепіано, его братъ Николай прислалъ мнѣ книгъ; и мы зажили недурно, несмотря на то, что насъ окружала страшная глушь.

Съ этого времени я началъ «читать». Первое, что̀ мнѣ попалось въ руки—была знаменитая рѣчь Руссо о вліяніи наукъ и художествъ на нравы. Книга эта открыла необозримый просторъ для мысли; она поразила меня новизною и смѣлостью воззрѣній на ту степень искаженія своей натуры, до какой, какъ вѣщалъ Руссо, дошелъ человѣкъ чрезъ

---

[13]) Псевдонимъ.

лабиринтъ цивилизаціи. Разумѣется, всѣ положенія, всѣ выводы философа я принималъ на-вѣру и усвоивалъ безпрекословно, и это тѣмъ легче, что среди непрерывнаго для меня уединенія ничто изъ обыденной дѣйствительности не сильно было затмить тѣ идеи, которыя пламенными чертами напечатлѣвались въ моемъ воображеніи. Еслибъ мнѣ тогда понадобилось изобразить состояніе моего духа, я, конечно, выразился бы совсѣмъ иначе или и вовсе не съумѣлъ бы выразиться; но теперь, на разстояніи слишкомъ шестидесяти лѣтъ, оно представляется мнѣ во всей своей наготѣ.

У себя, въ Витинѣ, обмѣниваться мыслями мнѣ было не съ кѣмъ, такъ какъ мой сожитель былъ человѣкъ вполнѣ положительный: онъ далеко не одобрялъ моихъ бредней и, что̀ хуже, надъ ними подтрунивалъ, повторяя прежнее на мой счетъ замѣчаніе, что я еще *не выкипятился*, что мнѣ нужно еще поприглядѣться къ свѣту. Чѣмъ далѣе я встрѣчалъ противорѣчій со стороны Семенова, тѣмъ больше, не смотря на мое глубокое къ нему уваженіе, я находилъ въ немъ неподготовленности и, наконецъ, неспособности къ обсужденію такихъ отвлеченностей.

Зеть, нерѣдко навѣщавшій насъ, особливо въ началѣ загородной стоянки, оказался болѣе податливымъ на толки о предметѣ меня занимавшемъ; но когда между нами разговоръ начиналъ склоняться въ эту сторону, то оба они, Зеть и Семеновъ, видимо старались его заминать. Однажды Зеть мнѣ сказалъ: «И охота вамъ заводить съ Михайломъ Николаевичемъ рѣчь о подобныхъ вещахъ! Развѣ вы не видите, что онъ этого не любитъ?»

Общество Зета я находилъ очень пріятнымъ. Въ этомъ человѣкѣ мнѣ нравились безыскусственность, открытость въ обращеніи и логичность во взглядахъ. Первыя мои къ нему поѣздки развлекались отчасти игрою въ шахматы, а иногда и музыкой: Зеть довольно виртуозно владѣлъ смычкомъ, безъ одушевленія впрочемъ. Но затѣмъ мало-по-малу и шахматы, и музыка были забыты: разговоръ всегда находилъ пищу безъ натяжки, мысли какъ бы сами собой наводили на сюжеты, всегда интересные. Мой собесѣдникъ, при возбужденіи какого-либо вопроса, приступалъ къ его толкованію прямо, безъ изворотовъ, не смотря на то, что воспитывался у оо. Іезуитовъ, гдѣ-то въ провинціи; напротивъ, онъ порицалъ

порядки, заведенные въ ихъ коллегіумахъ. Окончательное образованіе Зетъ получилъ въ одномъ изъ лучшихъ въ то время пансіоновъ Петербурга.

Въ моихъ бесѣдахъ съ Зетомъ я не во всемъ съ нимъ сходился; напримѣръ, во взглядѣ его на искусства. Зетъ видѣлъ въ нихъ не болѣе какъ орудіе для празднаго развлеченія, почти какъ дѣтскую игрушку, не имѣющую прямаго вліянія на благосостояніе обществъ. Онъ говорилъ, что въ массѣ человѣчества меньшинство, которому одному доступно эстетическое чувство, совершенно ничтожно по своей численности; что громадное большинство, можно сказать «все человѣчество», въ искусствахъ не можетъ знать толку, стало-быть, въ нихъ не нуждается, такъ какъ оно слишкомъ подавлено заботами о своемъ матеріальномъ существованіи; что ежели, для того, чтобы облагородить натуру человѣка, расширить его понятія, нужны примѣры или поученія: то не разумнѣе ли ихъ черпать прямо изъ самой природы, чѣмъ изъ произведеній искусствъ—подражаній ей болѣе или менѣе слабыхъ; что точно также было бы разумнѣе, еслибъ устроенныя уже общества обращали свои силы,

трудъ, время и богатства на положительныя пользы большинства людей, на облегченіе его «непрошеннаго» жалкаго существованія, чѣмъ тратить эти драгоцѣнныя силы на поощреніе художествъ, въ угоду лишь самому ничтожному меньшинству; что, наконецъ, я, поклонникъ Руссо, впадаю въ противорѣчіе съ самимъ собою, восхваляя то, что́ Женевскій мой оракулъ признаетъ пагубнымъ для истиннаго счастья людей.

Во всемъ этомъ я находилъ много правды. Меня особенно приводила въ смущеніе послѣдняя аргументація моего оппонента, какъ улика въ непослѣдовательности. Я уѣзжалъ отъ него недовольный самимъ собою; но затѣмъ, впечатлѣнія, оставленныя во мнѣ каждымъ споромъ, ослабѣвали болѣе и болѣе и переходили опять въ убѣжденіе, что лишь одни эстетическія наслажденія способны вознаградить человѣка за то существованіе, которое Зетъ называлъ «непрошеннымъ». Въ томъ же родѣ Зетъ судилъ и о всѣхъ прочихъ предметахъ, но еще строже, напр. о театрѣ. Сценическія представленія, говорилъ онъ, какъ подражаніе природѣ, еще болѣе должны быть отнесены къ числу праздныхъ и, на этотъ

разъ, даже вредныхъ забавъ: въ нихъ встрѣчаются противорѣчія и чудовищныя несообразности, извращающія природу, вмѣсто того, чтобы заимствовать изъ нея красоту и гармонію. На сценѣ мысли и чувства выражаются самымъ неестественнымъ образомъ, стихами или, чтó еще смѣшнѣе, музыкой, даже при изображеніи предсмертныхъ мученій! Сверхъ того, сцена—школа двуличія. Намъ нужна лишь прямота, лишь правда, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни; а между тѣмъ артистъ натуживается, чтобъ казаться *инымъ,* чѣмъ онъ есть, значитъ—лжетъ, значитъ надуваетъ публику; это своего рода мошенничество, и чѣмъ ловчѣе актеръ смошенничаетъ, тѣмъ и славы ему больше. Оттого-то Зетъ, когда мы перешли въ Петербургъ, въ спектаклѣ не бывалъ; я же, хотя опять находилъ много правды въ его сужденіяхъ о театрѣ, не переставалъ увлекаться имъ по прежнему.

Какъ ни кажутся теперь нелѣпыми и праздными подобныя умствованія, они въ то время дѣйствительно осаждали мою голову, чтó бываетъ въ извѣстный періодъ жизни съ каждымъ изъ тѣхъ, кто сколько-нибудь надѣленъ способностью мыслить и чувствовать.

Среди такихъ-то философствованій незамѣтно наступилъ терминъ загородной стоянки, и мы перешли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я дѣлилъ время между службой и посѣщеніями знакомыхъ семейныхъ домовъ; прочіе мои досуги я отдавалъ беззавѣтно моимъ любимымъ приманкамъ—оперѣ и Эрмитажу. Читалось въ въ это время конечно очень мало, еще меньше случалось заноситься въ «завиральныя идеи». Это послѣднее упражненіе шло слабѣе и потому еще, что въ глуши Витинскаго уединенія наши философскіе съѣзды были какъ бы случайною новинкою, съ запасомъ мыслей, собранныхъ каждымъ изъ насъ въ промежуткахъ этихъ съѣздовъ; здѣсь же, въ Петербургѣ, я жилъ на одной квартирѣ съ Зетомъ, и этотъ интересъ расплывался и мельчалъ.

Такой разсѣянной, такой безсодержательной жизни много способствовала и легкость службы. Одни ротные командиры серьезно службой были заняты, а младшій офицеръ, коль скоро онъ отбылъ три или четыре ученія въ недѣлю да отстоялъ въ караулѣ, то считалъ себя совершенно свободнымъ: никогда не заглядывалъ въ ротную казарму и даже лично не зналъ своей части солдатъ. Намъ очень не понра-

вилось, когда, на послѣднемъ инспекторскомъ смотру, начальникъ штаба Нейгардтъ, желая извѣдать радивость молодыхъ офицеровъ къ своему дѣлу, приказалъ называть по имени солдатъ своихъ взводовъ; ни одному изъ насъ не удавалось назвать болѣе десяти человѣкъ съ праваго фланга. О томъ, чтобъ офицеръ (который, по строгости, долженъ бы служить во всемъ примѣромъ солдату) умѣлъ владѣть солдатскимъ ружьемъ, и намеку не было. Это тѣмъ болѣе странно, что самъ великій князь не только мастерски исполнялъ ружейные пріемы, но и былъ лучшимъ барабанщикомъ и лучшимъ горнистомъ своей бригады. Вообще старались довести до возможнаго совершенства такія особенности военной техники, которыя, въ сущности, ничего боеваго въ себѣ не заключають, напр. соблюденіе формы въ одеждѣ, умѣніе ловко пройти церемоніальнымъ маршемъ передъ взводомъ, а стоя въ караулѣ во время «выбѣжать вонъ» т.-е. отдать честь пріѣзжающему начальнику. Не погрѣшать въ исполненіи этихъ задачъ офицеры болѣе всего заботились, а между тѣмъ позволяли себѣ иногда нарушать болѣе важныя обязанности какъ то: отпускали на ночь домой арестован-

ныхъ на ихъ гауптвахтѣ офицеровъ, а бывало и сами покидали караулы для того только, чтобъ не скучно провести день караула съ своимъ товарищемъ; такъ, напримѣръ, всегда поступали караульные офицеры при сухопутныхъ и морскихъ госпиталяхъ. Даже въ самомъ Зимнемъ дворцѣ офицеры внутреннихъ карауловъ не затруднялись позволять себѣ вольности. Такъ напр., офицеры смежныхъ внутреннихъ карауловъ, кавалергардскаго и пѣхотнаго, исполняли съ примѣрною исправностью свое дѣло во время дня; но какъ только дневная суета утихала, какъ только все во дворцѣ умолкало, такъ офицеры эти преспокойно отправлялись на ночлегъ въ такъ называемую Трубную, чтó весьма не близко отъ ихъ постовъ, въ самомъ верхнемъ этажѣ дворца. Трубная—это казарма инвалидной дворцовой команды. Изъ числа кроватей этой казармы двѣ крайнія (у самой входной двери) содержались очень опрятно къ услугамъ названныхъ двухъ офицеровъ, которымъ удовольствіе на нихъ переночевать стоило по синенькой бумажкѣ. Не знаю, такъ-ли мягко проводили ночь офицеры другихъ внутреннихъ карауловъ, ко-

торыхъ во дворцѣ еще было нѣсколько. Ночнымъ рундомъ караулы эти обходилъ одинъ лишь Депрерадовичъ, когда бывалъ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ. Надо думать, что этотъ ночной обходъ не былъ обязателенъ; иначе нѣтъ сомнѣнія, что и прочіе генералъ-адъютанты дѣлали бы тоже.

Внутренній дворъ Зимняго дворца занятъ былъ главной гауптвахтой; сюда въ караулъ вступала цѣлая рота съ ея капитаномъ и двумя младшими офицерами. Днемъ въ этомъ караулѣ порядки соблюдались тѣже, что́ и въ другихъ караулахъ, и число часовыхъ разводилось по по́стамъ ефрейторомъ соразмѣрно величинѣ караула; но на ночь число часовыхъ увеличивалось двумя, отводъ которыхъ на ихъ по́сты и ихъ «сдача» (consigne) отличались большею сложностью. Перваго такого часоваго отводилъ самъ капитанъ, въ сопровожденіи старшаго унтеръ-офицера и ефрейтора. Для указанія пути къ этому по́сту являлся, поздно вечеромъ, одинъ изъ придворныхъ низшаго ранга. Пути этого я теперь не припомню; помню только, что надо было проходить нѣсколько комнатъ, поворачивать въ

разныя стороны, всходить на верхъ; въ одномъ мѣстѣ, помнится, выходили на небольшой балконъ, съ котораго перелѣзали черезъ окно въ какую-то комнату и т. д., окончательно выходили на площадку большой лѣстницы, противъ которой находилось окно, выходящее на внутренній дворъ, гдѣ стояла главная гауптвахта, а подъ прямымъ угломъ къ окну была большая дверь, запертая снутри на ключъ. Часовой на этой площадкѣ ставился тыломъ къ окну, лѣвымъ плечомъ къ двери. «Сдача» этому часовому была слѣдующая: когда онъ послышитъ за дверью какой-нибудь необычайный шумъ или стукъ, то долженъ выхватить изъ ружья шомполъ и бросить его черезъ стекло окна. Внизу, во дворѣ, подъ самымъ этимъ окномъ, недалеко отъ главной гауптвахты, ставился другой часовой; ему сдача: какъ только шомполъ упадетъ подлѣ него, онъ долженъ бѣжать на главную гауптвахту и заявить о томъ капитану, а капитанъ по этому сигналу долженъ спѣшить съ цѣлымъ взводомъ, т.-е. съ половиною караула, на мѣсто происшествія и поступать по усмотрѣнію.

Въ часъ ночи, вторая смѣна этому часовому отводилась такимъ же порядкомъ, но

только не капитаномъ, а поручикомъ; въ три часа ночи, на третью смѣну тоже исполнялось младшимъ офицеромъ караула; а въ пять часовъ утра постъ этотъ снимался.

Съ другой стороны, и образованіе солдата не вполнѣ отвѣчало той цѣли, къ которой онъ назначенъ, именно низложить противника. Для этого, правда, ему даны ружье, штыкъ и тесакъ; но ни однимъ изъ этихъ оружій (за исключеніемъ развѣ учебныхъ ружейныхъ пріемовъ) солдатъ владѣть не умѣлъ: стрѣльбѣ въ цѣль его не учили; я прослужилъ пять лѣтъ въ полку и ни на одномъ стрѣльбищѣ не былъ, да и не слышалъ, чтобъ такія ученія производились. О штыкѣ какъ-то была рѣчь: выписали фехтовальнаго инструктора изъ Австріи. Дабы показать превосходство ученаго бойца въ сравненіи съ неученымъ, выбрали молодца-гренадера и поставили ихъ на assaut; нашъ напиралъ, а Нѣмецъ ловко и упорно парировалъ, и тѣмъ до того разозлилъ гренадера, что этотъ, оборотивъ ружье, хватилъ Нѣмца прикладомъ въ грудь [14]). Съ тѣхъ поръ вопросъ о боѣ на штыкахъ не

[14]) Это случилось еще до моего выпуска изъ Корпуса, и не въ Измаиловскомъ полку, а въ Преображенскомъ.

возникалъ. Что же касается до тесака, то онъ изъ ноженъ никогда не вынимался и только увеличивалъ тяжесть вооруженія рядоваго. Сверхъ того, солдата не упражняли въ выносливости, не производили походныхъ «переходовъ» въ полной аммуниціи, а все достоинство солдата заключали въ выправкѣ, маршировкѣ, равненіи и т. п. Разказывали, что Ермоловъ однажды присутствовалъ при разводѣ одного изъ батальоновъ бригады Михаила Павловича. Разводъ удался превосходно; Государь былъ до того доволенъ, что въ знакъ своего благоволенія пожалъ руку полковому командиру. Всѣ радовались, всѣ ликовали. Михаилъ Павловичъ, который при подобныхъ случаяхъ всегда суетился больше всѣхъ, быстро подошелъ къ Ермолову и спросилъ: «А у васъ, Алексѣй Петровичъ, какъ ходятъ?» — «Да случалось, ваше высочество, что верстъ по пятидесяти дѣлали въ сутки», былъ отвѣтъ.

По возвращеніи изъ похода я прожилъ съ Семеновыми еще годъ, если не больше, въ Петербургѣ. Что̀ было причиною, что я съ ними разлучился, припомнить не могу; знаю только, что съ ними, равно какъ и съ третьимъ ихъ братомъ Василіемъ, тогда съ ними

жившимъ, я разстался какъ нельзя больше дружески; доказательствомъ тому служитъ и до сихъ поръ сохранившаяся у меня переписка съ однимъ изъ нихъ, Мих. Николаевичемъ, за то время, когда, послѣ всѣхъ передрягъ, я жилъ уже въ деревнѣ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что когда я былъ освобожденъ изъ крѣпости, Семеновыхъ я уже въ полку не засталъ и съ тѣхъ поръ не имѣлъ о нихъ свѣдѣній, за исключеніемъ лишь того, что они жили въ своемъ имѣніи въ Раненбургскомъ уѣздѣ. Отозваться къ нимъ я не рѣшался изъ опасенія потревожить ихъ моимъ письмомъ, такъ какъ въ то время на прикосновенныхъ къ дѣлу Декабристовъ смотрѣли какъ на зачумленныхъ. Но съ 1846 г. между мной и М. Н. переписка началась, и переписка самая задушевная, и дѣятельно продолжалась болѣе десяти лѣтъ; послѣднее его ко мнѣ письмо помѣчено отъ Августа 1856 г. Впослѣдствіи, я случайно узналъ, что онъ около этого времени умеръ. А вотъ и еще знакъ пріязни ко мнѣ Семеновыхъ: изъ нихъ В. Н., возвращаясь съ женой въ Петербургъ изъ Грузіи, гдѣ онъ служилъ, сдѣлалъ большой объѣздъ на Верхнеднѣпровскъ, чтобъ со мной видѣться,

но не засталъ меня дома: я былъ въ то время на Кавказскихъ водахъ [15]).

Въ Петербургѣ мое времяпровожденіе разнообразилось и посѣщеніемъ холостыхъ вечеровъ. На такіе вечера сходились у Искрицкаго, пріятеля Зета, чрезъ котораго я съ нимъ и познакомился. Впослѣдствіи, когда мы служили уже за Кавказомъ, Искрицкій мнѣ говорилъ, что, благодаря дядѣ его Ѳ. В. Булгарину, сходки эти у него заподозрѣны были въ связяхъ съ тайнымъ обществомъ. Это совершенная ложь. Искрицкій хотя и оказался прикосновеннымъ къ декабрьскому дѣлу, но на его *Вторникахъ* друзья его сходились не для чего инаго, какъ только чтобъ повидаться между собою на распашку; на этихъ Вторникахъ было много шума отъ болтовни, шутокъ, остротъ и т. п., но ничего въ этихъ сходкахъ не происходило серьознаго, а тѣмъ болѣе вреднаго для правительства.

Такова-то была моя Петербургская жизнь. Она такъ отвѣчала моимъ наклонностямъ, что я не промѣнялъ бы ея ни на какую другую, хотя бы мнѣ за то сулили самыя богатыя

---

[15]) Этотъ Семеновъ—переводчикъ Раупаховой трагедіи *Земная Ночь*.

средства. Разстаться съ Петербургомъ было для меня совершенно немыслимо. Но вышло не то, далеко не то...

Осенью 1825 года нашъ батальонъ выступилъ на загородную стоянку, на этотъ разъ въ Петергофъ, на смѣну тому батальону, въ которомъ служилъ Богдановичъ. На встрѣчномъ походѣ оба батальона сошлись на привалѣ въ Красномъ-Кабачкѣ. Надо замѣтить, что за полгода передъ тѣмъ, когда Иванъ Ивановичъ отправлялся изъ Петербурга на загородную стоянку, мы были съ нимъ во «враждѣ», и потому цѣлые полгода между собой не только не говорили, но и не видались. Но когда при этой встрѣчѣ онъ меня увидѣлъ, то бросился ко мнѣ на шею. Это радостное свиданіе длилось не болѣе пяти минутъ, такъ какъ ихъ батальонъ уже снимался съ привала и готовъ былъ тронуться въ путь. Только я и видѣлъ моего добраго Ивана Ивановича!

II.

(Первая встрѣча съ Декабристами.—Арестъ.—Допросъ самимъ Государемъ безъ свидѣтелей.—Въ Кронштатѣ.—Въ Петропавловской крѣпости.—Слѣдствіе.—Ссылка.)

Изъ записаннаго въ 1826 году.

Еще въ Апрѣлѣ 1825 года мнѣ случилось стоять во внутреннемъ караулѣ Зимняго дворца. Караулъ этотъ въ то время занималъ корридоръ, ведшій изъ смежной залы кавалергардскаго караула, офицеромъ котораго на этотъ разъ былъ Свистуновъ, мой соученикъ по Пажескому корпусу. Такимъ образомъ мы съ нимъ цѣлый день провели вмѣстѣ, у общаго обоимъ карауламъ столика, за большимъ экраномъ камина. Съ Свистуновымъ я не встрѣчался со времени выпуска изъ корпуса. Бесѣда между нами шла оживленно; мы, казалось, сошлись со вкусахъ и наклонностяхъ. Я остался доволенъ проведеннымъ днемъ, Свистуновъ тоже, что́ видно было уже изъ того, что, при снятіи съ караула, онъ просилъ меня не миновать его двери, ежели мнѣ когда-либо доведется быть въ той сторонѣ гдѣ онъ квартируетъ.

Въ первый же мой визитъ Свистунову моя будущность была рѣшена. Мы дотолковались

до разныхъ откровенностей и, въ концѣ концовъ, собесѣдникъ мой мнѣ сообщилъ, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу, и предложилъ мнѣ послѣдовать его примѣру. Не долго думавши, не дождавшись даже дальнѣйшихъ объясненій, я далъ ему «слово». Эти объясненія не замедлили излиться въ восторженной рѣчи, предметъ которой требовалъ выраженій и оборотовъ мнѣ незнакомыхъ, такъ какъ моя тогдашняя мудрость во Французскомъ разговорѣ заключалась лишь въ «здравствуй» да «прощай», съ примѣсью развѣ пустыхъ банальныхъ фразъ; мой же собесѣдникъ владѣлъ этимъ языкомъ какъ своимъ природнымъ.

Вышедъ отъ Свистунова, я шелъ куда глаза глядятъ, безъ плана и безъ цѣли. Въ моей головѣ бродили смутныя, но не тревожныя мысли. Такъ какъ прежде я не слышалъ о существованіи другихъ тайныхъ обществъ кромѣ братства масоновъ, то это послѣднее легко отождествилось съ моимъ новымъ членствомъ: сказано «тайное», значитъ масонство! Чтожъ, масонство, какъ видно, дѣло недурное; на масоновъ смотрятъ какъ на людей высшей интеллигенціи, какъ на людей передовыхъ; и

въ числѣ ближайшихъ нашихъ наставниковъ были масоны: старикъ Оде-де-Сіонъ—масонъ; Триполи—масонъ (этотъ и не скрывалъ, что онъ масонъ); дядя мой князь Манвеловъ, тоже масонъ. Самъ Триполи, когда о дядѣ зашла рѣчь, отозвался о немъ: «Oh, il est des nôtres, il est aussi mystérieux [16]), а я въ немъ этого и не подозрѣвалъ!» Какъ слышно, между высшими государственными людьми многіе принадлежатъ къ тайному обществу; на это указывалъ и Свистуновъ. Да чего тутъ! Самъ Государь, говорятъ, масонъ, и т. д. и т. д. все въ томъ же родѣ.

Послѣдующіе за тѣмъ два мои визита Свистунову, съ цѣлью добиться отъ него болѣе положительныхъ объясненій, были неудачны: въ первый, я засталъ у него нѣсколько человѣкъ гостей; во второй—одного, сидѣвшаго въ сторонѣ за газетой. Это былъ товарищъ Свистунова по полку, съ которымъ знакомъ я не былъ, но въ лицо его зналъ. Съ Свистуновымъ мы распрощались надолго: онъ мнѣ сказалъ, что не сегодня, такъ завтра онъ уѣзжаетъ за ремонтомъ. Неудача эта меня

[16]) О, изъ нашихъ, онъ также таинственъ.

однакожъ не очень заботила, такъ какъ я не зналъ, было ли въ положеніяхъ общества заранѣе намѣчено время для какихъ-либо дѣйствій. На поверхности окружающей меня жизни была тишь, а вглубь заглянуть мнѣ и не мыслилось; спѣшить съ объясненіями не представлялось крайности; вернется со своей командировки, тогда и объяснимся. Времени впереди—цѣлое море!

Между тѣмъ прерванныя такимъ образомъ, съ одной стороны, сношенія стали завязываться съ другой. Мой товарищъ Зетъ заподозрилъ мои, небывалые прежде, визиты Свистунову. Отъ слова къ слову, Зетъ мнѣ открылъ, что онъ состоитъ членомъ тайнаго братства (этого прежде я не зналъ), въ духѣ котораго и желаетъ войти со мною въ общеніе. Я съ радостію далъ согласіе; я не усомнился, что вновь предлагаемое братство—тоже самое, которому я уже не былъ чуждъ; я ухватился за представляющуюся мнѣ возможность удовлетворить мое любопытство. Но тутъ дѣло пошло на чистоту: цѣль общества—истребленіе предержащей власти мнѣ была сообщена; но о срокѣ исполненія этой цѣли не было слова, а довѣдаться о томъ я и не подумалъ.

Между тѣмъ эта конечная цѣль, такъ круто мнѣ объявленная, привела меня въ ужасъ. Я рѣшительно отвергъ ее, сказавъ, что для меня немыслимо и подумать лишить жизни и послѣдняго плебея, еслибъ даже онъ и заслуживалъ подобной кары.

Послѣ этого разговоръ нашъ былъ не долог. Мы кончили тѣмъ, что происшедшее между нами въ тѣ минуты должно оставаться втайнѣ и как бы забытымъ и что, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ я на чемъ либо остановлюсь, мнѣ нужно время на размышленіе. Зеть не настаивалъ; мы остались по прежнему друзьями.

Ежели я, не колеблясь, отдалъ себя въ руки Свистунову, съ которымъ лѣтъ пять не встрѣчался: то какъ было не довѣриться Зету? Съ нимъ мы провели вмѣстѣ болѣе чѣмъ два года и, казалось, хорошо узнали другъ друга; на него я надѣялся, какъ на каменную стѣну. Но, несмотря на это, послѣднее открытіе произвело во мнѣ такое потрясеніе, что я въ тотъ же день свалился—заболѣлъ горячкой. По причинѣ этой-то болѣзни я не могъ слѣдовать съ полкомъ въ лагери и все лагерное время оставался въ Петербургѣ.

Вскорѣ послѣ того какъ полкъ пришелъ изъ лагерей, я выздоровѣлъ и предался моей обычной жизни. Болѣзнь какъ будто вышибла изъ меня недавнюю напасть и меня отрезвила; ежели когда и схватывали ощущенія безпокойства, то не надолго: я всегда утѣшалъ себя тѣмъ, что вотъ Свистуновъ, рано или поздно, да наконецъ пріѣдетъ же, и я, наступя на горло, все у него вывѣдаю. Какъ знать, можетъ быть существуетъ и другое подобное общество, но съ намѣреніями менѣе варварскими; ежели же оба они одной и той же птицы перья, то я просто отъ Свистунова возьму мое слово назадъ и буду чистъ: вѣдь Зету слова я не далъ! Такъ я и остался въ выжидательномъ положеніи. Зетъ молчалъ и не заводилъ разговора о «дѣлѣ», а я и подавно.

Среди такихъ-то обстоятельствъ мы вновь перебрались съ нашимъ батальономъ на загородное расположеніе въ глухой, относительно, Петергофъ: тишина, бездѣятельность, непроходимая проза жизни. Въ это время мы съ Зетомъ читали Шеллингову біологію, по Велланскому, въ чемъ намъ изрѣдка помогалъ нашъ лѣкарь. Но такая матерія, могла ли она

служить развлеченіемъ для моей живой, впечатлительной натуры? Я началъ скучать, а съ тѣмъ вмѣстѣ морально уединяться, сосредоточиваться, и тутъ стали во мнѣ пробуждаться прежнія тревоги. Раздѣлить ихъ было не съ кѣмъ; я жаждалъ излить предъ кѣмъ нибудь всю мою душу. Мнѣ вспала на умъ отрадная мысль: посовѣтываться съ кѣмъ-либо изъ моихъ друзей.

Мой первый выборъ палъ на М. Н. Семенова: онъ одинъ могъ спасти меня отъ этого адскаго затрудненія. Но какимъ образомъ явиться передъ нимъ, какъ преступнику—да, преступнику! Это слово грозно звучало въ моей совѣсти. Мое признаніе было бы слишкомъ внезапно, слишкомъ дико предъ непреклонностью убѣжденій Семенова. Я не могъ надѣяться съ перваго же раза возбудить въ немъ участіе ко мнѣ, а одна мысль хоть на минуту уронить себя въ его мнѣніи была для меня невыносима. И такъ я оставилъ мысль о Семеновѣ и остановился на другомъ лицѣ, на одномъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, съ которымъ, квартируя въ одномъ домѣ (Гарновскомъ) и по выходѣ изъ корпуса, мы очень часто видались, очень часто бесѣдовали и во-

обще находились въ наилучшихъ отношеніяхъ. Это былъ человѣкъ съ кроткимъ, ровнымъ характеромъ, далеко не эксцентрикъ, но съ либеральнымъ и въ высшей степени гуманнымъ направленіемъ. Этотъ школьный мой другъ былъ Яковъ Ростовцовъ.

Я не зналъ и до сихъ поръ не знаю, принадлежалъ ли Ростовцовъ къ «обществу»; да я и не ради толковъ объ обществѣ хотѣлъ его видѣть: я только желалъ у него вывѣдать, никого не называя, нижé и себя, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ очутился въ положеніи, подобномъ моему, не открывая, что въ этомъ случаѣ я подразумѣваю себя. Но, видно, судьбѣ не угодно было, чтобъ эта моя попытка имѣла успѣхъ. Я два раза ѣздилъ за этимъ изъ Петергофа въ Петербургъ. Въ первую изъ этихъ поѣздокъ, когда я пришелъ къ Ростовцову, у него сидѣлъ какой-то незнакомый мнѣ господинъ, а во вторую я у него засталъ двухъ общихъ нашихъ пріятелей, В. Семенова и Башуцкаго. «Вотъ кстати», сказали они, какъ бы сговорившись, «а у насъ сегодня маленькое литературное засѣданіе». Читали отрывки изъ «Князя Пожарскаго», трагедіи, которую писалъ тогда Ростовцовъ; чи-

талъ не самъ авторъ (онъ былъ заика), а Семеновъ. Вечеръ прошелъ допоздна очень пріятно, но не для меня собственно: я, съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ долженъ былъ и уѣхать, такъ какъ, бывъ отпущенъ на срокъ, не хотѣлъ опоздать возвращеніемъ къ своему мѣсту. Я, однакожъ, не унывалъ; меня не покидала все таже мысль: времени впереди нѣтъ конца, еще успѣемъ! Я не подозрѣвалъ, что мы уже наканунѣ смутныхъ дней.

И въ самомъ дѣлѣ, въ Петергофѣ вскорѣ было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича. Присягнули Константину.

Зетъ впалъ въ безпокойство и отъ времени до времени сталъ сильно задумываться. «Что̀ съ тобою?» спросилъ я у него, «ты какъ будто не въ себѣ; ужъ не жалѣешь ли объ Александрѣ Павловичѣ? Сколько знаю, ты не былъ въ числѣ его поклонниковъ». — «А я такъ удивляюсь», возразилъ онъ сухо, «какъ можно не быть поражену при такомъ важномъ событіи: мало ли что можетъ случиться!»

Послѣ первой присяги новому Государю, Зету принесли письмо изъ Петербурга. Прочитавъ это письмо, Зетъ проговорилъ: «Не-

чего дѣлать, придется съѣздить въ Петербургъ».—«Зачѣмъ это?»—«Пріѣхала мадамъ Ванвицъ [17]) и желаетъ со мною повидаться».

На другой день онъ отправился въ Петербургъ. Оттуда онъ вернулся съ важными новостями: Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола; къ нему посланъ важный сановникъ, а потомъ и Михаилъ Павловичъ поѣхалъ въ Варшаву; гвардія и народъ въ тревогѣ; всеобщее недоумѣніе.

Дня за два до 14-го Декабря, Зетъ получилъ коротенькую записку, безъ подписи; въ запискѣ этой было лишь сказано: «У насъ все готово, держитесь крѣпко».—«Что̀ это значитъ?» спросилъ я.—«А значитъ то», отвѣчалъ Зетъ, «что гвардія, разъ присягнувъ Константину, не присягнетъ Николаю».

Послѣ этого, весьма натурально, между Зетомъ и мною другихъ разговоровъ не было какъ на эту тему. Мнѣ только казалось странно, что я сильнѣе чѣмъ Зетъ былъ убѣжденъ въ томъ, что гвардіи и нельзя было поступить иначе: присяга не шутка; какъ-таки,

---

[17]) Помѣщица одной съ Зетомъ губерніи. Зетъ упоминалъ о ней и прежде. Ванвицъ—псевдонимъ.

поклявшись въ вѣрности одному, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, давать такую же клятву другому, не узнавъ заранѣе, почему первая клятва остается недѣйствительною [18])! Мы протолковали далеко за полночь и порѣшили тѣмъ, чтобъ Николаю не присягать. Въ заключеніе, я предложилъ слѣдующее: дабы наше сопротивленіе не имѣло, по возможности, вида открытаго непослушанія, прежде чѣмъ обрядъ присяги начнется, вызвать Щербинскаго (нашъ батальонный командиръ) въ другую комнату, тамъ объявить ему нашъ отказъ отъ присяги Николаю и, ежели Щербинскій потребуетъ, отдать ему наши шпаги безпрекословно.

Зеть согласился, но какъ-то не вдругъ. Вообще онъ сталъ держать себя въ отношеніи ко мнѣ иначе; прежде, въ нашихъ обсужденіяхъ, я почти всегда сознавалъ его превосходство надо мною; теперь же выходило наоборотъ: онъ постоянно оказывалъ уступчи-

---

[18]) Въ то время мы и не могли подумать о томъ, что еслибъ распоряженіе покойнаго Императора о престолонаслѣдіи было обнародовано заблаговременно, то было бы хуже: заговорщики успѣли бы подвести свои мины не подъ одну только Сенатскую площадь.

вость. Съ тѣмъ вмѣстѣ и выраженіе въ его чертахъ измѣнилось: оно стало безпокойно, не говоря уже, что онъ очень похудалъ за это короткое время; какая-то странная, какъ бы судорожная, улыбка не сходила съ его лица. Не трудно было догадаться, что, въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ, онъ видѣлся тамъ со своими друзьями и вошелъ съ ними въ особыя соглашенія. Но зачѣмъ онъ ихъ отъ меня скрывалъ, онъ, который, при нѣсколькихъ случаяхъ, отдавалъ справедливость моимъ дѣйствіямъ? Я не могъ этого понять, а допытываться находилъ для себя... неудобнымъ.

Въ самый день 14-го Декабря я стоялъ въ караулѣ. День тянулся спокойно; ко мнѣ на гауптвахту никто не заглядывалъ. Было еще засвѣтло, когда я узналъ, что офицеры сходятся на присягу, чего съ гауптвахты не было видно. Я теперь не припомню, у кого происходила эта церемонія: у Щербинскаго ли, батальоннаго нашего командира, или у генерала Чечерина, старшаго воинскаго начальника въ Петергофѣ. Въ это время часовой крикнулъ: «Вонъ!» Подъѣхали сани. Изъ нихъ ловко вы-

прыгнулъ Чичеринъ и, сбросивъ съ себя шубу, обратился къ караулу, поздоровался съ солдатами отрывисто, но ласково, и продолжалъ тономъ убѣжденія: «Смотри же, ребята, я на васъ надѣюсь; надѣюсь, что у васъ все будетъ тихо и благополучно. Я не сомнѣваюсь, что тихо все обойдется»... и т. д. и т. д. все таже и одна пѣсня. Генералъ сдѣлалъ бы лучше, еслибъ воздержался отъ необычнаго съ солдатомъ краснорѣчія: такая новизна не могла не задѣть вниманія ихъ. Какъ только вошли опять въ караульню, между ними поднялись толки и догадки о причинѣ такой любезности со стороны чужаго имъ генерала [19]). Я пріотворилъ къ нимъ дверь и сказалъ, что они будутъ мнѣ мѣшать спать, если не умолкнутъ; тотчасъ водворилась тишина. Уснуть, разумѣется я не могъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ все это кончится.

Когда совсѣмъ стемнѣло, и горѣла свѣча, дверь вдругъ растворилась и вошелъ Зетъ. Это онъ прямо съ присяги, въ мундирѣ. Я рванулся къ нему. «Ну что, какъ?» спрашиваю и съ тѣмъ вмѣстѣ вижу, что онъ на себя не похожъ: блѣденъ какъ смерть.

---

[19]) Чичеринъ—командиръ лейбъ-драгунскаго полка.

— «Да что!» съ трудомъ выговорилъ онъ. «Я поспѣшилъ, чтобъ тебѣ сказать»...

— «Что же, присягнулъ?»

— «Никакъ нельзя было иначе».

— «Это отчего?»

— «Да такъ... Когда я вошелъ, гдѣ собрались, всѣ на меня вдругъ взглянули какъ-то странно, подозрительно, какъ будто знали. Да я и нездоровъ; чертъ его знаетъ отчего... все меня... вотъ опять»... и онъ поспѣшилъ къ двери.

— «Присягни-жъ и ты», сказалъ онъ уходя. «Теперь уже нечего; вѣдь мы условились, чтобъ заодно».

Я его проводилъ до наружной двери караульни. Переступая порогъ, онъ еще разъ сказалъ: «Присягни же, смотри», и скрылся въ темнотѣ ночи.

Все это приводило меня въ смущеніе. Ясно было, что мой бѣдный Зетъ просто струсилъ: никто и никакимъ образомъ не могъ узнать, что̀ между нами было соглашено. Если бы и въ самомъ дѣлѣ что-либо знали, Зету ничто не мѣшало объясниться наединѣ съ Щербинскимъ и дать себя арестовать. Да, наконецъ, лучшимъ ручательствомъ того, что наша тайна

осталась тайною служитъ то, что ежели бы Щербинскій о ней провѣдалъ, то, нѣтъ сомнѣнія, арестовалъ бы насъ еще до присяги.

Вслѣдъ за уходомъ Зета, на гауптвахту явился Щербинскій съ священникомъ и привелъ караулъ къ присягѣ.

Поздно уже ночью, когда все стихло, вдругъ послышался топотъ скорыхъ шаговъ по платформѣ; громко стукнула выходная дверь, и ко мнѣ вбѣгаетъ Норовъ [20]). «Вотъ новость», произнесъ онъ торопливо и подавляя голосъ: «въ Петербургѣ бунтъ, Милорадовичъ убитъ!» Это поразило меня несказанно. Наскоро обмѣнявшись со мною парою словъ, Норовъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Когда я снялся съ караула, то засталъ Зета нѣсколько успокоеннымъ, но молчаливымъ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ кратко, съ явной неохотой. Молчалъ и я, не желая ему надоѣдать.

Въ туже ночь нашъ батальонъ выступилъ къ Петербургу.

Уже разсвѣло, когда мы пришли на привалъ; тутъ тоже на привалѣ стояли уланы.

---

[20]) Офицеръ нашего батальона.

Мы, Измайловцы, собрались на завтракъ въ мѣстной гостиницѣ. Разговоръ исключительно вращался на важности тогдашняго положенія дѣлъ. Щербинскій видимо робѣлъ, терялся. Зашелъ вопросъ: такъ какъ сообщеніе съ Петербургомъ прервано, а солдаты, нѣтъ сомнѣнія, ничего вѣрнаго о происшедшемъ не знаютъ, то благоразумно ли оставлять ихъ въ невѣдѣніи и тѣмъ, можетъ быть, дать злоумышленникамъ возможность распускать ложные слухи въ пользу своего предпріятія? Какъ знать, можетъ быть, бунтъ не на столько еще подавленъ, чтобъ не могъ снова вспыхнуть. На это я первый подалъ мнѣніе, что слѣдуетъ не медлить и передъ фронтомъ батальона громко объявить, что нѣсколько ротъ гвардіи вышли изъ повиновенія, и когда Милорадовичъ подъѣхалъ къ нимъ чтобы ихъ образумить, то выстрѣломъ изъ толпы былъ смертельно раненъ. «Этимъ», заключилъ я, «вы полковникъ, внушите къ себѣ довѣріе солдатъ и вооружите ихъ противъ убійцъ любимаго генерала».

Послѣ того не прошло и четверти часа, какъ получено было предписаніе остановить движеніе батальона и возвратиться въ Петергофъ. Такъ мой совѣтъ остался втунѣ: онъ могъ

быть полезенъ лишь при дальнѣйшемъ движеніи къ столицѣ.

По пробитіи «подъема» я подходилъ уже къ батальону, выстроившемуся къ выступленію въ обратный путь, какъ увидѣлъ кружокъ офицеровъ, уланскихъ и нашихъ, среди которыхъ одинъ энергически ораторствовалъ, размахивая руками. Я подошелъ. Это былъ уланскій офицеръ Скалонъ. Онъ утверждалъ, что бунтъ въ Петербургѣ не только не унялся, какъ можно было заключить изъ нашего возвращенія, но что, напротивъ, бунтъ растетъ; что послѣ Милорадовича, Михаилъ Павловичъ едва не подвергся той же участи, а равно и митрополитъ, явившійся съ крестомъ увѣщевать непокорныхъ; что они, вырвавъ крестъ изъ его рукъ, били его крестомъ по головѣ и т. п... Зетъ до того воспламенился этимъ разказомъ, что бросился было къ батальону, дабы его возмутить; но, къ счастью, Норовъ, тутъ же стоявшій, не допустилъ его къ тому. Въ эту минуту батальонъ былъ уже готовъ двинуться, и мы поспѣшили къ своимъ мѣстамъ.

По возвращеніи въ Петергофъ, къ намъ вскорѣ пріѣхалъ ген. Пав. Петр. Мартыновъ. Онъ былъ посланъ Государемъ для того только,

чтобы довести до свѣдѣнія его величества, все ли благополучно въ нашей сторонѣ. Мартыновъ остался ночевать въ Петергофѣ у Щербинскаго. Мы, Измайловцы, въ числѣ восьми, собрались къ нему на чай и провели этотъ, хотя не долгій, вечеръ съ чрезвычайнымъ интересомъ. О «злобѣ дня» разговоровъ было мало; вмѣсто нихъ генералъ возбудилъ наше любопытство разказами о Павловскомъ времени, и тутъ двѣ эпохи Павла и Александра, относительно обращенія этихъ государей со своими подданными, предстали между собой лицомъ къ лицу. Не говоря уже о томъ, что, въ свои спокойныя минуты, Александръ очаровывалъ всякаго къ кому относился съ словомъ, но и среди гнѣва, даже среди раздраженія, никогда не выходилъ изъ границъ приличія; но Павелъ бывалъ неукротимъ въ своихъ выговорахъ и не стѣснялся въ самыхъ грубыхъ оскорбленіяхъ. Мы ушамъ своимъ не вѣрили, слушая генерала, служаку до мозга костей. Вотъ напр. что случилось за день или за два (не помню хорошенько) до кончины императора. Въ манежѣ онъ присутствовалъ при разводномъ ученьи. Первая половина ученья прошла благополучно; но далѣе, по

ошибкѣ офицеровъ, не удалось какое-то «построеніе», и все перепуталось. Павелъ громко произнесъ: «Врете, свиньи»! и произнесъ онъ это не среди еще наиболѣе сильнаго раздраженія, въ какое онъ впадалъ въ иныя минуты.—

Подъ конецъ вечера рѣчь, натурально, зашла на соотвѣтственную сторону нрава новаго Императора, съ которою мы хорошо освоились, благодаря тому, что, какъ шефу нашего полка, Николаю Павловичу представлялось много случаевъ относиться къ намъ непосредственно. Какъ только разговоръ коснулся этого предмета, всѣ мы безъ труда согласны были въ томъ, что Николай Павловичъ, хотя былъ строгъ, хотя былъ неупустителенъ, но выговоры его всегда былидѣльны, справедливы, и, какъ ни были они рѣзки, никогда не затрогивали самолюбія того, къ кому относились.

Мы простились съ генераломъ, долженствовавшимъ до свѣта выѣхать въ обратный путь и разошлись въ самомъ счастливомъ настроеніи духа.

По возвращеніи въ Петергофъ, первые дни мы проводили въ совершенной тишинѣ, безъ всякихъ выдающихся случаевъ. На улицахъ

было почти пусто. Сообщенія съ Петербургомъ не было замѣтно; но слухи ходили, смутные, слухи робкіе, смутные, безсвязные: называли Бестужевыхъ; говорили, что Государь былъ предупрежденъ о возмущеніи какимъ-то лейбъ-егерскимъ офицеромъ. Толки эти не имѣли исхода для разъясненій, тѣмъ болѣе, что и внутри города сообщенія не было: каждый сидѣлъ у себя дома; офицеры видѣлись между собою тогда лишь, когда сходились по службѣ. Наконецъ до насъ дошла вѣсть о самоубійствѣ Богдановича! Это сильно обоихъ насъ поразило: Богдановичъ былъ общимъ нашимъ другомъ. Наши съ Зетомъ бесѣды приняли характеръ печальный, но въ отношеніи собственно насъ самихъ не особенно тревожный: буря насъ миновала—ну, и слава Богу! Себя мы хвалили за сдержанность и осторожность: поступи мы иначе, быть можетъ, мы еще больше испортили бы дѣло. Какъ можно было угадать, чѣмъ именно эта вспышка развяжется въ Петербургѣ? Вѣдь только тамъ и могло разрѣшиться, чья возметъ—Константина или Николая. Тамъ весь фокусъ, вся сила; а мы здѣсь чтò съ нашею горстью? Еслибъ кинулись, очертя голову, въ такое

рискованное предпріятіе, могли бы, ни-за-что, ни-про-что, попасть въ просакъ и погубить батальонъ. Словомъ, мы стали болѣе и болѣе успокоиваться, стали находить, что бѣда стрясется только на тѣхъ, кто участвовалъ въ бунтѣ, кто захваченъ на площади; тамъ конечно многіе пострадаютъ. Мы просиживали у камина далеко за полночь и отходили ко сну безмятежно.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, именно 23-го Декабря, часовъ въ 11 вечера, среди полнѣйшей тишины, прерываемой лишь храпомъ нашихъ слугъ, въ комнатѣ этихъ послѣднихъ вдругъ послышался необычайный шумъ, затѣмъ лязгъ засова наружной двери. Къ намъ входитъ Щербинскій и смертно блѣдный, подходя ко мнѣ: «Государь Императоръ», началъ онъ (въ эту минуту вошелъ фельдъегерь) «изволилъ приказать арестовать васъ; пожалуйте вашу шпагу и приготовьте ваши бумаги, какія у васъ есть; вотъ имъ (онъ указалъ на фельдъегеря) повелѣно представить васъ прямо къ Его Величеству».

При этомъ словѣ Зеть бросился съ крикомъ въ уголъ комнаты, схватилъ тамъ свою шпагу и, суя ее въ руки Щербинскаго, продолжалъ

кричать: «Тутъ виноватъ я, я одинъ. Гангебловъ не виноватъ ни въ чемъ. Везите и меня къ Государю!»

— «Да мнѣ не приказано васъ арестовывать; я не въ правѣ этого сдѣлать».

— «Говорю вамъ», повторялъ Зетъ, возвышая еще голосъ, «говорю вамъ, полковникъ: я одинъ, понимаете-ли? Я одинъ тутъ виноватъ; я Государю во всемъ признаюсь, всю правду ему выскажу. Ежели вы меня не арестуете, вы будете отвѣчать; берите мою шпагу и отправляйте меня вмѣстѣ съ Гангебловымъ».

Зетъ былъ въ полномъ разстройствѣ духа; я же, не находя въ томъ, чтó *сдѣлалъ* ничего незаконнаго (въ моей головѣ только вертѣлась присяга) былъ спокойнѣе, приписывая мой арестъ ложному доносу и увѣренный, что послѣ перваго же допроса меня отпустятъ съ миромъ. Мои сборы были недолги: бумагъ, которыя могли бы меня компрометировать, у меня не было. Когда все было готово къ выѣзду, мы спустились съ лѣстницы и размѣстились въ саняхъ: фельдъегерь сѣлъ по срединѣ между Зетомъ и мною. Морозъ былъ жестокій, ночь хоть глазъ выколи. Дорогою мы, разумѣется, молчали; узнали только, что

везшій насъ фельдъегерь былъ Годефруа. На станціи мы не перемолвились ни однимъ словомъ. Когда сани были поданы, Годефруа намъ сказалъ: «Мм. гг., я долженъ васъ предупредить, что мнѣ приказано васъ обыскать, нѣтъ ли при васъ какого либо оружія; но я этого не сдѣлаю, въ полной увѣренности, что, какъ благородные люди, вы меня не погубите». Мы ему предложили обыскать себя, но онъ рѣшительно отказался.

Въ Зимнемъ дворцѣ насъ ввели въ небольшую ярко освѣщенную комнату, гдѣ никого не было. Вскорѣ, изъ противоположной двери, къ намъ вошелъ дежурный генералъ Потаповъ.

— «Кто изъ васъ Гангебловъ?» спросилъ онъ.

— «Я, ваше прев-во», отозвался я.

— «Вы знаете, за что вы арестованы?»

— «Не знаю, ваше прев-во».

Потаповъ съ тѣмъ же вопросомъ перешелъ къ Зету.

— «Знаю», твердо произнесъ Зетъ. «Я арестовалъ себя за то, что принадлежу къ тайному политическому обществу», и за тѣмъ полилась, непрерывнымъ восторженнымъ потокомъ, рѣчь, изъ которой къ величайшему

моему удивленію, я узналъ, что онъ, Зетъ, еще въ 1817 году, былъ принятъ въ братство Карбонаровъ Итальянцемъ профессоромъ Джилли [21]), вскорѣ послѣ того умершимъ въ домѣ сумасшедшихъ; что въ недавнее время онъ вступилъ и въ Сѣверное политическое общество, и т. д., и т. д.

Но далѣе я уже ничего не слышалъ: при этой фразѣ меня бросило въ жаръ, я едва устоялъ на ногахъ; въ моей памяти быстро промелькнули всѣ, даже мельчайшіе, случаи, начиная отъ Свистунова до послѣдней поѣздки Зета въ Петербургъ и до «привала». Все это ясно проблеснуло въ моей головѣ, все вмѣстилось въ одномъ мгновеніи; очевидно стало, что не споръ за Константина или Николая, а Свистуновское братство подняло бурю. Теперь я уже напередъ зналъ, чѣмъ буду встрѣченъ у Государя. Но, думалось мнѣ: быть не можетъ! Свистуновъ далеко—за ремонтомъ...

Между тѣмъ Зетъ заключилъ свою исповѣдь Потапову такъ: «Вотъ все, что́ я имѣю сказать».

---

[21]) Объ этомъ Джилли Зетъ раза два или три мнѣ говорилъ, но какъ о простомъ знакомцѣ.

Потаповъ, слушавшій съ напряженнымъ вниманіемъ и видимо пораженный, молча вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ таже дверь снова отворилась, и ген. Мартыновъ (бывшій мой полковой командиръ) велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою. Пройдя съ нимъ двѣ или три пустыя залы, я вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ Николаемъ Павловичемъ. Онъ былъ одинъ въ комнатѣ, въ сюртукѣ, безъ эполетовъ. Я не видалъ его въ такомъ простомъ нарядѣ съ тѣхъ поръ какъ, въ бытность камеръ-пажемъ, бывалъ на воскресныхъ дежурствахъ въ его Аничковомъ дворцѣ. Онъ стоялъ, подбоченясь лѣвой рукой, лицомъ къ двери, какъ бы ожидая моего появленія.

— «Подойдите ближе ко мнѣ», сказалъ Государь. «Еще ближе», и, давъ мнѣ приблизиться менѣе чѣмъ на два шага, произнесъ: «Вотъ такъ».

Николай Павловичъ былъ блѣденъ; въ чертахъ его исхудалаго лица выражалось сдерживаемое волненіе. Вперивъ мнѣ въ глаза свой проницательный взоръ, онъ, почти ласковымъ голосомъ, началъ такъ:

— «Что̀ вы, батюшка, надѣлали?.. Что̀ вы это только надѣлали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?..

— «Никакъ нѣтъ, Ваше Величество; не знаю.

— «Вы бы должны были поступить, какъ поступилъ вашъ товарищъ (при этомъ онъ указалъ на двери, чрезъ которыя я вошелъ, какъ бы поясняя, что подразумѣваетъ Зета). Вы могли впасть, какъ онъ, въ заблужденіе, въ ошибку, но имѣли времени опомниться, поправить вашъ проступокъ искреннимъ раскаяніемъ. Были вы знакомы съ Оболенскимъ и Бестужевымъ?»

— «Оболенскаго, Ваше *Высочество*, я зналъ только въ лицо, а съ Бестужевымъ встрѣчался въ обществахъ, но очень рѣдко».

— «Я не о томъ васъ спрашиваю», какъ бы вспыливъ, замѣтилъ Николай Павловичъ: «я хочу знать, были ли вы съ ними въ сношеніяхъ по тайному обществу?»

— «Никакъ нѣтъ, Ваше *Высочество*, не былъ»..

— «Не Высочество, а Ве-ли-чество», вдругъ, смягчивъ голосъ, поправилъ Государь. «Были

ли вы», продолжалъ онъ, «были ли вы въ спискѣ покойнаго Государя?

— «Не знаю, Ваше Величество, и не могъ этого знать».

— «Вы мнѣ должны сказать, кому вы дали слово принадлежать къ политическому тайному обществу».

— «Ваше Величество, мнѣ не было даже извѣстно о существованіи общества съ политическою цѣлью; я зналъ, что есть общества религіозныя, но ни въ одно изъ нихъ я не вступалъ». Говоря это, я горѣлъ отъ стыда, такъ какъ ложью я всегда гнушался [22]).

Тутъ Николай Павловичъ, не сводя съ моихъ глазъ пристальнаго взора, взялъ меня подъ руку и сталъ водить изъ угла въ уголъ залы.

— «Послушайте», началъ онъ, понизивъ голосъ, «послушайте, *вы играете въ крупную и ставите ва-банкъ*. Замѣтьте, что я не напоминаю вамъ о присягѣ, которую вы дали

---

[22]) Съ тѣхъ поръ прошло около 60 лѣтъ, но разговоръ этотъ изложенъ здѣсь совершенно вѣрно, такъ какъ онъ заимствованъ изъ записокъ, которыя я велъ въ 1826 году (развѣ нарушенъ порядокъ, въ которомъ Государь предлагалъ вопросы, да и то едва ли). Слова Государя часто съ тѣхъ поръ повторялись въ моей памяти.

на вѣрность вашему Государю и вашему отечеству; это дѣло вашей совѣсти предъ Богомъ. Но вы должны были не забывать, что вы дали под-пис-ку, что не вступите ни въ какое тайное общество. Такими вещами шутить нельзя. Вы не могли не замѣтить, что я васъ всегда отличалъ: вы служили при женѣ», и т. д. и т. д. Государь не задавалъ уже мнѣ вопросовъ, а непрерывно говорилъ одинъ, тономъ, гдѣ слышались не то упрекъ, не то сожалѣніе. Между прочимъ онъ сказалъ: «Вы помните прошлогодній лагерь; вы помните что̀ разъ было во время развода... Видите, какъ я съ вами откровененъ. Платите и вы мнѣ тѣмъ же; съ тѣхъ поръ вы у меня были на особомъ отличномъ счету». Эти слова меня озадачили: я никакъ не могъ понять, на какое такое особенное обстоятельство намекаетъ Николай Павловичъ. За тѣмъ онъ еще продолжалъ; но что̀ далѣе говорилъ, того не припомню, какъ потому, что рѣчь эта велась довольно долго, такъ и по той причинѣ, что былъ заинтересованъ загадочнымъ намекомъ на лагерный разводъ. Наконецъ, не слыша никакого съ моей стороны отзыва, Государь видимо терялъ терпѣніе, и когда мы дошли до

того мѣста, съ котораго начали ходить и гдѣ Мартыновъ все это время стоялъ на вытяжку, Государь остановился и, повернувъ меня лицомъ къ себѣ, «Ну», сказалъ онъ, «теперь вы на меня не пеняйте: я для васъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать... Такъ вы не хотите признаться? Смотрите мнѣ прямо въ глаза! Такъ вы не хотите признаться? Въ послѣднiй разъ васъ спрашиваю: кому вы дали слово?»

— Ваше Величество, я не знаю за собой никакой вины.

«Поймите, *въ послѣднiй разъ* васъ спрашиваю: никому слова не давали?»

— Никому, произнесъ я рѣшительно.

«И вы скажете, что вы не дали слóва Свистунову?»

— Н-н-ѣ-тъ.

«И вы это говорите, какъ благородный офицеръ?»

Я совершенно растерялся. Я не могъ двинуть языкомъ....

«Видите, Павелъ Петровичъ», гнѣвно сказалъ Государь, указывая на меня Мартынову. «Вы не вѣрили, вы его защищали — вотъ вамъ!!... Посадите его въ отдѣльную комнату».

Мартыновъ и я вышли. Въ той комнатѣ, гдѣ оставался Зетъ, онъ приказалъ мнѣ дожидаться, а Зета повелъ съ собою.

Я остался одинъ среди совершенной тишины. Необычайность и громадность значенія того, чтó со мною совершилось въ такое короткое время, въ какіе нибудь три-четыре часа; мысль, что я на столько обратилъ на себя вниманіе Государя, что самъ Государь лично меня допрашивалъ, и рядомъ съ этимъ, мое наглое и такъ пошло-оборвавшееся лганье, все это быстро смѣнялось въ моемъ разстроенномъ сознаніи. Я надѣялся, впрочемъ, что мое моральное паденіе дальше не пойдетъ: съ Зетомъ Государь, вѣрно, заведетъ рѣчь обо мнѣ. Какъ не завести? Вмѣстѣ жили. Но Зетъ меня не выдастъ, не выдастъ и потому уже, что не знаетъ, держусь ли я еще слòва, которое далъ Свистунову. Мы такъ давно объ этихъ вещахъ съ нимъ не толковали! Словомъ, я былъ не совсѣмъ еще сбитъ съ позиціи.

Вошелъ Мартыновъ, а за нимъ и Зетъ. Мартыновъ велѣлъ мнѣ тоже слѣдовать за собою. Мы пошли дальше. Въ одной изъ комнатъ писалъ какой-то адъютантъ; тутъ нашъ вожатый, приказавъ намъ дожидаться, пошелъ

за слѣдующія двери. Послѣ довольно долгаго ожиданія, во время котораго мы, въ присутствіи адъютанта, не могли перемолвиться ни однимъ словомъ, насъ позвали, ввели въ комнату, полную разнаго чиновнаго народа и суетливаго движенія, и сдали фельдъегерю, но уже не Годерфруа, а другому. Онъ насъ привезъ въ крѣпость. Когда сани остановились у комендантскаго подъѣзда, который мнѣ былъ памятенъ [23]), я, не стѣсняясь соглядатайствомъ фельдъегеря, сказалъ Зету:

— «Прощай же!»

— «Какъ такъ?»

— «Да такъ: Государь приказалъ посадитъ меня *особо*.

Мы обнялись, горячо обнялись.

Передъ комендантомъ мы предстали не вдругъ, а тогда только, какъ вернулся плацъ-адъютантъ, которому, при входѣ въ канцелярію, нашимъ фельдъегеремъ былъ переданъ конвертъ. Отъ коменданта мы вышли съ плацъ-адъютантомъ, который на пути намъ

---

[23]) Комендантъ Петропавловской крѣпости ген. Сукинъ, въ старые годы, былъ съ моимъ отцомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. По желанію отца я у Сукина бывалъ изрѣдка.

сказалъ: «Васъ, господа, не знаемъ какъ и разсадить: всѣ помѣщенія заняты» [24]). И въ самомъ дѣлѣ, мы вмѣстѣ введены были въ большой, сводчатый казематъ, гдѣ было много солдатъ; казематъ этотъ служилъ караульней. Насъ завели за досчатую перегородку, не выше двухъ съ половиною аршинъ, устроенную у противоположнаго отъ входа угла и, вопреки приказанію Государя, тамъ насъ оставили. Въ отверстіе маленькой двери поставленные у нея два часовые вставили накрестъ свои ружья. Говорить между собою мы могли свободно, но лишь въ полголоса, чему и способствовалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ затруднялъ, гомонъ караульныхъ.

---

[24]) Тогда все это казалось (не знаю какъ Зету) мнѣ правдою. Гораздо уже впослѣдствіи ясно стало, что самъ Государь, вопреки первому своему приказанію, велѣлъ меня и Зета посадить вмѣстѣ. Иначе кто бы осмѣлился, не смотря ни на что̀, не исполнить столь категорическаго приказанія, какое Государь далъ лично Мартынову? Гораздо вѣрнѣе заключить, что, выслушавъ послѣ меня Зета, Государь, прежде чѣмъ насъ вывели изъ Зимняго дворца, измѣнилъ свою мысль: онъ, весьма естественно, ожидалъ, что такое безграничное расположеніе Зета къ откровенности не можетъ не повліять на того изъ его друзей, за котораго онъ собою пожертвовалъ, — какъ это выразилъ самъ Зетъ въ минуту моего ареста въ Петергофѣ.

— «Ну что?» былъ первый мой вопросъ, «какъ Государь съ тобой обошелся?»

— «О, онъ нѣсколько разъ меня обнималъ, сказалъ, что прощаетъ, чтобъ я посидѣлъ только подъ арестомъ, пока кончится слѣдствіе».

— «Что же ты ему говорилъ?»

— «Да тоже, что́ высказалъ Потапову. Къ этому я хорошо приготовился: я всю дорогу обдумывалъ, времени на то было довольно. Государь допытывался о Галяминѣ и Богдановичѣ; онъ зналъ, что они были друзьями. Я ему сказалъ, что они давно разсорились, что Богдановичъ былъ человѣкъ несчастный, такъ какъ онъ былъ преданъ пагубной привычкѣ ранней своей юности. При этомъ Государь спросилъ у Мартынова: «Правда это, Павелъ Петровичъ?» — «Не могу утверждать, Ваше Величество», сказалъ Мартыновъ, «но знаю, что Богдановичъ былъ нрава очень угрюмаго, подозрительнаго, былъ раздражителенъ и щекотливъ». — «Я первый», продолжалъ Зетъ, «о тебѣ заговорилъ, что ты ни въ чемъ не виноватъ; но Николай Павловичъ какъ будто не обратилъ на это вниманія, какъ будто и

не слышалъ, а послѣ о тебѣ уже не упоминалъ».

Мы пробесѣдовали до утра и на другой день до вечера; говорили и о постороннихъ предметахъ, возвращаясь отъ времени до времени къ настоящему. Тутъ я узналъ много такого, на что̀ прежде не обращалъ вниманія: что̀ казалось мнѣ невѣроятнымъ, баснословнымъ, то теперь представилось положительнымъ фактомъ, напр. казнь Людовика XVI, о которой, хоть мимоходомъ мнѣ и случалось слышать, но я вѣрилъ въ нее не больше какъ вѣрилъ вообще въ историческія басни, какъ-то вскормленіе Ромула волчицей и пр.

Точно также Зетъ только теперь мнѣ открылъ, что смерть императора Александра Павловича должна была служить сигналомъ къ открытію дѣйствій Общества. При этомъ я спросилъ у Зета: «Почему же онъ прежде меня объ этомъ не предупредилъ? Почему онъ оставлялъ меня въ невѣдѣніи о срокѣ, въ который Общество должно было привести въ исполненіе свой планъ? Знать это», прибавилъ я, «было для меня чрезвычайно важно, какъ вижу теперь».

— «Не могъ же я», отвѣчалъ Зетъ, «не могъ же я *всего* тебѣ открыть послѣ того, какъ ты не захотѣлъ согласиться на главную мѣру, на истребленіе властей, безъ чего цѣль Общества не могла быть достигнута».

— «Положимъ это такъ», возражалъ я; «но *послѣ* бунта отчего ты мнѣ не открылъ, что бунтъ былъ поднятъ для собственныхъ цѣлей Общества, а вовсе не для того, чтобы дать престолъ Константину? Ежели теперь ты самъ рѣшился добровольно явиться съ повинной къ Царю: то какъ ты не подумалъ, что при подобныхъ же обстоятельствахъ, такой шагъ былъ бы не безполезенъ и для меня?»

— «Да я никакъ не ожидалъ», оправдывался мой собесѣдникъ, «чтобъ и тебя арестовали: о нашихъ тайныхъ дѣлахъ мы такъ давно не упоминали, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ тебя хватились».

Я смолчалъ. Малодушіе, охватившее Зета при присягѣ, еще можно извинить: внезапный страхъ, чувство невольное, вдругъ подавить такое чувство мы не властны; но этотъ изворотъ Зета, къ тому же проговоренный совершенно беззастѣнчиво; меня глубоко возмутилъ. Ему, работавшему въ Петербургѣ подъ

однимъ предлогомъ, а со мною въ Петергофѣ подъ другимъ—ему «не приходило въ голову», что въ послѣднемъ случаѣ онъ работаетъ не на чистоту.

Зеть, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе приходилъ въ себя. До того же, съ тѣхъ поръ какъ онъ, вышедъ отъ Государя, присоединился ко мнѣ; онъ оставался чрезвычайно разстроеннымъ: черты его лица какъ-то подергивались; онъ былъ, казалось въ жару, и нервная улыбка его не покидала. Отъ времени до времени онъ повторялъ:

— «Теперь ужъ нечего!... теперь все кончено, все пропало! Ужъ не стоитъ увертываться, лучше говорить всю правду!»

На другой день послѣ нашего арестованія насъ повезли вечеромъ въ Зимній дворецъ.

Меня позвали перваго и ввели въ ту самую залу, гдѣ наканунѣ меня допрашивалъ Государь. Въ лѣвомъ отъ меня углу противоположной стѣны залы на этотъ разъ сидѣлъ у столика генералъ-адъютантъ Левашевъ.

— «Подойдите», сказалъ онъ. «Отвѣчайте на вопросы, которые я вамъ буду задавать».

Я сталъ у него за плечомъ, такъ чтобы мнѣ было видно, что̀ онъ будетъ писать. По

первымъ же моимъ отвѣтамъ, которые онъ записывалъ, я увидѣлъ, что Русскій генералъ, носящій Русское имя, не твердъ въ Русской орѳографіи. Это меня не столько насмѣшило, сколько испугало: не у мѣста поставленный знакъ препинанія можетъ, чего добраго, измѣнить смыслъ моей рѣчи. Я не утерпѣлъ:

— «Ваше превосходительство», сказалъ я, «позвольте мнѣ самому писать».

— «Что-жъ», закричалъ онъ, привскочивъ на стулѣ: «развѣ я не умѣю писать по-русски?»

Въ это самое мгновеніе что-то стукнуло и шорхнуло; взглянувъ влѣво, откуда это послышалось, я увидѣлъ черную вертикальную полосу непритворенной двери, противъ той, въ которую я вошелъ... Это Государь! мелькнуло у меня въ головѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кто другой могъ тамъ быть, кто могъ стоять или сидѣть въ темной комнатѣ вблизи собственныхъ царскихъ покоевъ? Въ показаніяхъ, данныхъ Левашову, я сознался только въ томъ, что далъ слово Свистунову, который мнѣ передалъ, что цѣль Общества—стремиться къ республиканской формѣ правленія и къ соединенію Славянскихъ племенъ въ одно политическое тѣло.—Послѣ меня позванъ былъ

къ Левашову Зетъ. Когда онъ вернулся отъ него, обоихъ насъ привели въ комендантскую канцелярію; тамъ, накинувъ на насъ огромныя волчьи шубы, насъ сдали двумъ фельдъегерямъ. Передъ тѣмъ, чтобъ сѣсть въ сани, мы опять обнялись и разлучились. Меня привезли въ Кронштадтъ и посадили на гауптвахту, занимаемую карауломъ отъ морской артилеріи.

Въ Кронштадтѣ меня продержали, помнится, болѣе мѣсяца. Караульные офицеры были простые, но очень добрые ребята; они, равно какъ и заходившіе къ нимъ нерѣдко по нѣскольку человѣкъ ихъ сослуживцы, относились ко мнѣ очень любезно. Отъ нихъ я узналъ, что тоже въ Кронштадтѣ на гауптвахтахъ сидятъ, на одной Шереметевъ [25]), а на другой мой пріятель графъ Коновницынъ (Петръ), котораго, какъ говорили, Государь тоже простилъ. Отъ офицеровъ нашей гауптвахты доносились до меня и разные слухи, напримѣръ, что Ермоловъ перешелъ со своимъ корпусомъ Кавказъ и идетъ на присоединеніе къ бунтовщикамъ, что Польша тоже возстала, и т. п. На первыхъ дняхъ моего здѣсь ареста,

---

[25]) Помнится, л.-гв. Московскаго полка.

поздно ночью, меня навѣстилъ братъ моего и Коновницына прiятеля, Лихонинъ, съ которымъ я иногда встрѣчался у Искрицкаго; пробылъ онъ у меня съ полчаса и, среди разговора, ловко всунулъ мнѣ въ руку свертокъ съ серебряными рублями, сказавъ, что это отъ Коновницына. На другой же день кстати я получилъ деньги черезъ моего полковаго командира; до того же времени всѣ, содержавшiеся на гауптвахтахъ, столовались караульными офицерами, до полученiя пособiй изъ дому. Заносились иногда и литературныя новости; одна изъ нихъ пришлась мнѣ по душѣ: это только что вышедшiя тогда въ свѣтъ мелкiя стихотворенiя Пушкина [26]). Они были для меня источникомъ величайшаго наслажденiя.

Почти черезъ мѣсяцъ, какъ выше упомянуто, меня перевезли въ Петропавловскую крѣпость и заключили въ той ея части, которая называется «подъ флагомъ», въ комнатѣ довольно просторной, съ окномъ на Неву.

---

[26]) Съ эпиграфомъ: aetas prima canat amores, posterior tumultus. Карамзинъ испугался за Пушкина, увидавъ на его книжкѣ этотъ эпиграфъ. П. Б.

Къ этой комнатѣ надо было подняться по узкой лѣстницѣ на маленькую площадку, гдѣ стоялъ часовой и гдѣ было только двое дверей, одна близъ другой, подъ прямымъ угломъ. За первой изъ нихъ, съ замкомъ и засовомъ, слышались чьи-то одинокіе шаги (тамъ уже былъ узникъ), въ другую ввели меня. Такимъ образомъ я имѣлъ сосѣда; но кто онъ, отъ меня это, разумѣется, было скрыто. Мы такъ близко находились другъ отъ друга, что легко могли бы переговариваться; но это было строго запрещено.

Первые дни моего здѣсь ареста проходили въ совершенной тишинѣ, такъ какъ эта часть крѣпости отдѣлена отъ прочихъ помѣщеній, и до нея не достигаетъ никакой шумъ. Я имѣлъ кое-какое развлеченіе смотрѣть въ окно на то, чтó двигалось по скованной льдомъ Невѣ; но мой сосѣдъ и тѣмъ не могъ пользоваться: его окно обращено было во внутрь крѣпости, да и то, быть можетъ, было покрыто слоемъ извести. При обоихъ нашихъ казематахъ прислужникъ былъ одинъ, молчаливый какъ рыба: онъ не отвѣчалъ даже на вопросъ, что сегодня, Понедѣльникъ или Вторникъ? Одно, чтó сколько-нибудь разнообразило

монотонное теченіе времени, это были урочные визиты плацъ-адъютантовъ: утромъ и вечеромъ, въ извѣстные часы, они являлись минутъ на пять, на-десять.

На первой же недѣлѣ моего водворенія въ этомъ казематѣ, меня водили въ залу засѣданія Слѣдственной Коммиссіи. Тамъ я засталъ одного только Бенкендорфа. Его пріемъ подѣйствовалъ на меня успокоительно; въ тихой, кроткой рѣчи онъ меня убѣждалъ покориться необходимости; говорилъ, что, послѣ того какъ Государь лично удостовѣрился въ моемъ, конечно, необдуманномъ проступкѣ, всякая неискренность ни къ чему уже не поведетъ, кромѣ какъ къ затягиванію дѣла, съ которымъ Государь желаетъ покончить до коронаціи; что лишь нѣсколько главныхъ виновниковъ (при этомъ онъ окинулъ глазами залу, какъ бы украдкой) не могутъ, конечно, не подвергнуться должной карѣ, но что прочіе будутъ помилованы. Въ заключеніе онъ сказалъ, что Николай Ивановичъ (Деперадовичъ) очень обо мнѣ интересуется [27]).

[27]) Всю эту комедію я принялъ тогда за чистую монету. О Деперадовичѣ онъ упомянулъ на основаніи развѣ того, что въ одинъ изъ моихъ поздравительныхъ визитовъ Деперадовичу этотъ послѣдній меня ему представилъ.

На другой день, плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ «вопросные пункты» отъ Слѣдственной Комиссіи. Взглянувъ на эту бумагу, я сказалъ: «Да это лишнее; на эти самые пункты я уже отвѣчалъ генералу Левашову».—«Ничего», замѣтилъ онъ, «вы все-таки должны и тутъ написать; такъ приказано».

Нечего дѣлать, надо было покориться. Въ этихъ отвѣтныхъ пунктахъ я повторилъ письменно почти тоже, что̀ отвѣчалъ изустно Левашову, только прибавилъ, что глубоко сожалѣю, что допустилъ себя до такого преступленія и предаю себя милосердію Государя. Въ черновой этихъ отвѣтовъ, въ заключеніе, я написалъ было: «Осмѣливаюсь просить одной милости у Его Величества—отпустить меня къ больному отъ ранъ старику-отцу, 40 лѣтъ прослужившему своимъ государямъ, дабы моею заботливостью я могъ облегчить страданія его послѣднихъ дней; послѣ же его смерти я явлюсь не медля, хотя бы то было на вѣчное заключеніе». Эта просьба была мною вся вычеркнута и пропущена при перепискѣ начисто. Къ моему удивленію, когда я отдавалъ плацъ-адъютанту мою бумагу для представленія въ Комиссію, то онъ потребовалъ, чтобъ я вы-

далъ и черновую моихъ отвѣтовъ. Я воспротивился, долго спорилъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить.

На той же недѣлѣ ко мнѣ вошелъ бывшій мой полковой командиръ ген. Мартыновъ и просидѣлъ у меня довольно долго. «Государь Императоръ», началъ онъ, «самъ изволилъ читать ваши отвѣтные пункты. Его Величество сдѣлалъ изъ нихъ весьма выгодное заключеніе о вашихъ способностяхъ и изволилъ признаться, что съ этой стороны онъ васъ вовсе не зналъ». Мой посѣтитель вообще относился о сдѣланномъ мною «по службѣ» ложномъ шагѣ съ большимъ сожалѣніемъ, чего я вовсе *отъ него* не ожидалъ; распрашивалъ также о моемъ отцѣ. Изъ этого я заключилъ, что Государь прочелъ и черновую моихъ отвѣтовъ. При этомъ я просилъ, чтобы мнѣ было позволено написать къ отцу; онъ обѣщалъ доложить Государю. Въ минуту ухода отъ меня, Мартыновъ сказалъ: «Я долженъ вамъ замѣтить, что въ отношеніи къ вашимъ старшимъ вы себя держали не всегда скромно. Помните, вы отказались пожаловать ко мнѣ обѣдать? Съ тѣхъ поръ я уже васъ и не приглашалъ» [28])

[28]) Вотъ на что мѣтилъ этотъ урокъ. Однажды, на ученьи въ экзерциргаузѣ, мнѣ удалось въ дѣйствіи разрѣшить одну

За посѣщеніемъ меня Мартыновымъ настали снова однообразіе и подавляющая праздность. Разъ, уже очень поздно вечеромъ, чтобъ чѣмъ-нибудь себя занять, я безсознательно сталъ разгонять скуку музыкою и въ полъ-голоса свистать. Не успѣлъ я кончить одну арію, какъ послышался робкій аплодисментъ сосѣда и за тѣмъ нѣсколько отрывочныхъ его свистковъ, какъ бы вызывающихъ повторить мою затѣю. Другая арія, исполненная уже смѣлѣе, вызвала и болѣе смѣлое одобреніе. Часовой не мѣшалъ намъ, молчалъ: ему, вѣроятно, въ его «сдачѣ» приказывалось наблюдать *только*, чтобъ мы между собой не разговаривали. Съ этой стороны, такимъ образомъ, препятствія не было. Оставалось ожидать, не скажетъ ли чего на этотъ счетъ плацъ-адъютантъ; но вотъ и онъ, при урочной этого утра визитаціи, обошелся со мною, какъ и всегда, очень любезно и отъ меня ушелъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

изъ труднѣйшихъ задачъ малой тактики. Мартыновъ пришелъ въ восторгъ, и когда баталіонъ возвращался съ ученья, онъ подослалъ ко мнѣ адъютанта съ приглашеніемъ къ обѣду. Это мнѣ крайне не понравилось: награждать обѣдомъ какъ школьника за выученный урокъ! Я просилъ адъютанта за меня извиниться и не пошелъ.

Это мнѣ развязало руки или, буквальнѣе сказать, развязало уста, и съ этихъ поръ я уже не стѣсняясь потѣшалъ моего сосѣда то аріями изъ Россини, то изъ Фрейшюца и т. п. Не задолго до моего перемѣщенія въ другое мѣсто, общій обоихъ казематовъ прислужникъ заочно познакомилъ насъ, и тутъ мнѣ стало извѣстно, что мой сосѣдъ графъ Чернышовъ, Захаръ Григорьевичъ, кавалергардъ.

Около этого времени, подобно Мартынову, обходилъ казематы ген. Стрекаловъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Государь Императоръ приказалъ вамъ объявить, что писать къ вашему отцу онъ вамъ не можетъ позволить, и что это лишеніе будетъ вамъ зачтено въ наказаніе». Такой результатъ моей просьбы удивилъ меня.

Много спустя, меня еще водили въ залу Коммиссіи, гдѣ я засталъ Бенкендорфа, и при немъ только прокурора. Бенкендорфъ привѣтствовалъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Вопреки вашему отрицанію, Свистуновъ утверждаетъ, что онъ вамъ сообщилъ о цѣли Общества истребить Императорскую Фамилію, что, слѣдовательно, преступная цѣль эта вамъ была извѣстна. Свистуновъ готовъ подтвердить это на очной ставкѣ; для этого вы сюда

и призваны». Я отвѣчалъ: «Быть можетъ, Свистуновъ и говорилъ мнѣ объ этомъ, но я его не понялъ; онъ говорилъ тогда по-французски и въ такихъ выраженіяхъ, которыя для меня были совершенно новы, а я постыдился предъ нимъ сознаться, что его не понимаю. Въ этой неумѣстной моей щекотливости, но только въ ней, я признаю себя виновнымъ».

— А въ самомъ ли дѣлѣ, поспѣшилъ замѣтить прокуроръ,—въ самомъ ли дѣлѣ Свистуновъ по-французски съ вами объяснялся?

«Спросите у самаго Свистунова», сказалъ я.

Бенкендорфъ при этомъ съ строго-недовольной миной взглянулъ на прокурора и, молча, наклоненіемъ головы меня отпустилъ. Я вышелъ изъ залы чрезвычайно удивленный такимъ снисхожденіемъ.

Незадолго до перемѣщенія моего въ другой казематъ, фельдшеръ, навѣщавшій меня въ тѣ дни, мнѣ сказывалъ, что Свистуновъ пытался лишить себя жизни: онъ разбилъ въ куски стеклянный шкаликъ (лампадку) своего каземата и эти куски проглотилъ. Докторъ Элькинъ его вылѣчилъ самыми героическими средствами.

Наконецъ, меня перевели въ другую часть

крѣпости, называемую «Анненскимъ Кавальеромъ», въ мрачный казематъ въ 24-ре шага длины и 8-мь ширины, съ маленькимъ квадратнымъ окномъ въ стѣнѣ, толщиною въ этомъ мѣстѣ аршина въ три. Шагахъ въ 12—15 отъ окна возвышалась стѣна самого Кавальера и застѣняла свѣтъ: съ трудомъ можно было читать крупный шрифтъ Евангелія, да и то лишь около полуденнаго времени. Низкій сводъ этого каземата былъ обвѣшанъ паутиной и населенъ множествомъ таракановъ, стоножекъ, мокрицъ и другихъ, еще невиданныхъ мною гадовъ, которые только наполовину высовывались изъ-подъ-сырыхъ стѣнъ. Преданіе гласитъ, что, вслѣдствіе Семеновскаго бунта, казематъ этотъ былъ биткомъ набитъ арестантами. Кроватью мнѣ служили нары, покрытыя какою-то жирною, лоснящеюся грязью. Среди такой-то обстановки я просидѣлъ что-то долго, едвали не болѣе мѣсяца. Я свыкся съ темнотой и съ совершеннымъ отсутствіемъ всякаго шума. Дни проходили за днями безтревожно. Казалось, что я прошелъ уже всѣ мытарства... но насталъ роковой для меня часъ!...

Въ одно прекрасное утро, является плацъ-адъютантъ и ведетъ меня, не сказавъ, по обыкновенію, куда ведетъ. Когда мы остано-

вились, и съ моихъ глазъ сняли повязку [29]), я увидѣлъ длинный столъ, за которымъ сидѣло много генераловъ, въ полной формѣ и облѣпленныхъ звѣздами. Какъ разъ передо мной сидѣлъ Чернышовъ. Поднявшись со стула и полуоборотясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «...Зетъ доноситъ, что, въ сношеніяхъ съ вами, онъ вамъ говорилъ, что Общество, для достиженія своихъ цѣлей, имѣетъ въ виду истребленіе Императорской Фамиліи».

— Нѣтъ, вскричалъ я: это неправда!!

Тогда Чернышовъ, не торопясь, взялъ со стола бумагу, поднесъ ее къ своимъ глазамъ и повернулся прямо ко мнѣ. На сторонѣ бумаги, обращенной ко мнѣ, я тотчасъ узналъ почеркъ Зета. Я былъ пораженъ какъ громомъ. Чернышовъ началъ читать; но кромѣ двухъ-трехъ фразъ, въ смыслѣ того же обвиненія, я уже ничего не могъ разобрать и потерялъ всякое сознаніе. Помню только, что меня кто-то сильно схватилъ подъ руку...

Я очнулся въ казематѣ. Подлѣ меня сидѣлъ фельдшеръ. «Напрасно, ваше благородіе, вы

---

[29]) Тѣмъ, которыхъ вводили въ залу Коммиссіи, за нѣсколько компатъ до этой залы завязывали глаза, такъ, для бо̀льшаго эффекта.

такъ убиваетесь», сказалъ онъ: «не вы первые, не вы послѣдніе». И тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что меня привели подъ руки, что допрашиваемыхъ въ Коммиссіи нерѣдко выносили въ безчувствіи; а иногда онъ, фельдшеръ, съ докторомъ просиживаютъ все время засѣданія въ смежной комнатѣ, на случай, когда потребуется помощь, и что бывало тамъ же и кровь открывали. Когда фельдшеръ собрался отъ меня уйти, я просилъ его заявить, что имѣю надобность написать въ Коммиссію и требую бумаги [30].

Мнѣ не терпѣлось ждать письменнаго запроса изъ Коммиссіи. Какъ ни сильно пошатнулась моя вѣра въ стойкость Зета со времени присяги въ Петергофѣ, для настоящей его выходки не представлялось никакого оправданія. Не смотря на все это, когда мнѣ принесли бумагу, я все-таки написалъ опровержение «взведенной на меня клеветы»: нѣтъ и нѣтъ, знать ничего подобнаго не знаю, вѣдать не вѣдаю! Но въ душѣ я уже чувство-

---

[30]) Послѣ каждаго устнаго въ Коммиссіи допроса, отвѣтчику присылаемы были тѣже самые вопросы письменно, на другой день, а иногда и позже, съ требованіемъ повторенія тѣхъ же отвѣтовъ на бумагѣ.

валъ нелады съ самимъ собою, и что̀ писалъ, то писалъ лишь по прежде налаженной рутинѣ. Это посланіе въ Коммиссію я кончилъ, когда уже стемнѣло, и оно оставалось у меня до утра.

Ночь была для меня адомъ. Подавляющія мысли неотвязно осаждали мою голову. При слабомъ горѣніи ночника было такъ темно, что на столикѣ едва бѣлѣлъ листъ, покрытый моимъ изворотливымъ отвѣтомъ. На этомъ листѣ я глазъ не могъ остановить безъ отвращенія... Снова вспоминалось мнѣ все, что̀ со мною перебывало до послѣдняго роковаго удара: и та беззаботная довѣрчивость, съ которою я такъ легко отдался другимъ, и та жалкая, обидная роль, которую я игралъ въ ихъ рукахъ... Вспомнилось мнѣ еще и прежнее ясное былое съ его радостями, съ его душевной чистотой, съ его святою вѣрой, съ его любовью къ ближнему... И послѣ этого, вдругъ очутиться среди омута двуличія, обмана, темныхъ умышленій, такъ низко упасть въ собственномъ своемъ мнѣніи! Я довѣрился только двумъ членамъ Общества, и оба они меня выдали. Съ тѣхъ поръ я въ правѣ не считать себя ихъ сообщникомъ, ихъ товари-

щемъ. Когда я вижу, что меня такъ безцеремонно топятъ въ бездонной глубинѣ, зная, что я не умѣю плавать: то я не настолько еще простодушенъ, чтобъ не ухватиться за моихъ губителей, хотя бы рискуя и ихъ увлечь за собою. Нѣтъ, нѣтъ! Пора покончить съ нечистымъ прошлымъ, пора отрѣшиться отъ законовъ кастъ и партій и отдать всего себя на благо общее; пора выставить на свѣтъ и самые слѣды подпольной работы, подрывающей Русское общество! Пусть люди думаютъ обо мнѣ, что́ хотятъ; а играть въ руку враждебной силѣ, служить разомъ двумъ господамъ, вѣчно «бить на двое», стало невыносимымъ! Я не дѣлаю *тайнаго* доноса; я открыто укажу на крамолу верховному судилищу для ея искорененія; не запнусь и въ послѣдствіи сказать всю правду, особливо тѣмъ, кому я могъ повредить въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи.

Не знаю, долго ли тянулась моя безсонница; но, наконецъ, подавленный тяжелыми размышленіями и усталый отъ безпрерывной ходьбы по комнатѣ, я повалился на постель.

Я проснулся, когда уже развиднѣло настолько, что можно было писать. Сонъ меня не успокоилъ; мнѣ не терпѣлось высказаться,

отдать себя беззавѣтно той власти, которая одна могла вывести Русское общество изъ затрудненій и бороться съ его врагами. На той же бумагѣ, на которой отвѣчалъ я наканунѣ, на оборотѣ той же страницы, безъ приготовленія, прямо набѣло, я сознался, что прежнія мои показанія были ложны и что, въ самомъ дѣлѣ, Зетъ мнѣ сообщилъ о намѣреніи Общества достигнуть своей цѣли чрезъ цареубійство; затѣмъ изложилъ, какъ я давно уже тяготился моею двусмысленной ролью, какъ пытался посовѣтываться стороною съ моими друзьями, и прежде всѣхъ съ Як. Ростовцовымъ, и какъ не спѣшилъ съ удовлетвореніемъ этого моего желанія потому только, что впереди у меня было для этого времени вдоволь, такъ какъ я не зналъ, что у Общества былъ уже намѣченъ срокъ для начатія открытыхъ дѣйствій; что мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ какъ самый бунтъ, такъ и тревожное до бунта состояніе столицы имѣли какую-либо иную цѣль, кромѣ разрѣшенія вопроса: кому царствовать? Къ этому я присовокупилъ слѣдующее: «Не желать свободы— не въ природѣ человѣка; но стремиться къ этому благу я считалъ возможнымъ не иначе

какъ постепенно, безъ крутыхъ, всегда болѣзненныхъ переломовъ, безъ жертвъ неповинныхъ». Указывать на то, что̀ происходило между мною и Зетомъ передъ присягой, не было надобности: тамъ, еслибы (какъ я того хотѣлъ) мы двое и заявили негласно о нашемъ отказѣ присягнуть, вся бѣда обошлась бы только арестованіемъ насъ двухъ, безъ вреда для прочихъ; но попытка къ возмущенію на привалѣ, при движеніи отряда нашего къ столицѣ, могла бы имѣть самыя пагубныя послѣдствія, и я разсказалъ этотъ эпизодъ во всей подробности. Тутъ, назвавъ Зета, нельзя уже было не назвать Скалона.

Нѣсколько дней спустя, подъ напоромъ тѣхъ же побужденій, я вспомнилъ объ одномъ событіи, хотя и давнемъ, но несомнѣнно созрѣвшемъ на той же почвѣ, которая произвела и декабрьскую развязку: это бунтъ въ Пажескомъ Корпусѣ въ 1820 году. Дружба одного изъ главныхъ вожаковъ 14 Декабря [31]) съ вольнодумнымъ до цинизма К—мъ, учредителемъ тайнаго кружка въ томъ корпусѣ, повтореніе секретныхъ его засѣданій, несмотря

---

[31]) Бестужева.

на насмѣшки товарищей, и болѣе всего то обстоятельство, что зачинщикомъ безпорядка въ этомъ случаѣ былъ К—въ во главѣ своихъ сторонниковъ, все это ясно указывало, что школьный бунтъ этотъ былъ дѣтищемъ тѣхъ же ученій, которыя привели къ декабрьской катастрофѣ. Объ этомъ происшествіи я сообщилъ Коммиссіи, такъ какъ сѣмя, брошенное въ школьную почву, могло бы рано или поздно принести вредные плоды.

Затѣмъ я указалъ на одну затѣю, которая, какъ я догадывался, имѣла въ виду пріобрѣтать новыхъ членовъ въ тайное общество. Не задолго *до* послѣдней нашей загородной стоянки, Зетъ предложилъ мнѣ пристать къ небольшому кружку, предположившему заняться обозрѣніемъ Всемірной Исторіи, причемъ принять курсъ Сегюра. Кружокъ этотъ состоялъ изъ него Зета, Назимова и Семенова (однофамильца моихъ Измайловскихъ товарищей). Оба послѣдніе жили въ одномъ съ нами (Гарновскомъ) домѣ. Я охотно согласился, и въ тотъ же вечеръ мы собрались у Семенова. Но не прошло и часу, какъ отъ древней исторіи, отъ Тигранъ-Паласаровъ и Салманасаровъ, мы свернули на Ріэго, недавно повѣ-

шеннаго въ Испаніи, а затѣмъ и на другія подобныя матеріи, и такъ протолковали до́поздна. Слѣдующее засѣданіе прошло почти въ такомъ же родѣ. Видя, что здѣсь я не пріобрѣту того, что́ мнѣ обѣщано, я пересталъ бывать на этихъ сеансахъ.

Я уже говорилъ объ Анненскомъ Кавальерѣ, въ высокую стѣну котораго почти упиралось окно моей темницы. Кавальеръ этотъ занимаетъ самый глухой уголъ крѣпости; туда не достигаетъ никакой звукъ, особливо въ ночное время: тишина полнѣйшая. Тѣмъ явственнѣе, однажды, еще до́-свѣта, мнѣ послышалось за окномъ какъ бы какое движеніе, какой-то далекій, невнятный грохотъ: было несомнѣнно, что совершалось нѣчто необычайное. Шумъ этотъ долго не умолкалъ и замеръ тогда только, когда уже разсвѣло. Я ожидалъ Трусова (плацъ-адъютанта) съ нетерпѣніемъ, въ надеждѣ узнать отъ него что-либо новое; но онъ долго не приходилъ. Наконецъ явился, сильно разстроенный и съ бумагой въ рукѣ. Въ самомъ дѣлѣ новость онъ мнѣ принесъ, но не ту, которая въ эту минуту меня интересовала. Онъ прочиталъ мнѣ мой приговоръ: трехмѣсячное съ 13 Іюля заключеніе въ казе-

матѣ и переводъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ гарнизонъ. Выполнивъ свое дѣло, Трусовъ поспѣшилъ удалиться, не отвѣтивъ на мои вопросы. Такъ я и остался въ прежнемъ невѣдѣніи о случившемся. Только передъ вечеромъ фельдшеръ, въ тѣ дни меня навѣщавшій, мнѣ объяснилъ, въ чемъ было дѣло: онъ былъ очевидцемъ экзекуціи на гласисѣ крѣпости; разсказывая объ этомъ, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Тутъ же я узналъ, что день, въ который совершилось это важное событіе, былъ 13 Іюля. До того я потерялъ было счетъ времени.

За тѣмъ, изъ Анненскаго Кавальера меня перевели въ другое мѣсто. Это была просторная комната, въ окнѣ которой два верхнія стекла не были покрыты слоемъ извести. Въ послѣднее время здѣсь сидѣлъ Ѳед. Ник. Глинка. Унтеръ-офицеръ Шеховцовъ [32]) много разсказывалъ про своего недавняго узника. «Приду, бывало, къ Ѳедору Микалаевичу, говорилъ онъ; вижу, они сидятъ нахмурившись, невеселые; я къ нимъ и начну приставать:

---

[32]) Объ этомъ надсмотрщикѣ немало говорено въ запискахъ Декабристовъ.

Ѳедоръ Микалаевичъ, а Ѳедоръ Микалаевичъ! говорю, что̀ вы это? Э, нѣтъ, миленькій, этого, говорю, у меня и не смѣйте,—да и давай его за̀-руку, да за другую теребить, да тары-бары точить. Анъ смотрю, они и расшевелились, да давай со мною бороться; а не то, меня на четвереньки, да и осѣдлаютъ, а я и ну возить ихъ по горницѣ». Вообще, этотъ человѣкъ былъ находкой для своихъ *паціентовъ:* всегда веселый, всегда говорливый, онъ былъ неистощимъ на забавныя побасёнки и присказки и способенъ былъ всякую грусть, хотя на время, разсѣять.

Наконецъ, меня перевели въ одну изъ брусчатыхъ «клѣтокъ», и это уже окончательно досиживать срокъ моего заключенія. Въ клѣткахъ этого корридора сидѣли: Ентальцевъ, Анненковъ, противъ него Лунинъ; далѣе Бѣляевъ (кажется, младшій), Крюковъ, Аврамовъ; еще далѣе—не помню уже кто; а подлѣ Лунина, какъ разъ противъ меня, Фаленбергъ [33]). Моя и его клѣтки были послѣднія въ этомъ концѣ корридора. Отсюда дверь вела на до-

---

[33]) См. его Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1877, книга III, стр. 92 и 199.

вольно просторную площадку лѣстницы, куда сидѣвшихъ въ этомъ корридорѣ поочередно выводили для *проминки*. Въ это время сидѣвшіе vis-à-vis или бокъ-о-бокъ могли уже переговариваться между собою [34]). Плацъ-адъютанты показывали видъ, будто на такую вольность они смотрятъ сквозь пальцы, будто допускаютъ ее на свой страхъ; но нѣтъ сомнѣнія, что имъ такъ было приказано. Не менѣе того, при обходѣ клѣтокъ въ извѣстные часы крѣпостными властями, говоръ умолкалъ. (Курить позволено было съ тѣхъ еще поръ, какъ крѣпость начала наполняться арестованными, и каждому изъ нихъ отпускался тотъ сортъ табаку, къ какому кто привыкъ; удовлетвореніе этой необходимой прихоти исходило отъ щедротъ в. к. Михаила Павловича, который самъ былъ большой любитель куренья). Стали развлекать узниковъ и чтеніемъ: кромѣ книгъ Священнаго Писанія, раздавались сочиненія и свѣтскаго содержанія, сбродъ всякой всячины; словомъ, положеніе заключенныхъ значительно облегчилось. Съ

---

[34]) Тутъ только *я въ первый разъ* узналъ, что офицеръ, предупредившій Государя о бунтѣ, былъ Яковъ Ростовцовъ.

другой стороны, для большей ихъ части оно сдѣлалось тягостнѣе: тѣмъ, которые по суду были разжалованы, перестали отпускать чай, что̀, конечно, нельзя не признать большимъ лишеніемъ.

Моими собесѣдниками могли быть только Анненковъ, Лунинъ, Ентальцевъ и мой vis-à-vis Фаленбергъ. Въ разговоры двухъ первыхъ вмѣшиваться я большею частію затруднялся, какъ потому, что обсуждаемые ими предметы были, по своей выспренности, не совсѣмъ для меня доступны, такъ и по той причинѣ, что разговоръ велся всегда по-французски, а по этой части такимъ собесѣдникамъ я оказывался не по-плечу. Ентальцевъ, хотя и былъ отъ меня отдѣленъ лишь брусчатой стѣной, но ни разу не заговаривалъ ни со мной, ни съ кѣмъ другимъ. Кромѣ этихъ постоянныхъ сосѣдей, я могъ говорить еще съ тѣми изъ населявшихъ нашъ корридоръ, которые выводились для «проминки» на площадку лѣстницы. Въ числѣ ихъ былъ Бѣляевъ, котораго я и прежде немного зналъ. Этотъ Бѣляевъ, во время наводненія въ Петербургѣ, былъ на рулѣ того катера, на которомъ, по приказанію Государя Александра Павловича, Бенкендорфъ

разъѣзжалъ по затопленнымъ частямъ города, причемъ не разъ подвергался большимъ опасностямъ; съ тѣхъ поръ Бенкендорфъ смотрѣлъ на Бѣляева какъ на своего спасителя. «Ты знаешь, сказалъ онъ ему при первомъ глазъ-на̀-глазъ допросѣ, ты знаешь, сколько я тебѣ обязанъ: ты для меня какъ сынъ родной, и ужъ, конечно, я тебѣ не посовѣтую ничего такого, что̀ могло бы тебѣ повредить или уронить тебя съ какой бы то ни было стороны. Совѣтую тебѣ»..... И далѣе говорилъ точно тоже, что̀ говорилъ и мнѣ и, вѣроятно, что̀ говорилъ и всѣмъ прочимъ, перебывавшимъ у него на первомъ приватномъ допросѣ. Бѣляевъ вышелъ изъ этой аудіенціи ободреннымъ такими à la bon papa совѣтами. «Но, прибавилъ Бѣляевъ, въ послѣдствіи, послѣ уже экзекуціи 13 Іюля, Бенкендорфъ на меня глядѣлъ «съ величайшимъ, уничтожающимъ презрѣніемъ.» — Благодаря тѣмъ же «проминкамъ» на площадкѣ, я познакомился съ Аврамовымъ, или съ его голосомъ, такъ какъ его самого видѣть не могъ. Въ старые годы Аврамовъ служилъ подъ командою моего отца и состоялъ при немъ при взятіи Анапы; по поводу этого обстоятельства, онъ обошелся со мной какъ

съ давнишнимъ знакомцемъ. Абрамовъ негодовалъ на Пестеля. «Каковъ Пестель! сказалъ онъ, каковъ Пестель! Онъ меня имѣлъ въ виду какъ очистительную жертву для своей безопасности. Ежели бы покушеніе на жизнь Царской Фамиліи удалось вполнѣ, и ежели бы народъ, какъ слѣдовало ожидать, пришелъ бы отъ того въ крайнее раздраженіе: то господинъ Пестель думалъ *меня* выдать на растерзаніе народу, какъ главнаго и единственнаго виновника этой мѣры, и тѣмъ разсчитывалъ успокоить народъ и расположить его въ свою пользу. Такъ вотъ какую со мной хотѣлъ сыграть штуку господинъ Пестель! Про это я узналъ только изъ слѣдственнаго производства».—Болѣе всего меня интересовали бесѣды Анненкова съ Лунинымъ; предметы этихъ бесѣдъ большею частью витали въ области нравственно-религіозной философіи съ соціальнымъ оттѣнкомъ. Анненковъ былъ другъ человѣчества, съ прекрасными качествами сердца, но, увы! онъ былъ матерьялистъ, невѣрующій, не имѣющій твердой почвы подъ собою. Лунинъ, напротивъ, былъ пламенный христіанинъ. Оба они говорили превосходно. Первый выражался съ боль-

шею простотой и прямо приступалъ къ своей идеѣ; Лунинъ же впадалъ въ напыщенность, въ широковѣщательность, и нерѣдко позволялъ себѣ тонъ наставника, что̀, впрочемъ, оправдывалось и разностью ихъ возрастовъ. Лунинъ старался обратить своего молодаго друга на путь истинный. Не разъ слышалось: «Mais, mon cher, vous êtes par trop obstiné; croyez-moi, il ne faut qu'un quart d'heure d'une attention un peu soutenue pour vous convaincre pleinement de la vérité de notre foi». Къ несчастію, этотъ quart d'heure тянулся чуть ли не болѣе мѣсяца, и я, получивъ свободу, оставилъ ихъ обоихъ съ прежними убѣжденіями. Однажды Анненковъ, послѣ долгаго, горячаго спора, воскликнулъ: «Oh, il faut avouer que l'humanité ne vaut pas que l'on se sacrifie pour elle!» [35]) Когда разговоръ между двумя собесѣдниками истощался, они коротали время игрою въ шахматы. Для этого тотъ и другой начертили (не знаю уже

---

[35]) Но, милый мой, вы слишкомъ упрямы; вѣрьте мнѣ, что вамъ достаточно четверти часа нѣсколько сосредоточеннаго вниманія, чтобы вполнѣ убѣдиться въ истинѣ нашей вѣры.—Надо признаться, что человѣчество не стоитъ того, чтобы для него жертвовать собою.

чѣмъ) каждый на своемъ столикѣ казы, понумеровали ихъ, вылѣпили изъ ржанаго [36]) хлѣба статуэтки фигуръ и, перекликиваясь между собою, сыгрывали по партіи или болѣе въ день; большею частію выигрывалъ Лунинъ.

Мой прислужникъ, Рословъ, прислуживалъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Лунину, и Анненкову. Рословъ мнѣ разказывалъ, что застаетъ Лунина молящимся, всегда на колѣнахъ, по нѣскольку разъ въ день. Одинъ изъ сосѣдей Лунина, съ другаго конца корридора, не разжалованный по суду, попытался посылать Лунину свою долю чаю. «Когда, разсказывалъ Рословъ, я принесъ къ нимъ первый стаканъ, они спросили: что̀ это? а какъ я имъ растолковалъ, то они заплакали, такъ заплакали, что ажъ жалко стало. Съ той поры, вотъ я, утро и вечеръ, чай имъ приношу, и всякій разъ сердешный старикъ велитъ благодарить». Въ Лунинѣ, несмотря на его преклонныя лѣта, на его далеко недюжинное образованіе, было много чего-то ребячески-чваннаго. Онъ часто заводилъ рѣчь о какой-то своей исторіи съ

---

[36]) Послѣ экзекуціи намъ вмѣсто бѣлаго хлѣба стали отпускать только черный хлѣбъ.

великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ; объ этой исторіи, какъ можно было понять, онъ разказывалъ своему vis-à-vis и прежде, чѣмъ я попалъ къ нимъ съ сосѣдство. Еще охотнѣе и еще чаще онъ заговаривалъ объ отношеніяхъ его къ своимъ крестьянамъ, и въ заключеніе не забывалъ прибавить, что его пять тысячъ душъ крестьянъ взбунтовались, когда до нихъ дошла вѣсть о приговорѣ ихъ барина къ ссылкѣ въ Сибирь. Не понимаю, какимъ путемъ слухъ этотъ могъ дойти по адресу кого-либо изъ заключенныхъ, не пройдя прежде чрезъ руки Коммиссіи; а Коммиссія, безъ сомнѣнія, не пропустила бы бумаги съ подобнымъ содержаніемъ. Когда Лунину предложили вопросъ со стороны Коммиссіи, «откуда онъ заимствовалъ свободный образъ мыслей», то онъ будто бы отвѣчалъ: «изъ здраваго разсудка».

Болѣе всѣхъ возбуждалъ во мнѣ сожалѣнія къ себѣ Фаленбергъ; съ нимъ я могъ разговаривать безъ всякаго стѣсненія. Фаленбергъ былъ застигнутъ арестомъ среди самаго счастливаго, самаго интереснаго періода своей жизни: не задолго до того онъ женился. Онъ сдѣлалъ прекрасную, какъ говорится, партію.

Его тесть, Василій Андреевичъ Раевскій, богатый помѣщикъ Тамбовской губерніи; братъ его Петръ Андреевичъ, въ день свадьбы Фаленберга, подарилъ своей племянницѣ 100.000. Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Фаленбергъ посаженъ подъ арестъ не въ крѣпости, а, помнится, въ домѣ Главнаго Штаба, въ одномъ помѣщеніи съ полк. Кончіаловымъ. Генералъ Н. Н. Раевскій, тоже прикосновенный къ декабрьскому дѣлу, какимъ-то образомъ могъ навѣстить прежняго своего сослуживца Кончіалова; и, свѣдавъ, кто его товарищъ по аресту, поспѣшилъ съ нимъ, Фаленбергомъ, познакомиться, какъ съ мужемъ своей родственницы. Между новыми знакомыми, при такой обстановкѣ, разговоръ не замедлилъ принять характеръ искренній и доброжелательный. Раевскій совѣтывалъ ничего не скрывать, увѣряя, что дѣло преслѣдуется съ большимъ умѣніемъ и съ величайшею энергіей, и что даже главные вожатаи потеряли голову. Нельзя было не повѣрить Раевскому, такъ какъ онъ имѣлъ связи въ высшихъ слояхъ Петербургскаго общества, да и самъ онъ испыталъ дѣйствіе Слѣдственной Коммиссіи. «Настроенный такимъ образомъ», разсказы-

валъ Фаленбергъ, «я давалъ на предлагаемые мнѣ вопросы отвѣты утвердительные и во всемъ сознавался. Не смотря на то, мое положеніе запутывалось болѣе и болѣе и наконецъ сдѣлалось безвыходнымъ. Я былъ въ отчаяніи. Совѣты Раевскаго меня не покидали. Надѣясь убѣдить слѣдователей въ полнѣйшей моей искренности, я сталъ признаваться во многомъ такомъ, въ чемъ вовсе не участвовалъ; теперь не сомнѣваюсь, что такимъ враньемъ я еще больше себѣ повредилъ». Онъ плакалъ неутѣшно. Часто среди ночи, когда все уже утихало вокругъ, слышны были его рыданія, сперва какъ бы подавляемыя, а потомъ разражавшіяся воплемъ: Eudoxie, Eudoxie!!... и воззваніями какъ бы о прощеніи.

Дня за два до моего освобожденія, мнѣ, по моей просьбѣ, дали листъ бумаги и карандашъ. При этомъ надо упомянуть, что вскорѣ послѣ экзекуціи заключенныхъ дозволено было выводить на прогулки по крѣпости, въ сопровожденіи плацъ-адъютанта, и допускать свиданія съ родными и знакомыми; но это не иначе какъ въ квартирѣ коменданта и въ присутствіи плацъ-маіора. Такъ Фаленбергъ видѣлся съ братомъ своей жены, молодымъ

Преображенскимъ офицеромъ. Отъ этого послѣдняго онъ узналъ, что его жена все еще больна, все еще не знаетъ объ его участи [37]) и очень безпокоится, что долго не получаетъ отъ него писемъ. Поэтому между нимъ и молодымъ Раевскимъ было соглашено: продолжать оставлять ее въ прежнемъ невѣдѣнiи изъ опасенiя повредить и безъ того слабому ея здоровью, а относительно того, что онъ къ ней не пишетъ, увѣрить ее, что онъ, Фаленбергъ, будто бы находится на Шведской границѣ для болѣе точнаго ея опредѣленiя, и что порученiе это имѣетъ политическiй характеръ, вслѣдствiе чего всякая переписка ему строго запрещена. О такомъ соглашенiи молодой Раевскiй сообщилъ и своимъ родителямъ.

Около этого времени мы узнали о вторичномъ покушенiи Свистунова на самоубiйство: когда плацъ-адъютантъ водилъ его во время прогулки между крѣпостнымъ валомъ и берегомъ Невы, онъ бросился въ воду; его вожатый кинулся за нимъ и успѣлъ его спасти.

Фаленбергъ, узнавъ о скоромъ моемъ выѣздѣ къ мѣсту ссылки, просилъ меня заѣхать

---

[37]) Фаленбергъ не открывалъ своей женѣ тайны принадлежности своей къ заговору.

къ старикамъ Раевскимъ въ ихъ Тамбовское имѣніе, для чего надо было своротить съ моей дороги. У меня въ это время находилась для чтенія толстая книга Анекдотовъ Петра Великаго, Голикова. Въ эту книгу я вложилъ полъ-листа бумаги и карандашъ и отправилъ книгу къ Фаленбергу чрезъ прислужника. Къ вечеру книга была мнѣ возвращена отъ него съ письмомъ къ женѣ, письмомъ конечно не запечатаннымъ.

13-го Октября меня освободили. Я распростился съ моимъ собесѣдникомъ, никогда не видавъ его въ лицо и не имѣвъ никакого представленія объ его наружности. Онъ неутѣшно плакалъ при пожеланіи мнѣ счастливаго пути, безпрестанно произнося женино имя. Съ Аврамовымъ тоже я простился какъ съ невидимкой. Анненкова и прежде еще до ареста я видѣлъ не разъ. Лунина случилось мнѣ видѣть одинъ только разъ, и то мимоходомъ: когда меня вели на прогулку по крѣпости, на площадкѣ лѣстницы, на скамьѣ сидѣлъ старикъ очень, должно быть, большаго росту, съ блѣднымъ обрюзглымъ лицомъ, съ усталыми глазами. Что это былъ Лунинъ, я

узналъ тогда только, когда мы уже спустились съ лѣстницы.

Въ Петербургѣ мнѣ позволено было пробыть полтора дня. Квартира для меня была заранѣе приготовлена моимъ слугою (крѣпостнымъ), котораго тоже продержали долго подъ арестомъ. Первая моя забота по освобожденіи была видѣться съ тѣми, которые были названы въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи, а особливо съ Скалономъ. Я послалъ ему коротенькую записку, въ которой просилъ дать мнѣ случай съ нимъ видѣться. Я хотѣлъ отъ него потребовать, чтобы онъ меня внимательно выслушалъ и, положа руку на сердце, не какъ уланскій офицеръ, а какъ истинный сынъ своего отечества, мнѣ сказалъ: имѣлъ ли бы онъ достаточно силъ, чтобы поступить иначе чѣмъ поступилъ я, еслибы онъ испытывалъ такую же нравственную пытку? Въ отвѣтъ на мою записку, Скалонъ велѣлъ мнѣ сказать, что будетъ ожидать меня въ восемь часовъ вечера слѣдующаго дня. За тѣмъ мнѣ надо было получить отъ командира Измайловскаго полка мою шпагу и устроить кое-какія дѣла. Я поѣхалъ въ Гарновскій домъ къ нашему полковому казначею Кобякову, у кото-

раго, отправляясь съ батальономъ въ Петергофъ, я оставилъ на храненіе мои книги (книги эти, послѣ моего ареста, подвергнуты были обыску, но между ними я не нашелъ только тетради стиховъ Пушкина, писанныхъ моей рукой). Какъ братьями Кобяковыми, такъ и другими однополчанами моими я былъ встрѣченъ какъ нельзя болѣе радушно: всѣ изъ жившихъ въ казармахъ, кто только былъ дома, сбѣжались, чтобъ со мной повидаться; въ томъ числѣ и Норовъ, котораго въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи я назвалъ, впрочемъ съ выгодной для него стороны. Возвратившись отъ Кобяковыхъ, я поѣхалъ къ А. В. Семенову, уже женатому [38]). Тамъ я засталъ Воейкова съ женой, и потому цѣль посѣщенія (объясниться съ Семеновымъ) не была достигнута, о чемъ впрочемъ я не очень жалѣлъ, такъ какъ я самъ въ указаніяхъ на него Коммиссіи оговорилъ, что основываюсь лишь на догадкѣ. Былъ я и у М. Ѳ. Плаутина, жившаго на вольной квартирѣ; съ нимъ мы условились сойтись вечеромъ у Зиновьева [39]). За за-

---

38) На Дарьѣ Ѳедоровнѣ Львовой. См. Записки ея брата А. Ѳ. Львова въ Русскомъ Архивѣ 1884, II, 237.

39) Николай Васильевичъ, впослѣдствіи ген.-адъютантъ и одинъ изъ воспитателей Государя.

ботами въ приготовленіяхъ къ выѣзду, къ Зиновьеву я нѣсколько опоздалъ; Плаутинъ, не дождавшись меня въ назначенный часъ, поѣхалъ въ театръ. Зиновьеву я разсказалъ чистую правду, но въ общихъ чертахъ: на подробный разсказъ не хватило бы времени. Разстались мы весьма и весьма дружески. Онъ взялся устроить еще не оконченныя мои дѣла, перенесть къ себѣ мои вещи и книги и ихъ продать.

Мнѣ оставалось только покончить со Скалономъ. Онъ жилъ тогда у своего родственника, человѣка семейнаго. Пріѣзжаю, велю о себѣ доложить. Слуга, не вдругъ вернувшійся, сказалъ: «Нездоровы, не могутъ принять». Не ломиться же было въ двери въ семейномъ домѣ! Разумѣется, нездоровы—пустой предлогъ; но зачѣмъ же было приглашать?

Когда я вернулся домой, мнѣ сказали, что ко мнѣ заходилъ Галяминъ [40]) и оставилъ ко мнѣ письмецо: имъ онъ меня увѣдомляетъ, что онъ устроилъ наше съ нимъ свиданіе у Соломирскаго, гдѣ будетъ и братъ Искриц-

---

[40]) Полковникъ Генеральнаго Штаба Валерьянъ Емельяновичъ.

каго [41]), досиживающаго свой терминъ въ казематѣ, чтобъ затѣмъ отправиться на службу въ одинъ изъ Сибирскихъ гарнизоновъ. У Соломирскаго я засталъ еще какого-то очень еще молодаго армейскаго офицера [42]) котораго я никогда прежде не видѣлъ. Это мнѣ сковало языкъ: на распросы о томъ что̀ было со мною за время моего ареста, я конечно отвѣчалъ неохотно, уклончиво. Такъ мы просидѣли до полуночи и послѣ ужина распрощались навсегда. Въ туже ночь я выѣхалъ изъ Петербурга.

Когда оставилъ я Петербургъ за собою, и оставилъ, конечно, навсегда, мною овладѣли горькія, неутѣшныя сожалѣнія. Я покидалъ все чѣмъ можетъ быть красна жизнь человѣка, едва выступающаго изъ юношескаго возраста, съ его теплыми, завѣтными вѣрованіями, съ его обаяніемъ самыхъ чистыхъ, самыхъ восторженныхъ привязанностей, которыя въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ доступны однимъ лишь

---

[41]) Демьяна Александровича Искрицкаго, офицера Генеральнаго Штаба.

[42]) Послѣ я узналъ, что это былъ князь Урусовъ.

избраннымъ натурамъ. Теперь эти привязанности были для меня порваны, порваны безвозвратно! Съ другой стороны, мое будущее мнѣ представлялось унылымъ, лишеннымъ самыхъ скромныхъ радостей. Физическія стѣсненія меня не пугали; но я довольно насмотрѣлся на жизнь въ провинціи, когда мы были на походѣ въ Вильну, а также во время моего трехмѣсячнаго отпуска. Развѣ это жизнь? Развѣ такое существованіе можно назвать жизнью? Кромѣ тѣснаго, родственнаго кружка, тамъ ни уму, ни сердцу дѣлать нечего; объ искусствѣ, объ изящномъ и помину нѣтъ! Такая сухость, такая безцвѣтность должна быть невыносимой для человѣка, сколько нибудь не лишеннаго эстетическаго чувства. Всѣ эти горькіе, тяжелые помыслы, чѣмъ далѣе подвигался я по пути, тѣмъ болѣе стали уступать мѣсто воспоминаніямъ, не менѣе тяжелымъ, не менѣе неотступнымъ. Мысли мои были полны необычайными событіями послѣдняго времени; они какъ бы живыя возставали въ моей памяти. Многое, что́ въ этихъ событіяхъ было неяснаго, загадочнаго, нѣсколько обозначилось, но многое по прежнему осталось для меня непонятнымъ.

Дознаніе велось со стороны Коммиссіи тщательно и отмѣнно ловко: ничто не было упущено. Два главные и едва ли не единственные въ ней дѣятеля во всѣхъ отношеніяхъ были на высотѣ своей задачи, чтобъ импонировать, съ одной стороны убѣжденіемъ, а съ другой—угрозой. Бенкендорфъ, своимъ кроткимъ участіемъ, едва ли выпустилъ изъ своихъ рукъ кого-либо изъ допрошенныхъ имъ болѣе или менѣе успокоеннымъ и обнадеженнымъ; тогда какъ Чернышову, съ его рѣзкимъ, какъ ударъ молота, словомъ, съ его демонскимъ взглядомъ, запугиванье давалось легко. Говоря объ этихъ двухъ орудіяхъ Коммиссіи, я имѣю въ виду не тѣхъ изъ подвергавшихся допросамъ, кои по своимъ лѣтамъ пріобрѣли уже опытность и устойчивость характера, а молодыхъ людей, навербованныхъ Обществомъ, большею частію военныхъ, привыкшихъ къ дисциплинѣ и вытяжкѣ передъ генераломъ, тѣмъ болѣе передъ генералъ-адъютантомъ. Припоминаю болѣе чѣмъ странную роль, которую Зетъ разыгралъ во время Петергофской присяги, гдѣ онъ видимо потерялся; немудрено, что и онъ, Зетъ, былъ озадаченъ такою внушительною обстановкой. Сбитый съ

толку, переходя отъ догадки къ догадкѣ, я набрелъ на мысль, несказанно меня поразившую: а что̀, ежели Чернышовъ меня обманулъ, ежели онъ мнѣ прочиталъ не то, что̀ было на листѣ, написанномъ рукою Зета? Но и это предположенiе представлялось невозможнымъ: Чернышовъ не могъ такъ рисковать, не могъ быть увѣреннымъ, что я не потребую той бумаги, дабы лично удостовѣриться, что̀ въ ней написано. Обстоятельство это, хотя я не рѣдко къ нему возвращался, оставалось по прежнему для меня необъясненнымъ.

Болѣе и чаще всего мнѣ приходили на память вопросы, которые мнѣ были задаваемы самимъ Государемъ. Тутъ не могло встрѣтиться ничего подобнаго тому, что̀ при неудачѣ могло бы случиться съ Чернышовымъ. Государь прямо не уличалъ меня въ преступленiи; всѣ его дознанiя предлагаемы имъ были въ формѣ вопросовъ, а вопросъ не есть улика. Нельзя не изумиться неутомимости и терпѣнiю Николая Павловича. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго, можно сказать, бесѣдованiя съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженiи глазъ, въ самой интонацiи

словъ отвѣтчика. Успѣшности этихъ попытокъ много, конечно, помогала и самая наружность Государя, его величавая осанка, его античныя черты лица, особливо его взглядъ: когда Николай Павловичъ находился въ спокойномъ, милостивомъ расположенiи духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, тѣже глаза метали молнiи. Что касается мѣры наказанiй, то кажется въ виду имѣлись двѣ главныя категорiи: къ одной изъ нихъ отнесены были тѣ изъ преступниковъ, которые дѣйствовали, зная о настоящей цѣли и о средствахъ къ достиженiю ея, т.-е. государственнаго перестроя и истребленiя Царской Фамилiи; а къ другой тѣ, которые думали только защищать права Константина Павловича на престолъ. Первая изъ этихъ категорiй понесла высшую кару; принадлежащiе же ко второй признаны были лишь вовлеченными въ дѣло обманомъ. Поэтому самоубiйство Богдановича было совершенно напрасно: Богдановичъ всегда былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ мнѣнiй, и ежели при присягѣ провозгласилъ имя Константина вмѣсто имени Николая, то сдѣлалъ это вовсе

не думая о томъ, до чего добивались вожаки возмущенія.

Возвращаюсь къ мысли о Зетѣ. Для меня съ перваго взгляда казалось непонятнымъ, какъ могло случиться, что онъ былъ подвергнутъ наказанію, тогда какъ Государь даровалъ ему «прощеніе?» Но сообразивъ, что Зетъ объявилъ себя «Карбонаромъ», т.-е. принадлежащимъ къ самому корню преступныхъ тайныхъ обществъ и принадлежащимъ съ такого давняго времени, прихожу къ убѣжденію, что, не явись онъ съ повинною къ Государю, едва ли бы онъ не былъ приговоренъ къ такой тяжкой карѣ, въ сравненіи съ которою настоящее его наказаніе нельзя не назвать прощеніемъ. Въ словахъ Государя для меня не было ново названіе меня «батюшкой». Николай Павловичъ нерѣдко называлъ меня такъ, когда я былъ камеръ-пажемъ при его супругѣ; но мнѣ странно было слышать изъ его устъ такія выраженія какъ: «Вы играете въ крупную», «вы ставите ва-банкъ». Откуда онъ могъ узнать эти картежницкіе, игрецкіе термины? Но болѣе всего заинтригованъ я былъ ссылкой Государя на какой-то случай во время развода въ прошлогод-

немъ лагерѣ — случай, со времени котораго будто бы я состою у Николая Павловича на особо хорошемъ счету. Какъ ни ломалъ я голову, чтобъ вспомнить что̀ бы это могло быть, ни до чего не добился; такъ это обстоятельство и осталось, по прежнему, загадочнымъ.

За станцію до сворота съ большой дороги въ Тамбовское имѣніе Раевскихъ, я поѣхалъ «на долгихъ». Въ это миніатюрное «совращеніе съ моего пути», я чуть не попался въ новую бѣду. По просьбѣ друзей Зета, Искрицкихъ, свѣдавшихъ, что Зетъ изъ Сибири скоро будетъ переведенъ на Кавказъ, я взялся доставить туда его крѣпостнаго слугу. Пока мы ѣхали почтовой дорогой, насъ никто не безпокоилъ; но когда своротили на просёлокъ, гдѣ нужно было останавливаться для покормки лошадей и ночлега, моимъ слугамъ не было отбою отъ любопытныхъ; только и слышалось: кто ѣдетъ, куда и зачѣмъ? На одномъ ночлегѣ Мишка (который всю дорогу пилъ и не разъ вводилъ въ соблазнъ и моего добраго Савелія) завелъ съ вопрошающими ссору, а затѣмъ и драку. Атлетъ Мишка остался побѣдителемъ; но на шумъ сбѣжался народъ, и

не знаю, чѣмъ бы дѣло кончилось, еслибъ я не согласился, чтобы буяна связали, и не отплатился вознагражденіемъ за побои.

Раевскихъ я не засталъ дòма: они повезли больную дочь (м-мъ Фаленбергъ) въ Воронежъ. На покорму лошадей я остановился «на деревнѣ», въ избѣ. Тамъ уже знали объ участи Фаленберга. Ко мнѣ явились прикащикъ и экономка и, какъ заѣзжаго гостя, просили «пожаловать въ господскій домъ;» я отказался. Вскорѣ сбѣжались дворовые и нѣсколько крестьянъ; всѣ эти слуги забрасывали меня вопросами о ихъ «молодомъ баринѣ», а иные изъ нихъ со слезами выслушивали и то немногое, чтò я могъ имъ сообщить.

Было уже утро, когда я пріѣхалъ въ Воронежъ и, какъ было мнѣ указано Фаленбергомъ, предупредивъ дядю его жены о моемъ пріѣздѣ, отправился къ Раевскимъ. Меня встрѣтилъ высокаго роста красавецъ-старикъ, отмѣнно почтенной наружности. Это и былъ тесть Фаленберга, Василій Андреевичъ. Я отдалъ ему письмо. Черезъ нѣсколько минутъ дверь растворилась, и къ намъ ввели, подъ обѣ руки, его супругу, всю въ слезахъ. Во время распросовъ о зятѣ съ нею нѣсколько

разъ дѣлалось дурно. Тутъ мнѣ сказали, что Авдотьѣ Васильевнѣ ничего еще не было извѣстно о мужѣ, кромѣ лишь того, что̀ было придумано для ея успокоенія. Въ этомъ же смыслѣ было написано и привезенное мною письмо; не знаю, было ли оно ей отдано. Раевскіе позвали меня обѣдать; въ назначенный часъ я къ нимъ пріѣхалъ. Мы сидѣли еще въ гостинной, когда ввели больную м-мъ Фаленбергъ. Это была очень еще молодая и чрезвычайно интересная особа; видно было, что она собралась съ послѣдними силами, чтобъ лично распросить о мужѣ. Я импровизировалъ цѣлую исторію, разсказалъ, что самъ я состоялъ въ одной коммиссіи съ Петромъ Ивановичемъ, что на Шведской границѣ мы терпѣли большія стѣсненія, особливо въ перепискѣ и, какъ доказательство, прибавилъ, что Петръ Ивановичъ до того боялся зоркаго наблюденія за нимъ со стороны начальства, что не имѣлъ возможности написать къ ней иначе какъ карандашомъ и не могъ даже запечатать письма̀. Это ее совершенно успокоило, и она удалилась, благодаря за добрыя о мужѣ вѣсти. Только я ее и видѣлъ: къ обѣду она не выходила.—У Раевскихъ провелъ я и вечеръ, а ночью выѣхалъ въ дальнѣйшій путь. Долго

долго я не могъ забыть скорбной драмы, которой былъ свидѣтелемъ въ этомъ почтенномъ семействѣ.

Наконецъ, я добрался до Владикавказа. Въ тоже утро я явился къ моему полковому командиру (онъ же и комендантъ крѣпости), полковнику Николаю Петровичу Скворцову. Онъ принялъ меня ни тепло ни холодно, сказалъ только, что назначаетъ меня въ такой-то батальонъ и въ такую-то роту и спросилъ, гдѣ я остановился; за тѣмъ, наклоненіемъ головы, меня отпустилъ, сказавъ, чтобъ я каждый день приходилъ къ нему обѣдать. Въ этомъ приглашеніи слышалось приказаніе.

Когда чрезъ Владикавказъ проѣзжали важныя военныя лица, меня всегда назначали къ нимъ на ординарцы или въ конвой (оказія). Такъ мнѣ случилось, между прочими, конвоировать ѣхавшихъ къ Грузію Дибича, Д. В. Давыдова и Сипягина. Зачѣмъ Дибичъ ѣхалъ въ Грузію, о томъ можно было догадываться изъ слуховъ, повсемѣстно тогда ходившихъ, о Ермоловѣ, а также и изъ того, что Дибичъ необыкновенно предупредительно, можно сказать дружески, обошелся съ мѣстнымъ начальникомъ края и комендантомъ Владикав-

каза (этого ключа Закавказья) Н. П. Скворцовымъ. Разсыпаясь въ любезностяхъ къ его семейству, онъ напередъ поздравилъ двухъ его сыновей пажами; помнится, около этого же времени Николай Петровичъ былъ произведенъ въ генералы. Давыдову, ѣхавшему изъ Россіи, кажется, изъ отпуска, пришлось имѣть ночлегъ въ укрѣпленіи Ардонѣ; тутъ Денисъ Васильевичъ позвалъ меня къ чаю и продержалъ у себя до полуночи въ распросахъ о моемъ арестѣ. При проѣздѣ Сипягина, когда я явился къ нему, какъ назначенный его конвоировать, онъ сдѣлалъ гримасу и сказалъ: «Ну, молодой такой, и въ гарнизонѣ!....» Но когда Николай Петровичъ шепнулъ ему что-то на́ ухо, онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, спросилъ, не сынъ ли я того генерала, который былъ тяжело раненъ подъ Бауценомъ; а потомъ, когда мы двинулись въ путь, онъ велѣлъ мнѣ ѣхать возлѣ его дрожекъ и во весь переходъ со мною говорилъ.

Проѣздъ Ермолова, при возвращеніи его, окончательно, изъ Грузіи въ Россію, отличался такими особенностьми, на которыхъ нельзя не остановиться. Началось съ того, что, когда почетный караулъ и всѣ мѣстные

служащіе были уже въ сборѣ у его квартиры, отъ него впередъ проскакалъ казачій офицеръ и, осадивъ лошадь предъ комендантомъ Скворцовымъ, произнесъ слѣдующее: «Алексѣй Петровичъ приказалъ вамъ доложить, чтобъ вы не дѣлали для него никакой парадной встрѣчи, потому что теперь ѣдетъ не прежній Ермоловъ, а Ермоловъ-инвалидъ.» Вслѣдствіе этого караулъ былъ снятъ, и субалтернъ-офицеры распущены; остались только штабъ-офицеры, плацъ-маіоръ Курило, шт.-докторъ, штабъ-офицеръ строительнаго отряда и полковой адъютантъ, должность котораго занималъ тогда я. «Здравствуйте, здравствуйте, мои добрые старые товарищи!» сказалъ Алексѣй Петровичъ, сходя съ дрожекъ. «Давно, давно не видался я съ вами». Вошли въ комнату. Ермоловъ обнялъ Скворцова, распрашивалъ его о его семействѣ; потомъ сталъ обходить другихъ отъ одного къ другому, называя каждаго иныхъ даже по имени и отчеству; съ нѣкоторыми шутилъ. Подошедъ къ доктору Взорову, человѣку очень тучному: «А ты, Взоровъ, ты по прежнему все ѣшь, все спишь? Ты меня, братецъ, знаешь: отъ добра я никогда не прочь; дарю тебѣ на память *добро* (д) въ твою фамилію». Такимъ

образомъ изъ Взоровъ сдѣлался Вздоровъ. Ермоловъ зналъ съ кѣмъ какъ шутить. Онъ старался казаться спокойнымъ, но это ему не удавалось. Увидѣвъ плацъ-маіора Курило: «Братецъ», сказалъ Алексѣй Петровичъ, «зачѣмъ ты мнѣ поставилъ двухъ часовыхъ? Сними одного; а то, пожалуй, скажутъ, что *Ермоловъ умничаетъ*». Тутъ, остановясь передо мной, спросилъ: «Если не ошибаюсь, вы—Гангебловъ?»—Точно такъ, в. в. пр.—«Я зналъ вашихъ стариковъ; знавъ, что вы здѣсь, я угадалъ по сходству» и, обратясь къ прочимъ присутствовавшимъ, прибавилъ: «Вотъ какого написали въ неспособные!» За тѣмъ, поблагодаривъ собраніе нѣсколькими добрыми словами за сдѣланный ему пріемъ, онъ извинился усталостью и насъ отпустилъ. На другой день Ермоловъ обѣдалъ у Николая Петровича; опять отозвался ко мнѣ и упомянулъ, гдѣ и когда былъ знакомъ съ моими отцемъ и матерью. Въ половинѣ обѣда пришли доложить, что съ «оказіей» пріѣхалъ Д. В. Давыдовъ, тоже возвращавшійся въ Россію; а вслѣдъ за тѣмъ вошелъ онъ самъ. Во Владикавказѣ Ермоловъ пробылъ дня три или четыре. Тутъ онъ навсегда распрощался съ

матерью своихъ дѣтей; изъ нихъ мальчиковъ онъ взялъ съ собою въ Россію, а она съ дочерью возвратилась на свою родину, въ Грузію.

Когда изъ Грузіи возвращался торжествующій Дибичъ, съ нимъ былъ Чевкинъ. Рано на слѣдующее утро меня потребовали къ Дибичу. Онъ у меня спросилъ: чего я желаю, отпуска ли на 28 дней, или перевода въ дѣйствующую армію? Я избралъ послѣднее. Послѣ того, не менѣе какъ мѣсяца черезъ два, проѣзжалъ графъ Сухтеленъ, и съ нимъ опять Чевкинъ. Этотъ послѣдній, увидѣвъ меня, спросилъ: «Что̀ значитъ, что ты до сихъ поръ здѣсь? Мы, какъ только съ Иваномъ Ивановичемъ (Дибичемъ) пріѣхали въ Вязьму [43]), первый докладъ Государю былъ о тебѣ». Вскорѣ однакожъ послѣ того получена бумага о моемъ новомъ назначеніи: чрезъ Владикавказъ проходилъ въ Персію Кабардинскій пѣхотный полкъ, и мнѣ велѣно было примкнуть къ этому полку въ качествѣ прикомандированнаго.

---

[43]) Въ то время въ Вязьмѣ Государь производилъ маневры.

Кромѣ меня во Владикавказѣ находился декабристъ Борисъ Бодиско, по суду разжалованный въ матросы. Это была личность чрезвычайно симпатичная. И онъ и я сожалѣли, что могли видѣться лишь изрѣдка, и то урывками; осторожность того требовала.

Однимъ изъ развлеченій Владикавказской публики было сходиться къ заставѣ и ожидать прибытія новой оказіи. Я постоянно участвовалъ въ этихъ прогулкахъ. У меня имѣлась своя цѣль: встрѣтить декабристовъ той категоріи, которую, какъ мнѣ извѣстно было еще при выѣздѣ изъ Петербурга, предполагалось перевести изъ Сибири на Кавказъ. Однажды, когда мы, собравшіеся у заставы, съ любопытствомъ пропускали мимо себя новопріѣзжихъ, съ одной изъ повозокъ, вскрикнувъ, соскочилъ Зетъ и кинулся меня обнимать. Съ нимъ были и другіе декабристы. Всѣхъ ихъ я повелъ къ себѣ, и мы провели вечеръ до поздней ночи, не умолкая. Тутъ, натурально, пошло на объясненія. Зетъ говорилъ съ такимъ искреннимъ одушевленіемъ, съ такою прямотой, что не было возможности не дать полной вѣры его словамъ: не было сомнѣнія, что Чернышовъ сломилъ меня обма-

номъ. Я не хотѣлъ, конечно (тѣмъ болѣе при свидѣтеляхъ), сослаться на обстоятельство, которое одно помогло Чернышову такъ легко со мной справиться, именно на его, Зета, малодушіе, просто сказать, на его явную трусость въ Петергофскомъ эпизодѣ, особливо при присягѣ. Съ тѣхъ поръ я, въ самомъ дѣлѣ, потерялъ всякую вѣру въ самостоятельность его характера. Несмотря на все это, изъ того что̀ и какъ говорилъ Зетъ въ этотъ вечеръ нельзя было не убѣдиться, что не онъ меня компрометтировалъ.

Чрезъ Владикавказъ проѣхало въ Грузію еще нѣсколько декабристовъ или «прикосновенныхъ» къ ихъ дѣлу, въ томъ числѣ Семичевъ. Узнавъ, кто я, онъ подошелъ ко мнѣ съ восклицаніемъ: «Eh, mon Dieu, j'étais votre antipode!» [44]) Объяснилось, что, одно время, онъ занималъ казематъ въ нижнемъ ярусѣ, какъ-разъ подъ моимъ казематомъ. Онъ задумалъ было тогда войти со мною въ сношеніе чрезъ печную трубу, о возможности чего онъ заключилъ изъ распросовъ у своего казематнаго прислужника. Но прежде чѣмъ планъ

---

[44]) Ахъ, Боже мой, я былъ вашимъ антиподомъ!

этотъ могъ устроиться, Семичевъ былъ переведенъ въ другое помѣщеніе.

Не задолго до моего отправленія въ Персію, изъ Омскаго гарнизона во Владикавказскій былъ переведенъ Титовъ, бывшій адъютантъ фельдмаршала Сакена. Такъ какъ я долженъ былъ вскорѣ уѣхать, то предложилъ ему занять мою квартиру. Прежде Титова я не зналъ. Мы очень обрадовались другъ другу. Онъ перебрался ко мнѣ, и мы помѣстились въ одной комнатѣ, такъ какъ другой въ моей квартирѣ не было. При такой тѣсной обстановкѣ вскорѣ открылось, что мы оба немножко философы и непрочь мыслями заноситься въ высь и въ даль: изъ моей головы не совсѣмъ еще испарился Жанъ-Жакъ, а онъ, Титовъ, привезъ съ собой изъ Омска цѣлый коробъ Azais'a, съ его Compensations. Мы за нѣсколько дней, чтò провели вмѣстѣ, нафилософствовались досыта. Послѣ того я съ Титовымъ встрѣтился черезъ 50 л. въ Одессѣ.

Закончу мою Владикавказскую повѣсть эпизодомъ объ Ингушскомъ князькѣ Шефукѣ, измѣнившемъ нашему правительству и тѣмъ надѣлавшемъ много шуму и хлопотъ самому

Ермолову. Въ одной статьѣ Д. В. Давыдова, по поводу этого дѣла, о Ермоловѣ выражено такъ, или почти такъ: «Ермоловъ, однимъ мановеніемъ бровей, сломилъ непокорнаго и заставилъ его покориться». Въ сущности дѣло это завершилось иначе. Вотъ что̀ произошло. Въ началѣ войны съ Персіей, по горскимъ мирнымъ ауламъ стали появляться эмисары отъ наслѣдника Персидскаго престола Аббаса-Мирзы съ цѣлію возбудить между ними возстаніе противъ Бѣлаго Царя. Эмисары эти снабжены были деньгами, но не болѣе того что̀ было нужно для задатковъ; тѣмъ же изъ нихъ, которые дѣйствительно отпадутъ отъ Россіи, обѣщаны горы золота. Въ числѣ соблазнившихся такими щедрыми посулами былъ и Шефукъ, владѣлецъ аула, почти смежнаго съ Владикавказомъ. Въ одно прекрасное утро открылось, что Шефукъ, забравъ свое семейство, а съ семействомъ и все что̀ могъ съ собою захватить, бросилъ свой аулъ и ушелъ въ горы. Уйдти въ горы значило объявить себя врагомъ Россіи. Знали, гдѣ онъ находится; но силою возвратить его было невозможно, а по доброй волѣ онъ не сдавался. Шефукъ ждалъ награды изъ Персіи, но не

только награды, но и слухи оттуда до него не доходили. Бѣглецъ, наконецъ, убѣдился, что онъ обманутъ. И вотъ Шефукъ придумалъ какъ бы по крайней мѣрѣ вернуть свой потерянный аулъ.

Однажды изъ Грузіи въ Россію шла *оказія*. Оказіи ходятъ медленно, такъ какъ ихъ конвой изъ пѣхоты. Уже было недалеко до крѣпости, съ версту что ли, какъ одинъ изъ пассажировъ оказіи, баронъ Фирксъ, желая скорѣе прибыть на мѣсто, далъ шпоры коню и поскакалъ впередъ одинъ (такъ нерѣдко позволяли себѣ наиболѣе нетерпѣливые). Едва Фирксъ заѣхалъ за половину оставшагося ему пути и поравнялся съ кустарникомъ невдалекѣ отъ дороги, какъ увидѣлъ, что изъ-за кустовъ на него несутся нѣсколько человѣкъ горцевъ. Фирксъ соскочилъ съ лошади, думая отъ нихъ отбиваться, пока подойдетъ конвой; не тутъ-то было: его приняли въ нагайки, усадили и увязали на лошадь и погнали въ горы. Героемъ этой такъ-называемой *шалости* былъ Шефукъ. Во Владикавказѣ поднялся страшный переполохъ. Въ Тифлисъ засновали курьеры. Съ тѣмъ вмѣстѣ къ Шефуку посылали то мирныхъ горцевъ, то переводчи-

ковъ съ разными предложеніями; но онъ и слышать ничего не хотѣлъ, все еще не теряя надежды на Персидскіе подарки. Онъ укрылся съ плѣнникомъ въ аулѣ у одного изъ своихъ кунаковъ, намъ враждебныхъ, въ недоступной мѣстности. Впрочемъ, съ Фирксомъ онъ обращался хорошо и допускалъ, чтобы изъ крѣпости ему привозили все нужное. Шефукъ ждалъ, ждалъ; но изъ Персіи ни слуху, ни духу. Начались переговоры, отъ угрозъ перешли къ предложеніямъ и убѣжденіямъ. Шефукъ соглашался освободить своего плѣнника съ тѣмъ, чтобъ измѣна его была предана забвенію, чтобъ ему было дозволено, по прежнему, владѣть ауломъ; отъ этихъ условій онъ не отступалъ ни на шагъ. «Дай мнѣ моя аулъ», говорилъ онъ, «будь моя кунакъ, и Фиркса твоя». Ермоловъ, можетъ быть, и супилъ брови, но дѣлать было нечего, согласился.

Съ Шефукомъ и другими мирными князьками Владикавказскаго округа, которые всѣ были мнѣ знакомы, свидѣлся я уже въ Арзерумѣ: тамъ они, равно какъ и Куртинцы, составляли личный конвой Паскевича.

Владикавказъ — крѣпостца, состоящая изъ землянаго бруствера и рва, слабой профили,

способная защищаться противъ ружейнаго лишь огня. Внутри этой крѣпостцы небольшой деревянный домъ, единственное здѣсь строеніе, которое можно еще назвать домомъ; въ немъ живетъ комендантъ, онъ же и начальникъ области, а также и командиръ Владикавказскаго гарнизоннаго полка. Затѣмъ домики крѣпостныхъ, медицинскихъ и т. п. чиновъ, госпиталь нероскошной постройки и церковь, въ которой очень хорошаго письмà иконостасъ, приношеніе одной изъ царственныхъ особъ. Присутственныхъ мѣстъ нѣтъ, такъ какъ одна лишь власть коменданта чинитъ здѣсь судъ и расправу.

Внѣ крѣпости форштатъ, изъ 25—30 домиковъ, принадлежащихъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ женатой роты — вотъ и весь Владикавказъ, величаемый здѣсь городомъ. Жизненныя потребности населенія снабжаются одной только лавкой или духаномъ, гдѣ, со сбытомъ вина и водки, продаются товары самой первой потребности. За то здѣшній край въ отношеніи естественныхъ произведеній чрезвычайно богатъ; напримѣръ, дичи крупной и мелкой здѣсь несмѣтное множество; довольно сказать, что пара фазановъ стоитъ 15 коп.

ассигн., и за туже цѣну предлагаютъ цѣлый пудъ просоленныхъ перепеловъ. Мѣстная промышленность состоитъ исключительно въ томъ, что полковые офицеры держатъ лошадей для услугъ пассажирамъ, такъ какъ по здѣшнему тракту почтовыхъ станцій нѣтъ.

Частныхъ обывателей въ городѣ ни души. Здѣшній гарнизонный полкъ состоитъ большею частію (я говорю объ офицерахъ) изъ Поляковъ, но Поляковъ самой низкой пробы. Во всемъ городѣ не получается ни одного журнала, ни одной газеты. Книгъ тоже ни у кого нѣтъ. Послѣ каждой воскресной обѣдни, всѣ сходятся на завтракъ къ Николаю Петровичу, а затѣмъ къ нему являются нѣсколько князьковъ окрестныхъ мирныхъ ауловъ, какъ бы съ праздничнымъ поздравленіемъ.

Эти горцы, въ наружности которыхъ я ожидалъ встрѣтить неотёсанность и грубость въ обращеніи, напротивъ, удивляютъ отмѣннымъ приличіемъ и граціей своихъ тѣлодвиженій, и это тѣмъ болѣе, что въ нихъ не замѣтно никакой дѣланности: все непринужденно.

Желая сколько-нибудь «цивилизовать» здѣшнюю жизнь, Николай Петровичъ нерѣдко приглашаетъ къ себѣ на обѣды и въ большіе тор-

жественные дни даетъ балы. Эти послѣдніе особенно своеобразны; въ кавалерахъ недостатка нѣтъ, но женскаго танцующаго персонала не насчитывалось болѣе десяти душъ. Несмотря на это, на этихъ балахъ соблюдается строгій декорумъ. Самъ хозяинъ открываетъ балъ полонезомъ съ почетнѣйшею изъ присутствующихъ дамъ; за полонезомъ слѣдуютъ экосезъ, Русскій кадриль, матадуръ, вальсъ и мазурка, въ которой офицеры изъ Поляковъ отличаются залихватскими манерами своей національности. Танцы исполняются здѣсь нѣсколько иначе; напримѣръ, въ Рускомъ кадрилѣ, во время такъ называемаго «променада» къ музыкѣ присоединяются и пѣвчіе, которые поютъ какіе-то куплеты. Хоръ музыкантовъ, человѣкъ въ тридцать, почти весь изъ роговыхъ инструментовъ домашняго полковаго издѣлія. Хоръ пѣвчихъ тоже изъ такого числа голосовъ, и голосовъ весьма недурныхъ. Тѣмъ и другимъ хорами заправляетъ офицеръ, выслужившійся изъ армейскихъ полковыхъ музыкантовъ, человѣкъ по своему даровитый: всѣ бальные танцы сочинены имъ. Я подозрѣваю, что и куплеты кадрильнаго променада суть произведеніе его же музы. Эти же пѣвчіе поютъ и въ церкви.

Прежде чѣмъ продолжать мой разсказъ, упомяну объ одномъ случаѣ крайне меня удивившемъ. Самъ по себѣ этотъ случай не важенъ, но изъ него нельзя не вывести заключенія о настроеніи тогдашняго общества. Прежде надо замѣтить, что здѣшній комендантъ генералъ Скворцовъ — личность очень почтенная, съ умомъ здравымъ и твердымъ характеромъ; къ тому же, онъ человѣкъ уже очень пожилой, старый служака и свято преданный установленному порядку. Со мною онъ никогда не касался причинъ, по которымъ я попалъ подъ наказаніе. Онъ для того, вѣроятно, и вмѣнилъ мнѣ въ обязанность каждый день являться къ его обѣду, чтобъ ближе за мною наблюдать. Однажды, когда ему извѣстно уже было о моемъ скоромъ выбытіи изъ-подъ его начальства, какъ только встали изъ-за стола и начали расходиться, генералъ, подойдя ко мнѣ, шепнулъ мнѣ на ухо, чтобъ я на нѣсколько минутъ остался; а когда всѣ ушли, онъ повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, затворилъ за собою дверь и, послѣ нѣкотораго колебанія, боязно началъ: «Я васъ прошу сказать мнѣ всю правду... не стѣсняясь.... будьте покойны; вашъ отвѣтъ дальше

меня не пойдетъ. Справедливо ли все то, что̀ было обнародовано о Тайномъ Обществѣ; правда-ли, что оно имѣло въ виду достигнуть своей цѣли чрезъ цареубійство?» Послѣднее слово Николай Петровичъ насилу выговорилъ. Не успѣлъ я произнести двухъ-трехъ словъ въ положительномъ смыслѣ, какъ Николай Петровичъ въ сильномъ испугѣ замахалъ руками у самаго моего рта и опрометью выбѣжалъ изъ комнаты. Если человѣкъ такого закала, какъ генералъ Скворцовъ, осмѣлился допустить въ себѣ недовѣріе къ справедливости Слѣдственной Коммиссіи по декабрьскому дѣлу: то чего же ожидать отъ толпы, которая при бо̀льшей узкости взглядовъ всегда и вездѣ склонна скорѣе къ порицанію, чѣмъ къ одобренію правительственныхъ рѣшеній подобнаго рода? Нѣтъ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ въ немалой части *тогдашняго* Русскаго общества таилось подозрѣніе, что цареубійство придумано здѣсь для того только, чтобъ оправдать строгость приговора надъ виновными.

Съ Юга и съ Сѣвера къ Владикавказу прилегаютъ два мирные аула. Къ послѣднему изъ нихъ ведетъ мостъ черезъ Терекъ, который, въ семи верстахъ отъ Владикавказа, съ пѣ-

ной и оглушительнымъ ревомъ, вырывается изъ темнаго, узкаго ущелья, а по обѣимъ сторонамъ ущелья высятся гигантскія скалы. По этому ущелью проложена въ Грузію дорога не вдалекѣ отъ одного изъ высочайшихъ пиковъ горнаго хребта Казбека, котораго одно лишь серебряное темя видно отсюда.

Такова сторона, среди которой мнѣ суждено, какъ я было думалъ, оставаться на долгіе-долгіе годы, но гдѣ я провелъ лишь восемь мѣсяцевъ. Если мнѣ и встрѣчались здѣсь коекакія лишенія по отношенію собственно къ жизни, то этотъ недостатокъ щедро вознаграждался пріятнымъ и здоровымъ климатомъ, добрымъ ко мнѣ расположеніемъ людей и поразительно-величественными красотами природы.

Завтра здѣсь будетъ проходить, на пути въ Персію, Кабардинскій пѣхотный полкъ. Къ этому полку я прикомандированъ и долженъ къ нему примкнуть. Итакъ, прощай Владикавказъ! Спасибо за твое доброе гостепріимство!

III.

Еще изъ памяти.

Въ кампаніяхъ Персидской и Турецкой (1826—1829).—За Кавказомъ. — Разсылка декабристовъ изъ Тифлиса. — Отставка.

Въ походѣ мнѣ, фронтовому офицеру, вести записки не представлялось возможности, и потому, для продолженія разсказа до моей отставки, мнѣ приходится снова обратиться лишь къ памяти, которая, впрочемъ, несмотря на мою глубокую старость, служитъ мнѣ еще недурно. Разсказъ мой будетъ безсвязный. Я буду избѣгать повторенія того, о чемъ было говорено уже другими.

Кабардинскій полкъ, переваливъ осадныя орудія черезъ Кавказскій хребетъ, прибылъ съ ними подъ Эривань. Наши войска держали крѣпость въ блокадѣ и уже открыли траншеи. Паскевичъ дѣлалъ смотръ нашему вновь прибывшему полку. Когда онъ шагомъ проѣзжалъ по фронту, мой черный воротникъ между красными воротниками его остановилъ. «Чтó это?» спросилъ онъ. Ему объяснили. Паскевичъ, немного знавшій меня, когда я былъ въ Измайловскомъ полку, обратилъ ко мнѣ нѣ-

сколько добрыхъ словъ и обнадежилъ милостью Государя. Въ послѣдствіи, когда на переходахъ онъ обгонялъ войска, то иногда подзывалъ меня къ себѣ и дарилъ двумя-тремя словами. Но вотъ, когда началась осада, и я услышалъ, что всѣ декабристы собраны въ траншеи, я обратился съ просьбой къ генер. Красовскому перевести и меня туда же. Красовскій велѣлъ своему адъютанту меня отвести къ начальнику траншей полк. Гуркѣ. Гурко меня зналъ, когда ѣхалъ со своимъ семействомъ въ Грузію и останавливался на нѣсколько дней во Владикавказѣ, гдѣ оставилъ жену и дѣтей. Гурко засадилъ меня вести журналъ осады, а другаго своего quasi-адъютанта, тоже какъ и я опальнаго и сверхъ того моего товарища по Пажескому Корпусу, Депрерадовича, опредѣлилъ по другимъ порученіямъ. Прочіе опальные были размѣщены по разнымъ пунктамъ траншей. Когда совсѣмъ стемнѣло, Гурко, отправляясь въ обходъ крѣпости, взялъ меня съ собою и дополнилъ мое вооруженіе однимъ изъ пары своихъ кухенрейтеровъ. Ночь была темная; мы вдвоемъ шли въ такомъ отъ крѣпости разстояніи, что, при осторожности съ нашей сто-

роны, оттуда насъ не могли ни слышать, ни видѣть; но намъ иногда слышанъ былъ говоръ внутри крѣпости. На полпути, полковникъ остановился и, опустившись на камень, глухо произнесъ: «Pardon, monsieur, je n'en puis plus; ma pauvre femme me mande de Владикавказъ que notre fils est mort; vous l'avez vu, ce petit ange...» [45]). И тутъ онъ далъ волю слезамъ. Сдерживая рыданія, онъ проклиналъ и Владикавказъ, и службу. Наконецъ, онъ нѣсколько успокоился; мы пошли далѣе и не за долго до разсвѣта сошли въ свою траншею. Дня черезъ два послѣ почти безпрерывной канонады стало замѣтно, что въ крѣпости происходило что-то необычайное, и тревога все росла и росла, а вскорѣ на одной изъ башенъ показались поднятые вверхъ бѣлые флаги. Съ тѣмъ вмѣстѣ къ крѣпостной стѣнѣ съ этой стороны двинулся сводный гвардейскій паркъ [46]), а противъ другой ея стороны, изъ форштата, показался Красовскій

---

[45]) Извините, м. г., я не могу болѣе; бѣдная жена моя увѣдомляетъ меня изъ Владикавказа, что сынъ нашъ умеръ; вы видѣли его, этого маленькаго ангела.

[46]) Сформированный изъ л.-гв. полковъ Московскаго и Гренадерскаго, участвовавшихъ въ бунтѣ 14-го Декабря.

въ головѣ своего отряда. «Спѣшите примкнуть къ Красовскому», сказалъ мнѣ Гурко, «и наблюдайте, что̀ произойдетъ въ томъ пунктѣ атаки для занесенія въ журналъ; а мы съ Депрерадовичемъ, для того же, пойдемъ къ гвардейцамъ». Я кинулся изъ траншеи и, видя, что опоздаю, ежели пойду въ обходъ, направился прямо по гласису крѣпости въ надеждѣ, что при суматохѣ за стѣнами ея на меня не обратятъ вниманія. Такъ оно и случилось: добѣжавъ до своей цѣли благополучно, я увидѣлъ, что Красовскій со своимъ отрядомъ только что подошелъ къ сводчатому тоннелю, ведущему къ крѣпостнымъ воротамъ, за которыми слышалась страшная возня. Я присоединился къ свитѣ Красовскаго, въ то время какъ онъ давалъ приказанія аудитору Бѣлову, знавшему мѣстный языкъ, чтобъ онъ подошелъ къ самымъ воротамъ и сказалъ *имъ*, что ежели они заставятъ самихъ насъ разбить ворота, то имъ пощады не будетъ. Съ Бѣловымъ пошелъ я и еще какой-то офицеръ въ качествѣ ассистентовъ. Полы воротъ не вплоть были притворены. Едва Бѣловъ приложилъ лобъ къ этой щели и произнесъ два-три слова, какъ оттуда раздался выстрѣлъ, и Бѣловъ

повалился, брызнувъ мнѣ въ лицо своимъ мозгомъ. «Что̀ тамъ такое?» тревожно спросилъ генералъ, когда мы, ассистенты, къ нему выбѣжали. Когда я сказалъ, что Бѣловъ убитъ, поставлено было орудіе, чтобъ разбить ворота; но прежде чѣмъ выстрѣлъ послѣдовалъ, ворота растворились. Красовскій, окидывая насъ взглядомъ, у меня спросилъ: «Вы здѣсь зачѣмъ?» Я объяснилъ, что присланъ отъ начальника траншей. «Кстати», сказалъ онъ, «вотъ вамъ два тѣлохранителя, идите впередъ въ ворота и продолжайте идти, а за вами пойдемъ и мы». Съ двумя гренадерами, «ружья на перевѣсъ», мы очутились среди невообразимаго смятенія: оглушительный вопль, шальная бѣготня, драка между собою, визгъ женщинъ; онѣ подбѣгали къ намъ, рвали на себѣ одежды, иныя рвали себѣ груди до крови, бросали дѣтей намъ подъ ноги, кидались ницъ и хватали землю зубами. Среди этой страшной суматохи насъ однакожъ не трогали. Когда мы отошли отъ воротъ шаговъ на полтораста, изъ воротъ показался Красовскій съ отрядомъ. Такимъ образомъ Эривань была занята съ этой стороны.

По взятіи Эривани войско двинулось далѣе по направленію къ Тавризу и шло отдѣльными отрядами для занятія разныхъ стратегическихъ пунктовъ Адербиджана. Тутъ я потерялъ изъ виду опальныхъ. Кромѣ меня, ихъ въ нашемъ полку не было. Нашъ отрядъ, состоявшій изъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, батареи Аристова и казаковъ, занялъ городъ Делиманъ.

Во время почти трехмѣсячной стоянки въ Делиманѣ, на южной оконечности соленаго Урмійскаго озера, нѣсколько разъ я былъ наряжаемъ на фуражировки по окружнымъ деревнямъ, большею частью съ смѣшаннымъ населеніемъ изъ Персидскихъ Татаръ, Халдеевъ-Несторіянъ и Армянъ. Не доходя съ моей командой за полверсты до одной изъ такихъ деревень, мы были встрѣчены толпой народа, съ духовенствомъ во главѣ, съ хоругвями и кадилами; они за день до того провѣдали о нашемъ приходѣ. При вступленіи въ самую деревню, стали звонить въ единственный колоколъ, да и то очень небольшой, въ родѣ тѣхъ, какими на нашихъ господскихъ усадьбахъ сзываютъ дворню. Когда я размѣстилъ людей по квартирамъ, меня повели въ цер-

ковь (ничемъ не отличавшуюся отъ прочихъ сельскихъ строеній), узнали отъ меня и записали имена нашего Государя и нашей Государыни, отслужили нѣчто въ родѣ молебна, причемъ провозгласили: Николая Павловича, Александру Өеодоровну и... офсера (*офицера*, сирѣчь меня). Потомъ привели меня на отведенную мнѣ квартиру, наполненную любопытными. Квартира эта состояла изъ одной очень просторной, но низкой и очень темной комнаты, такъ какъ свѣтъ въ нее падалъ чрезъ небольшое отверстіе въ потолкѣ. Я оставилъ человѣкъ пять-шесть стариковъ; прочихъ просилъ удалиться. Не спрашиваясь и не слушаясь меня, мои хозяева сдвинули нѣсколько низенькихъ столиковъ и наставили на нихъ разныхъ разностей; тутъ было нѣсколько пловъ, простокваша, чуреки, творогъ, плохое самодѣльное вино и въ довершеніе всего жирный жареный баранъ. Когда установка угощеній кончилась, старѣйшій изъ присутствовавшихъ, указавъ на яства, а потомъ на меня, надуто произнесъ *пешкешъ* [47]). Для меня подкатили чурбанъ; прочіе усѣлись за столъ, какъ

---

[47]) Т.-е. приношеніе подарковъ.

попало. Представилась интересная картина: этотъ полумракъ, эти чисто-библейскіе типы, съ ихъ голыми черепами, на которыхъ отражались блики падающаго сверху луча, эта убогая трапеза. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого зрѣлища; оно было достойно кисти Рембранта.

Моя другая фуражировка была интересна въ другомъ родѣ. Къ цѣли моего назначенія мнѣ надо было проходить черезъ одну деревню, устроенную иначе чѣмъ прочія. Въ ней постройки большею частію напоминали Русскія избы. Деревня эта служила штабъ-квартирой такъ называемому *Русскому батальону*, составленному изъ Русскихъ бѣглыхъ солдатъ съ дополненіемъ изъ Армянъ. Мужчины, при нашемъ приближеніи, разумѣется всѣ ушли; но ихъ семейства остались. Жены бѣглыхъ, Армянки и Халдейки, вовсе насъ не дичились; ихъ дѣти отчасти Русскаго типа; они привѣтствовали насъ по-русски лучше, чѣмъ ихъ матери. Тутъ же стоялъ и домъ, въ два небольшихъ этажа, командира этого батальона Самсона Маканцева. Уходя изъ своей столицы, онъ забралъ съ собою и свое семейство. Женатъ онъ уже во второй разъ; свою первую жену онъ за-

колол кинжалом. Маканцев, котораго там называли *сардарем-Самсоном*, бывшій вахмистр Нижегородскаго драгунскаго полка, бѣжал в Ермоловское время, а может быть и прежде, и дослужился в Персіи до высших чинов. Он-то со своим батальоном наиболѣе помог Аббасу-мирзѣ разбить Красовскаго близ Эчміадзина. Красовскій достиг однакож своей цѣли: доставил в Эчміадзин провіант, пробившись с слабым своим отрядом сквозь двадцать тысяч, но сам понес жестокую потерю. Разсказывают, что в этом дѣлѣ бѣглый, прежде чѣм схватиться в рукопашную с нашим солдатом, начинал окликом: «Ты какой губерніи?» Мы слышали от полковника Рыдзевскаго, что когда по заключеніи мира наши войска выступили из Тавриза, а он, Рыдзевскій, оставался еще там нѣсколько дней с военным госпиталем, то Маканцев, пользуясь отсутствіем наших войск, пріѣзжал в Тавриз и сдѣлал Рыдзевскому визит. Он был в своего изобрѣтенія мундирѣ, с генеральскими эполетами, пожалованными ему Аббасом-мирзой за дѣло при Эчміадзинѣ. Маканцев излил перед нашим штаб-офицером

свое раскаяніе: «Я бы пожертвовалъ», сказалъ онъ, «всѣми выгодами, которыя пріобрѣлъ на службѣ въ Персіи, и возвратился бы съ повинною на мою родину, еслибъ зналъ, что меня не прогонятъ сквозь строй».

По прерваніи мирныхъ переговоровъ нашъ отрядъ подвинутъ былъ къ Урміи, на западномъ берегу того же озера. За переходъ до этого города къ намъ явился Армянинъ, молодой еще человѣкъ, щеголевато одѣтый и, подъѣхавъ къ генералу, обратился къ нему по-французски съ предложеніемъ себя въ переводчики, какъ знающаго Персидскій и Арабскій языки. Меня позвали къ генералу быть посредникомъ въ разговорѣ его съ Армяниномъ. Этотъ послѣдній, назвавшій себя Качатуръ-беемъ, разсказалъ намъ, что онъ состоитъ при дворѣ наслѣдника престола, Аббаса-мирзы, въ должности соотвѣтствующей пажу; что онъ учился въ Парижѣ; что Урмія городъ большой и хорошо всѣмъ снабженный, что правитель Урмійскаго округа, сынъ наслѣдника престола, принцъ Малекъ-Касумъ-мирза, узнавъ о направленіи нашего отряда, ушелъ изъ Урміи со всѣмъ своимъ имуществомъ и гаремомъ, за исключеніемъ начальницы гарема

(première dame du harème) Француженки, madame Lamarnière, бывшей воспитательницы дѣтей Аббаса-мирзы, отъ котораго перешла она ко двору его сына Малека, своего воспитанника, и что, наконецъ, за отсутствіемъ этого послѣдняго, мѣсто правителя провинціи (беглербея) занимаетъ Неджефъ - Кули - ханъ. Неджефъ, человѣкъ очень важный, изъ фамиліи Афшаровъ, изъ которой былъ знаменитый Тахмасъ-Кули-ханъ и которая свержена съ престола нынѣ царствующей фамиліею Каджаровъ. О настроеніи умовъ въ Урміи Качатуръ-бей отозвался въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, за исключеніемъ небольшой партіи, которая упорствуетъ во враждѣ къ намъ. Съ послѣдняго ночлега (хотя намъ ничего еще не было извѣстно о ходѣ мирныхъ переговоровъ) генералъ далъ мнѣ двѣнадцать казаковъ и Качатуръ-бея и велѣлъ отправиться въ Урмію, требовать отъ беглербея, чтобъ онъ отвелъ для отряда квартиры и заготовилъ провіантъ и фуражъ. «Не забудьте», отправляя меня, добавилъ генералъ, «не забудьте повидаться съ м-мъ Ламарньеръ и скажите ей, что она въ безопасности».

Я выѣхалъ задолго до свѣту и пріѣхалъ въ городъ, когда только что поднялось солнце. Мое порученіе исполнилось какъ нельзя болѣе благополучно. Неджефъ-Кули-ханъ съ нѣсколькими другими, какъ видно, важными лицами, встрѣтилъ меня внизу лѣстницы, очень любезно привѣтствовалъ и повелъ наверхъ. Мы взошли въ большую, свѣтлую залу, одна стѣна которой состояла вся изъ сплошнаго окна, какъ въ оранжереяхъ, а полъ покрытъ цѣльнымъ великолѣпнымъ ковромъ, обрамленнымъ узорчатыми, толстыми войлоками [48]).

Выслушавъ меня, Неджефъ живо распорядился. За тѣмъ, пока я сидѣлъ у мадамъ Ламарньеръ, очень и очень мнѣ обрадовавшейся, помѣщеніе для отряда было тутъ же занято въ обширномъ дворцѣ принца Малека; мнѣ оставалось только осмотрѣть это помѣщеніе. Съ приближеніемъ отряда, я выѣхалъ встрѣтить генерала добрыми вѣстями о моемъ порученіи.

Во время двухмѣсячной стоянки въ Урміи я не оставался безъ дѣла по службѣ. Каждый день я долженъ былъ присутствовать въ утрен-

[48]) Эта стѣна окнами выходила на небольшой дворикъ, вымощенный плитами, на одномъ уровнѣ съ поломъ залы.

немъ засѣданіи беглеръ-бейскаго «дивана», когда разбирались дѣла, или однихъ христіанъ (Армянъ, Халдеевъ), или христіанъ съ мусульманами. Въ засѣданіяхъ дивана соблюдалось величайшее приличіе. Хановъ собиралось человѣкъ 40 чопорно одѣтыхъ въ богатыхъ халатахъ. Ни шума, ни стука. Ежели кто-либо опаздывалъ явиться въ диванъ, то, по ковру въ шерстяныхъ чулкахъ, пробирался къ своему мѣсту неслышными шагами и уже не вставалъ до окончанія засѣданія. Возвышать голосъ могъ только тотъ, кому очередь выразить свое мнѣніе. Мое мѣсто было подлѣ беглеръ-бея у поднятой оконной рамы, а переводчикъ Качатуръ-бей стоялъ передъ нами. Такъ какъ дѣлà обыкновенно велись на мѣстномъ Татарскомъ языкѣ, то Качатуръ мнѣ былъ полезенъ тѣмъ еще, что присутствующіе не могли ничего отъ меня скрывать, говоря между собою по-арабски (какъ это раза два случалось, когда Качатуръ не могъ быть со мною по случаю болѣзни). Судъ производился, ежели, по ошибкѣ, не всегда справедливо, то, уже, конечно, всегда скоро: для наказанія виновнаго, ежели онъ изъ мусульманъ, являлись четыре фарраша; двое изъ нихъ горизонталь-

но за концы держали длинный шесть, а двое другихъ туго привязывали по серединѣ этого шеста подошвенную сторону голыхъ ногъ своей жертвы, и длинными палками въ палецъ толщиной принимались бить по голымъ подошвамъ виновнаго, сколько душѣ беглеръ-бея было угодно. Въ администраціи еще болѣе было патріархальности, чѣмъ въ правосудіи. Однажды, при собраніи статистическихъ свѣдѣній, я спросилъ, сколько въ Урміи жителей? Вопросъ этотъ видимо озадачилъ присутствующихъ; они, съ усмѣшкой, вопросительно между собой переглянулись, потолковали, потолковали и дали такой отвѣтъ: «А кто его знаетъ, сколько! Народа много ходитъ, много ѣздитъ по улицамъ и туда, и сюда; а сколько его, сосчитать нельзя». Не менѣе замѣчательно въ здѣшней окраинѣ Персіи отсутствіе самыхъ элементарныхъ знаній. Напр. о географіи, какъ о наукѣ, не имѣютъ понятія. Случилось, что въ присутствіи Махметъ-Вали-хана, брата беглеръ-бея, генералъ, разложивъ карту Адербиджана, указывалъ мнѣ нѣкоторыя мѣстности и между прочимъ назвалъ Урмію. Махметъ внимательно слушалъ и смотрѣлъ. Когда мы съ нимъ вышли отъ генерала, онъ мнѣ

задалъ вопросъ въ такомъ смыслѣ: «Что̀ это за большая бумага, надъ которой вы говорили, водя по ней пальцами, при чемъ называли имя нашего города, тогда какъ на ней, на этой бумагѣ, ничего не было видно?» Изъ моихъ отвѣтовъ Махметъ ничего не понялъ; съ тѣмъ я его отъ себя и отпустилъ, такъ какъ долженъ былъ заняться другимъ дѣломъ. Вскорѣ послѣ того въ городѣ пошелъ слухъ, что генералъ «держитъ Урмію въ ящикѣ того стола, на которомъ пишетъ». Стали являться желающіе видѣть такое чудо. Приходили по нѣскольку человѣкъ хановъ и мирзъ [49]); разъ пришелъ и самъ чопорный беглеръ-бей Неджефъ. Генералъ всегда снисходительно развертывалъ передъ ними карту и указывалъ, гдѣ Урмія. При этомъ происходила всегда одна и таже сцена: гости вперяли глаза въ одну указанную точку, упорно, долго смотрѣли, какъ бы ожидая чего-то, и расходились молча въ недоумѣніи.

Между тѣмъ народъ здѣсь очень способный. Изъ многихъ этому примѣровъ привожу одинъ.

---

[49]) Мирза—ученый, грамотный. Ежели титулъ этотъ ставится *послѣ* имени, то значитъ принцъ крови.

Въ помощь мнѣ дали одного мирзу. Онъ заинтересовался нашими цыфрами и забрасывалъ меня вопросами о ихъ значеніи. Я изумлялся понятливости этого еще очень молодаго человѣка. Въ какія-нибудь три-четыре недѣли, что̀ онъ былъ при мнѣ, и пользуясь лишь моими отвѣтами на его вопросы, онъ подвинулся въ ариѳметикѣ до тройнаго правила включительно, понимая все легко, кромѣ только извлеченія корней, которыя его нѣсколько затрудняли.

Здѣшнему народу, за исключеніемъ немногихъ закоренѣлыхъ фанатиковъ, все *наше* очень нравилось. Ежели что и поражало ихъ своею необычностью, то это только на первый взглядъ. Такъ было въ первый торжественный какой-то день, когда весь нашъ отрядъ нарядился въ свои куцые мундиры. Первое впечатлѣніе этого наряда произвело всеобщій неудержимый смѣхъ; иные почитали его непристойнымъ, но поприглядѣвшись, находили, что такая одежда несравненно удобнѣе, чѣмъ ихъ длинные халаты. Наши колесныя средства передвиженія ихъ восхитили. Неджефъ былъ внѣ себя отъ радости, когда нашъ полковой командиръ подарилъ ему простую телѣгу, которую велѣлъ

для него смастерить полковыми средствами. На коляски его и генеральскую они смотрѣли какъ на чудо.

На городской площади, за часъ до пробитія вечерней зори, каждый день играла наша полковая музыка. Народу сходилось много, но на слушателей наши мотивы не производили никакого дѣйствія, тогда какъ мотивъ ихъ общенародной пѣсни

Кала̀ пунъ ди банда̀ биръ агачъ гиласъ
Атъ ма бу дамъ лари̇̀ менъ караліямъ [50]).

доводитъ ихъ до изступленія. Когда у нихъ спрашивали, какъ они находятъ нашу музыку, они отвѣчали, что нашимъ инструментамъ они отдаютъ преимущество предъ своими, но свои музыкальные мотивы. и свою гармонію они ставятъ гораздо выше нашихъ [51]). Но эти восточные мотивы, эта восточная гармонія должны же они заключать въ себѣ что-нибудь дѣйствительно обаятельное, коль скоро едва ли не половина человѣческихъ существъ имъ по-

---

[50]) Мотивъ этой пѣсни Глинка помѣстилъ въ своей оперѣ „Русланъ и Людмила“.

[51]) Впослѣдствіи, уже въ Тифлисѣ, одинъ умный и бывалый Татаринъ, объѣздившій нѣсколько Европейскихъ столицъ, далъ мнѣ о музыкѣ тотъ же отзывъ.

кланяются съ такимъ энтузіазмомъ. М-мъ Ламарньеръ хотя и освоилась съ мѣстными вкусами и привычками, но не могла однакожъ слышать здѣшней музыки безъ отвращенія. Въ Урміи былъ свой хоръ музыкантовъ; въ исполненіи этого хора мы находили одно лишь нелѣпое сочетаніе дикихъ звуковъ. Этотъ мусульманскій хоръ, съ крыши мечети, ежедневно привѣтствовалъ восхожденіе солнца, подобно тому какъ нашъ полковой хоръ отправлялъ вечернюю зорю.

Однажды въ комнатѣ было очень жарко, и я велѣлъ немного приподнять окно, когда ложился спать. Вижу во снѣ что-то волшебное, сопровождаемое тихими и отмѣнно-пріятными звуками; звуки эти лились, лились и вдругъ перешли въ дикую галиматью... Это былъ моментъ пробужденія: сквозь щель оставленную въ окнѣ до меня доносились звуки Персидской зори. Я не могъ объяснить себѣ этого явленія ничѣмъ инымъ, какъ моимъ восточнымъ происхожденіемъ.

Недѣли за двѣ или за три до выступленія изъ Урміи, нѣсколько изувѣровъ изъ простаго народа, вооруженные кинжалами, напали на небольшой нашъ отдѣльный отъ гауптвахты

караулъ, убили унтеръ-офицера и стоявшаго на часахъ рядоваго. Прочіе караульные бросились на эту шайку въ штыки, ее разогнали, а двухъ изъ нея захватили, связали и представили генералу. Ударили тревогу; отрядъ быстро выстроился въ боевой порядокъ на площади, гдѣ стояла наша артилерія; пушки зарядили. Съ тѣмъ вмѣстѣ генералъ велѣлъ мнѣ взять съ собою четырехъ тѣлохранителей, идти къ беглербею и просить его тотчасъ явиться къ нему на площадь; «а ежели не послушается», добавилъ мнѣ въ догонку генералъ, «то приведите его силою».

Неджефъ въ это время находился на вечернемъ засѣданіи дивана [52]). Оставивъ за дверью мою охрану [53]), я вошелъ въ залу и удивился, найдя, что въ ней все спокойно (тамъ еще не знали о происшествіи); но едва я съ переводчикомъ успѣлъ подойти къ Неджефу и пе-

---

[52]) Вечерній диванъ собирался около пяти часовъ послѣ обѣда. Въ этихъ засѣданіяхъ я никогда не участвовалъ, такъ какъ въ нихъ обсуждались дѣла, касающіяся однихъ мусульманъ. На утреннемъ же разбирались дѣла или христіанъ между собою (Армянъ, Халдеевъ) или между христіанами и мусульманами.

[53]) Въ теплую погоду двери только завѣшиваются, но не затворяются.

редать ему «приглашеніе генерала», изъ-за дверной занавѣси вбѣжалъ какой-то мирза и громко что-то произнесъ (онъ сказалъ, что за дверью поставлены солдаты), какъ всѣ присутствовавшіе вскочили съ своихъ мѣстъ, и поднялся раздраженный крикъ и споръ. Иные обнажили кинжалы, а одинъ изъ засѣдавшихъ въ диванѣ, толстый Тагиръ-бей, злѣйшій ненавистникъ Русскихъ, кинулся было ко мнѣ; но прочіе его удержали. Послѣ шумнаго, но недолгаго спора, перепуганный Неджефъ объявилъ, что онъ готовъ идти за мной. Когда мы пришли на площадь, то узнали, что схваченные негодяи были пьяны. Самъ Неджефъ съ видимымъ отвращеніемъ подсунулся носомъ къ ихъ ртамъ, и когда убѣдился въ истинѣ, то успокоился и охотно выдалъ головой преступниковъ въ руки Русскаго правосудія. Тѣмъ недоразумѣніе съ диваномъ и кончилось.

По донесеніи объ этомъ происшествіи начальству, ген. Лаптевъ получилъ отъ ген. Панкратьева предписаніе повѣсить виновныхъ на городской площади. Но осторожный ген. Лаптевъ медлилъ экзекуціей и исполнилъ казнь гораздо уже позднѣе, да и то не въ Урміи, родинѣ преступниковъ, а почти за сто верстъ

оттуда, въ Делиманѣ, когда мы, возвращаясь съ похода, проходили черезъ этотъ городъ.

У мадамъ Ламарньеръ каждый день я проводилъ часа по два. Это была разбитная Француженка лѣтъ за сорокъ пять, живая, бойкая. По ея разсказамъ, она служила чѣмъ-то при дворѣ Элизы Баччіоки, сестры Неполеона, знакома была съ мадамъ Сталь и играла съ нею на любительскихъ сценахъ; она перебывала почти во всѣхъ Европейскихъ столицахъ, была замужемъ за докторомъ медицины. Судьба застала какъ-то эту чету въ Тифлисѣ, гдѣ ее знали Ермоловъ и Грибоѣдовъ. Въ Тифлисѣ мужъ ея умеръ. Ей предложили мѣсто при дѣтяхъ Аббаса-мирзы. Когда ея воспитанникъ Малекъ-Касумъ-мирза назначенъ былъ правителемъ Урмійской области, Ламарньеръ послѣдовала за нимъ и при дворѣ его состояла въ качествѣ première dame du harème, а съ тѣмъ вмѣстѣ завѣдывала собаками и соколами принца. Она вела свои записки на Итальянскомъ языкѣ и занималась натуральной исторіей. Она обратила мое вниманіе на птицъ, водящихся въ безчисленномъ количествѣ по берегамъ соленаго Урмійскаго озера. Птицы эти изъ рода голенастыхъ (échassiers), какъ снѣгъ

бѣлыя, съ пунцовымъ подкрыліемъ, съ розовыми ногами, такого же цвѣта съ огромнымъ яйцеобразнымъ горбатымъ клювомъ, съ черной каймой на створѣ. По мѣрѣ устарѣнія птицы, сквозь ея бѣлыя перья пробиваются пунцовыя перья. Птица эта имѣетъ столько особенностей въ сравненіи съ фламингомъ (flamant) Бюффона, что представляетъ новый видъ голенастыхъ, съ чѣмъ согласился и заѣзжавшій тогда въ Урмію Венгерскій путешественникъ; имени котораго не упомню. Мы пытались приручить этихъ птицъ, но онѣ не могли прожить долѣе недѣли. Другой видѣнный мною въ Урміи любопытный предметъ — это зерно, по своей формѣ подобное нашей лѣсной малинѣ, на вкусъ деревянистое, но питательное. У м-мъ Ламарньеръ хранился цѣлый мѣшокъ этой манны; въ одну изъ предшествовавшихъ зимъ, во время голода, частыми и сильными мятелями зерна этого наносилось такое множество, что народъ собиралъ его, перемалывалъ въ муку и употреблялъ въ пищу, чтó значительно способствовало къ ослабленію тѣхъ бѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ тогдашняго неурожая. Упомянутый естествоиспытатель призналъ это зерно за чуже-

ядный продуктъ (parasite) какого нибудь растенія, но какого именно, осталось неизвѣстнымъ. Ген. Панкратьевъ, пріѣзжавшій въ Урмію по дѣламъ службы, отправилъ образчикъ этого зерна въ какое-то ученое общество въ Парижъ. Замѣчательно, что появленіе этой манны, ни въ народной памяти не сохранилось, ни въ послѣдствіи не повторялось.

Во время стоянки въ Урміи возвращено было много Русскихъ солдатъ, прежде еще бѣжавшихъ. Иногда ихъ подбирали на улицахъ города, когда они пьяные валялись въ ночное время, произнося Русскія бранныя слова. По слухамъ, въ провинціи было нѣсколько и Русскихъ офицеровъ; они еще съ давняго времени водворились въ этомъ краѣ и обзавелись семействами. Одинъ изъ нихъ Воскобойниковъ, уже старикъ, явился добровольно къ нашему генералу (Лаптеву) и заявилъ, что при осадѣ Эривани гр. Гудовичемъ онъ попался Персіянамъ въ плѣнъ, былъ удержанъ ими и, по заключеніи мира, женился, завелся семействомъ и рѣшился остаться на чужбинѣ. Пока надъ нимъ производилось слѣдствіе, онъ умеръ; его похоронили, какъ Русскаго офицера, съ воинской почестью, а его

вдова съ дѣтьми послѣдовала за нашимъ отрядомъ въ Россію.

Кромѣ Венгерца-натуралиста въ Урмію пріѣзжало еще два Европейца, инструкторы Персидскихъ войскъ — Англичанинъ Уиллокъ и Французъ Семинò. Съ Семинò, пріѣзжавшимъ для того будто бы, чтобы повидаться съ своей соотечественницей, мы, какъ говорится, сошлись и нѣсколько разъ ѣздили пировать на хуторъ м-ъ Ламарньеръ, въ деревню Чорбашъ, съ версту отъ города. Тамъ у нея были виноградники, и между прочимъ выдѣлывался превосходный люнель, который хранился въ восьми, врытыхъ въ землю, глиняныхъ кувшинахъ, вышиною больше роста человѣка. Въ слѣдующемъ году, я совершенно неожиданно встрѣтился съ Семинò въ Тифлисѣ, на балу, данномъ Паскевичемъ въ честь Персидскаго принца, возвращавшагося изъ Петербурга. Семинò состоялъ въ свитѣ этого принца и былъ уже не тѣмъ Семинò, какимъ я его зналъ въ Урміи: теперь онъ щеголялъ въ какомъ-то военномъ мундирѣ, въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ и съ Владиміромъ въ петлицѣ. На другой день, очень рано, онъ меня навѣстилъ и разсказалъ любопытныя вещи о убіеніи

Грибоѣдова. По его словамъ катастрофа эта была устроена Англичанами, которые Грибоѣдова не терпѣли за его гордое съ ними обращеніе. «Вашъ Государь», сказалъ Семино̀, «удостоилъ меня особой аудіенціи; я разсказалъ ему подробно всѣ махинаціи Англичанъ. Государь былъ со мною очень милостивъ, пожаловалъ мнѣ чинъ капитана Русской службы, пожизненную пенсію и вотъ, какъ видите, орденъ». Прощаясь съ нимъ, я ему замѣтилъ, отчего онъ, не болѣе какъ капитанъ, аноситъ жирные эполеты? «Я капитанъ Имперіи, стало-быть штабъ-офицеръ королевства, какова Персія», сказалъ онъ самодовольно.

По заключеніи мира съ Персіей, въ нашъ отрядъ получено было предписаніе готовиться къ выступленію изъ Урміи въ обратный путь. Это было сигналомъ къ побѣгамъ изъ нашего Кабардинскаго полка, въ послѣдніе передъ выступленіемъ изъ Урміи дни. Побѣги эти до того усилились, что полковой командиръ, Швецовъ, приходилъ въ отчаяніе и прекратилъ ихъ только тѣмъ, что поимщикамъ платилъ по 10 червонцевъ за каждаго представленнаго ими бѣглаго. Пойманы были однакожъ не всѣ; между прочими молодой, красивый, грамотный

и отлично расторопный по службѣ фельдфебель первой гренадерской роты такъ и остался не отысканнымъ. Да и какъ было тогдашнему солдату не соблазниться на подстрекательства Персіянъ? Тутъ тяжелая лямка на долгіе годы, а тамъ дорогая свобода и женъ въ волю!

По выступленіи отряда изъ Урміи, получено было отъ Паскевича предписаніе отправить меня въ Эривань. Меня это удивило: я не могъ понять, кому я обязанъ такимъ назначеніемъ и къ добру ли оно для меня или къ худу? Мнѣ дали одного только проводника изъ мѣстныхъ Татаръ. Проѣздомъ черезъ городъ Хой, въ штабъ-квартирѣ ген. Панкратьева, я нашелъ Искрицкаго, а также и Зета; съ ними я и провелъ два дня, благодаря разрѣшенію генерала (ген. Панкратьевъ вообще ко мнѣ очень благоволилъ). Зетъ долженъ былъ отправиться въ Тифлисъ, и мы вмѣстѣ проѣхали около двухъ сотъ верстъ до Эривани. Тутъ мы съ Зетомъ разстались, и съ тѣхъ поръ я уже его не видалъ. Лишь впослѣдствіи, въ 1830 или 1831 году, когда я находился въ Тифлисѣ, я получилъ отъ него нѣсколько писемъ изъ Шуши. Эти письма мнѣ открыли, что въ Зетѣ совершилась радикальная духов-

ная перемѣна. Зеть былъ католикъ; прежде онъ относился къ своему вѣрованію, да и вообще къ религіи, довольно холодно, даже болѣе чѣмъ холодно. Эти же его письма наполнялись идеями католицизма самаго горячаго, съ оттѣнкомъ мистицизма, чему Зеть былъ обязанъ патеру Зарембѣ котораго онъ «обрѣлъ», какъ онъ выражался, въ мѣстѣ своей ссылки, въ Шушѣ. Изъ угожденія Зету я не прочь былъ выслушивать его новыя идеи; но когда онъ сталъ мнѣ предлагать, чтобы я, «ради моего спасенія», духовно присоединился къ ихъ маленькой конгрегаціи: то я отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ, православному, неудобно входить въ религіозное общеніе съ католиками. Вѣроятно, это было причиной прекращенія нашей переписки: на послѣднее письмо мое Зеть уже не отвѣчалъ. Не сомнѣваюсь, что этотъ новый путь, на который Зеть вступилъ, привелъ его къ печальному концу. Не помню, когда именно и отъ кого я слышалъ, что когда онъ былъ уволенъ отъ службы и пріѣхалъ на родину, то впалъ въ умопомѣшательство и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Если кто изъ моихъ товарищей вызываетъ во мнѣ наиболѣе скорбныя мысли о его участи, такъ это Зетъ. Правда, онъ принадлежалъ къ обществу Карбонаровъ, но принадлежалъ лишь номинально: въ его натурѣ ничего не было такого, что̀ напоминало бы о тенденціяхъ, опасныхъ для общественнаго спокойствія; напротивъ, онъ никогда не измѣнялъ своей тихой, кроткой натурѣ, всегда относился гуманно не только къ людскому племени, но и ко всему живущему; нельзя было не сочувствовать ему при случайныхъ проявленіяхъ его прекрасной души.

Но Зетъ не измѣрилъ своихъ силъ, онъ не былъ надѣленъ стойкостью воли. Онъ не состоялъ членомъ ни одного изъ Русскихъ тайныхъ обществъ, какъ впослѣдствіи оказалось; но можно сказать, наканунѣ осуществленія ихъ намѣреній, среди общаго недоумѣнія, въ Зетѣ ожили идеи, посѣянныя въ немъ радикаломъ Джилли, и онъ, очертя голову, примкнулъ къ Сѣверному Обществу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при первомъ еще извѣстіи о кончинѣ императора Александра Павловича, умъ Зета былъ сильно потрясенъ, — это вдругъ стало замѣтно во

всѣхъ поступкахъ Зета. Самый фактъ добровольнаго себя арестованія свидѣтельствуетъ о ненормальности его умственныхъ силъ; и въ самомъ дѣлѣ, если бы это было иначе, то могла ли бы въ здравомъ умѣ возникнуть такая вздорная мысль, что онъ, не болѣе какъ заурядный офицеръ, убѣдитъ Государя помиловать его друзей, оказавшихся государственными преступниками. Заключеніе въ казематѣ способно было еще болѣе разстроить его мысли, какъ это было съ Фалленбергомъ, да вѣроятно и не съ однимъ Фалленбергомъ. Боевая жизнь въ Персіи и Турціи, казалось, подѣйствовала на него успокоительно.

Когда я свидѣлся съ Зетомъ въ городѣ Хоѣ и за тѣмъ ѣхалъ съ нимъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней до Эривани, я не могъ нарадоваться его выздоровленію; но, какъ видно, выздоровленіе это не было коренное.

Въ Эривани для меня разрѣшилась загадка моего откомандированія въ эту крѣпость. Здѣсь я нашелъ Коновницына въ качествѣ состоящаго по инженерной части, при комендантѣ крѣпости полковникѣ Кошкаровѣ (пострадавшемъ по бунту Семеновскаго полка), который меня вовсе не зналъ. Коновницыну

желалось дѣлить свои досуги съ кѣмъ либо изъ своихъ друзей, и онъ просилъ Кошкарова перетянуть на службу въ Эривань Искрицкаго. Искрицкій отказался, такъ какъ онъ былъ хорошо пристроенъ при ген. Панкратьевѣ, и вотъ выборъ Коновницына палъ на меня. По первому же представленію о томъ Кошкарова, Паскевичъ назначилъ меня въ Эривань плацъ-маіоромъ.

Послѣ долгой скитальческой жизни Эривань мнѣ казалась столицей. Я нашелъ здѣсь уже небольшое общество изъ пяти-шести человѣкъ. Обѣдали мы всегда у гостепріимнаго Кошкарова, а вечера проводили вмѣстѣ или у него, или у полковника А—ра Андр. Авенаріуса. Къ намъ часто примыкалъ и старый мой сокашникъ Алексѣй Иларіоновичъ Философовъ, оставшійся въ Эривани для исправленія разстрѣловъ въ осадныхъ орудіяхъ [54]). Не было недостатка въ эстетическихъ развлеченіяхъ: между прочимъ Кошкаровъ прекрасно пѣлъ и игралъ на употребительномъ, у военныхъ того времени, инструментѣ, гитарѣ. Я и Коновницынъ рисовали, сняли нѣсколько

---

[54]) Впослѣдствіи воспитатель великихъ князей.

видовѣ съ Арарата, который, верстахъ въ пятидесяти отъ насъ, возносилъ къ небесамъ двѣ свои бѣлыя головы. Заглядывали и въ литературу: такъ однажды вечеромъ, по общему желанію нашего кружка, мною и Философовымъ прочтено было «Горе отъ Ума», по копіи, снятой мною еще въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того какъ самъ Грибоѣдовъ читалъ (какъ говорили, въ первый разъ) это свое твореніе у Ѳедора Петровича Львова.

Не долго мы такъ мирно пировали: объявлена была война Турціи, и войска Паскевича начали сдвигаться къ Турецкой границѣ. Мы всполошились и послали просьбы о переводѣ въ дѣйствующую армію. Отвѣта долго не было, и мы могли отправиться къ мѣсту тогда только, когда военныя дѣйствія уже начались осадою Карса.

Я и Коновницынъ ѣхали вмѣстѣ съ Кошкаровымъ. На послѣднемъ ночлегѣ, на полъпути отъ Гумровъ къ Карсу, намъ стала слышна кононада. Когда утромъ подъѣхали на видъ къ осаждаемой крѣпости, на столько, что встрѣчались уже казачьи разъѣзды, мы принарядились въ мундиры. Кошкаровъ отъ насъ отдѣлился, а Коновницынъ и я поѣхали

явиться къ графу Паскевичу. Паскевичъ, въ обширной своей палаткѣ, со своимъ и нѣсколькими генералами, уже торжествовали побѣду Шампанскимъ. Являясь къ нему, мы тоже его поздравили. «Нѣтъ», сказалъ онъ, указывая на крѣпость, «еще не совсѣмъ: паша засѣлъ въ цитадели и не сдается. А вы знаете куда явиться?» спросилъ онъ у меня. «Явитесь въ піонерный батальонъ: вы къ нему прикомандировываетесь». Въ это время входитъ полковникъ Лазаревъ [55]), только что пріѣхавшій изъ занятаго уже форштата. «Ну что̀, какъ тамъ?» спросилъ Паскевичъ.—«Все благополучно», сказалъ Лазаревъ, «только я долженъ доложить вашему сіятельству, что *наши* сильно шалятъ и безчинствуютъ въ городѣ». — «Что̀ такое?!» вскричалъ графъ, направляясь къ Лазареву. «Что̀ такое? Небось, грабятъ! Какъ вы смѣете мнѣ объ этомъ докладывать? Вы ничего не знаете, вы ничего не читали; на это надо смотрѣть вотъ какъ!» При этомъ онъ поднесъ къ глазамъ свои раздвинутые пять пальцевъ. «Вы развѣ не знаете,

---

[55]) Лазарь Акимовичъ, переселившій изъ Персіи въ Россію до 40 тысячъ Армянъ.

какъ Суворовъ бралъ города?» Когда мы вышли отъ Паскевича, я земли подъ собою не слышалъ отъ радости, что долженъ примкнуть къ піонерамъ; мой товарищъ тоже поздравлялъ и обнималъ меня. Съ этихъ поръ я съ Коновницынымъ уже болѣе не разставался до самой его смерти. Не знаю, кому я былъ обязанъ моимъ новымъ назначеніемъ: рекомендаціи ли Гурки, моего траншейнаго начальника при осадѣ Эривани, или Н. Н. Муравьеву, который однажды въ частномъ разговорѣ какъ будто хотѣлъ испытать мою способность въ военно-инженерномъ дѣлѣ.

О двухъ послѣдующихъ за тѣмъ кампаніяхъ 1828 и 1829 г. въ Азіатской Турціи я не стану повторять того, о чемъ уже писано было другими (Записки М. И. Пущина, исторія этой же кампаніи Ушакова); упомяну лишь о нѣкоторыхъ фактахъ, представляющихъ интересъ болѣе частный. При взятіи Ахалцыха, послѣ пятидневной канонады, пробившей брешь, штурмовую колонну составляли батальонъ пѣхоты и наша піонерная рота; остальныя три піонерныя роты съ прочимъ подкрѣпленіемъ пришли уже послѣ того, какъ мы ворвались чрезъ брешь въ крѣпость.

Штурмъ дорого стоилъ піонерамъ: изъ 13 офицеровъ выбыло изъ фрунта 7, одинъ убитъ на-поваль, двое черезъ три дня умерли отъ ранъ, а прочіе болѣе или менѣе тяжело ранены. Коновницына, истинно, Богъ спасъ. Его солдатская шинель оказалась простреленною пулями въ пятнадцати мѣстахъ. Піонеры подвинуты были впередъ до линіи упраздненной католической церкви, на плоской крышѣ которой поставили три горныхъ орудія; было предположено открыть за брешью траншею, но это оказалось невозможнымъ по причинѣ каменистаго грунта. Пришлось устраивать прикрытіе изъ заранѣе приготовленныхъ туровъ и землею наполненныхъ прежде мѣшковъ. Между тѣмъ пожаръ сильно разгорѣлся, и пламя приблизилось къ нашимъ работамъ на столько, что едва можно было устоять на мѣстѣ. Послѣ рукопашнаго боя, непріятеля вблизи нашихъ работъ уже не было; онъ былъ оттѣсненъ во внутрь города, куда на его плечахъ ворвалось множество солдатъ, и начались грабежи и безполезное убійство, причемъ не разбирали ни пола, ни возраста: у насъ на виду одинъ казакъ, схвативъ ребенка за ноги, швырнулъ его въ огонь. Между

тѣмъ рабочіе моего участка траншеи, куда пули рѣдко уже залетали, замѣтивъ, что нѣсколько Турокъ, одинъ за другимъ, ползкомъ пробирались къ католической церкви, тутъ же закалывали ихъ штыками; всѣ эти Турки были старики, безъ оружія, но у каждаго изъ нихъ нашли огниво, кремни [56]) и фитили. Въ это время по моей дистанціи проходилъ начальникъ штаба ген. Сакенъ; когда я ему доложилъ объ этомъ, прибавивъ, что подозрѣваю, нѣтъ-ли въ томъ костелѣ склада пороха, и не думали-ли они взорвать костелъ, а съ нимъ вмѣстѣ и наши горныя орудія, Сакенъ очень встревожился и тотчасъ велѣлъ ударить общій по всей линіи «отбой», а мнѣ приказалъ послать въ паркъ за минными фонарями, проникнуть во внутрь костела, его осмотрѣть и ежели въ самомъ дѣлѣ въ немъ найденъ будетъ порохъ, то оттуда его вынести. Сдавъ Коновницыну мою дистанцію работъ, я съ тремя піонерами отправился на поискъ. Какъ только мы выломали дверь церкви, то у самаго ея порога нашли боченокъ съ порохомъ. Я немедлено послалъ сказать Коновницыну,

---

[56]) Спички тогда не были извѣстны.

чтобъ онъ, давъ знать о находкѣ Сакену, тотчасъ бы присоединился ко мнѣ, съ двадцатью человѣками. Тѣмъ временемъ мы обыскали всѣ углы костела и когда явился со своими людьми Коновницынъ, то въ четыре пріема намъ удалось перенести, вблизи самаго пожара, девятнадцать боченковъ съ порохомъ и три ящика съ скорострѣльными трубками.

Во время этого штурма произошелъ случай, способный внушить вѣру въ предчувствія. Поручика нашей (Венедиктова) роты Шеффлера всегда знали за человѣка очень смѣлаго и хладнокровнаго, что̀ одно и можно только назвать храбростію. Во всѣхъ предшествовавшихъ встрѣчахъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, какъ въ Турціи, такъ и прежде, въ Персіи, онъ велъ себя въ этомъ отношеніи неизмѣнно. Вотъ напр. какъ мало онъ дорожилъ жизнью. За нѣсколько дней до штурма, ночью, возведена была ближайшая отъ крѣпости батарея. Когда развиднѣло, офицеры заспорили о точномъ разстояніи между этой батареей и крѣпостью. «А вотъ, гг., я васъ помирю», сказалъ Шеффлеръ и, замѣтивъ намъ, что его шагъ равенъ $^3/_4$ аршина, вышелъ изъ-за бруствера и направился къ своей

цѣли. Шелъ онъ ровнымъ, твердымъ шагомъ, помахивая бѣлымъ платкомъ. Турки, принявъ его за парламентера, ему не мѣшали; но когда Шеффлеръ, достигнувъ самой крѣпости, зашагалъ въ обратный, путь, но только не по прямой уже линіи, а зизгагами, то при крикахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ за нимъ посыпался градъ пуль. Къ счастью, ни одна изъ нихъ его не тронула. Присоединившись къ намъ, онъ объявилъ, что насчиталъ двѣсти девяносто девять шаговъ.

Конечно, со стороны Шеффлера это была безполезная бравада; не менѣе того она являла въ немъ силу владѣть собою, и мы очень были удивлены, что передъ самымъ движеніемъ на штурмъ передоваго отряда (въ то время когда мы кончали нашъ, нарочно замедленный обѣдъ, а людей, для «куражу», поили лишнею мѣрою вина), Шеффлеръ, поотдаль отъ нашей кучки, полу-лежа, казался какъ бы больнымъ. Мы его звали примкнуть къ намъ; онъ только покачалъ головой въ знакъ отказа. «Да ну», говорили ему шутя, «нельзя же идти въ драку съ пустымъ желудкомъ!» — «Признаюсь вамъ», гг., слабо отвѣчалъ онъ, «никогда я не шелъ въ дѣло съ такою не-

охотою какъ сегодня».—Въ это время раздача вина солдатамъ была кончена, и послышалась команда: «По своимъ мѣстамъ!» Мы поспѣшили во фрунтъ. Шеффлеръ насилу шелъ.

По диспозиціи, слѣдовало: передовая колонна изъ «охотниковъ» и Ширванскаго батальона должна была прорваться чрезъ пробитую уже въ башнѣ брешь; въ тоже время Венедиктову со взводомъ саперъ и мнѣ съ другимъ сапернымъ взводомъ слѣдовало зайти съ одной и съ другой стороны башни и приступить къ прорубкѣ частокола изъ толстыхъ бревенъ, для провоза двухъ легкихъ орудій; а Шеффлеръ, человѣками съ двадцатью, долженъ былъ взобраться на плоскую крышу костела и устроить тамъ изъ туровъ прикрытіе для постановки тѣхъ орудій. Когда уже работы нѣсколько подвинулись, Венедиктову пришла въ голову мысль навѣдаться о томъ что̀ дѣлаетъ Шеффлеръ; но Шеффлера на крышѣ онъ не нашелъ, и на вопросъ у унтеръ-офицера: Гдѣ поручикъ? тотъ ему отвѣчалъ: «поручикъ только пропустилъ насъ по лѣстницѣ на крышу, а самъ не всходитъ». Встревоженный Венедиктовъ бросился его отыскивать и нашелъ спрятавшимся подъ лѣстницей. Онъ схватилъ

его за-руку и повлекъ на верхъ; едва ступили они на крышу, какъ Шеффлеръ повалился: двѣ пули разомъ его поразили, одна въ лѣвый глазъ, другая въ сердце.

На другой день послѣ штурма открылись два базара, одинъ за лагеремъ, комерческій, для продажи и купли награбленныхъ вещей, а другой подобіе базара, въ штабѣ, что̀ тоже бывало послѣ всякаго столкновенія съ непріятелемъ: множество алчущихъ наградъ, особливо разжалованныхъ, чающихъ прощенія за свои грѣхи. Изъ декабристовъ ни одинъ не былъ замѣченъ въ такомъ попрошайствѣ; за то разжалованные другихъ категорій самымъ назойливымъ образомъ осаждали штабные пороги съ просьбами, чтобъ ихъ представили къ повышенію за отличіе. Въ числѣ ихъ были и такіе, которые вовсе не нуждались въ напоминаніяхъ о себѣ, напр. Дороховъ, къ которому генералы нашего отряда относились какъ къ сыну славнаго партизана отечественной войны, ихъ сослуживца, и старались такъ или иначе Дорохова выдвинуть изъ толпы ему подобныхъ. Такъ, еще въ Персіи, при осадѣ Сардарь-Абата, ночью при открытіи траншей, адьютантъ Сакена привелъ

Дорохова на мою дистанцію работъ и приказалъ дать ему какое-нибудь занятіе,—ясно было, что это для того только, чтобы помѣстить его въ представленіи къ наградѣ, какъ *особенно* отличившагося. Да и въ самой личности Дорохова ничего не было похожаго на низкопоклонство: онъ всегда держалъ себя съ достоинствомъ; это былъ человѣкъ благовоспитанный, пріятный собесѣдникъ, остеръ и находчивъ. Но все это было испорчено его неукротимымъ нравомъ, который нерѣдко въ немъ проявлялся ни съ того ни съ сего, просто изъ каприза и преслѣдовалъ à outrance тѣхъ кто ему не нравился, и онъ этого не скрывалъ. За свой буйный характеръ онъ имѣлъ нѣсколько дуэлей, нѣсколько исторій съ начальниками и нѣсколько разъ былъ разжалованъ; едва-ли не бóльшую часть своего поприща онъ прослужилъ солдатомъ. Какъ примѣръ его находчивости, привожу одинъ случай.

Полку, въ которомъ Дороховъ служилъ рядовымъ (за нанесеніе кому-то удара по лицу) инспектирующій полкъ генералъ велѣлъ вызвать всѣхъ разжалованныхъ «на линейку» и, подходя къ каждому по очереди, любопытство-

валъ знать за что̀ онъ пострадалъ? Опросилъ двухъ-трехъ. Отъ нихъ ничего не услышалъ интереснаго; спрашиваетъ за тѣмъ слѣдующаго. Тотъ отвѣчаетъ: «по 14-му Декабря»; второй за нимъ отвѣчаетъ тоже. «Вы, спросилъ генералъ, подходя къ Дорохову, вы тоже попали по 14-му Декабря?» — «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, по 25-му», замѣтилъ Дороховъ. Это я слышалъ отъ самого Дорохова. Se non evero, ben trovato.

Въ 1841 году я пользовался на Кавказскихъ водахъ. Тамъ былъ и Дороховъ, нисколько не перемѣнившійся.

Въ Пятигорскѣ онъ чуть было опять не попалъ въ бѣду. Когда былъ убитъ Лермонтовъ, священникъ отказывался было его хоронить, какъ умершаго безъ покаянія. Всѣ друзья покойника приняли живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ и старались смягчить строгость приговора. Долго тянулись недоумѣнія. Дороховъ горячился больше всѣхъ, просилъ, грозилъ и, наконецъ, терпѣніе его лопнуло: онъ какъ буря накинулся на бѣднаго священника и непремѣнно бы избилъ его, еслибъ не былъ насильно удержанъ княземъ Васильчико-

вымъ, Львомъ Пушкинымъ, княземъ Трубецкимъ и другими.

Не ускромился Руѳимъ (имя Дорохова) и гораздо въ послѣдствіи. Когда онъ уже прощенный жилъ въ Москвѣ на покоѣ и, кажется, уже женатый, однажды я прочелъ въ тогдашнихъ газетахъ, что Дороховъ, отъѣзжая съ какого-то бала, садился въ карету, и по немъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ пистолета, но мимо; виновный, поручикъ Папковъ, былъ схваченъ и арестованъ. Государь повелѣлъ: строго изслѣдовать, чтò побудило Папкова на злодѣйскій поступокъ? Чѣмъ кончилось это дѣло, не знаю; но тутъ интересъ не въ самомъ поступкѣ, а въ томъ, что есть же такія натуры, даже и щедро надѣленныя, которыя растрачиваютъ, какъ бы нарочно, по пустому свою жизнь, и которыя не могутъ быть ни покойны, ни счастливы, когда не имѣютъ враговъ.—Надо знать, что еще съ давнихъ временъ, когда они находились въ Закавказьи, Папковъ и Дороховъ не терпѣли другъ друга.

Дороховъ былъ снова сосланъ на Кавказъ.

Во вторую мою на воды поѣздку я его уже не засталъ въ живыхъ: незадолго до того

онъ былъ убитъ въ какой-то неважной стычкѣ съ Горцами.

Покореніемъ Ахалцыха закончилась кампанія 1828 года. На третій день послѣ штурма, ротный нашъ командиръ Венедиктовъ долженъ былъ выѣхать въ западную армію, и мнѣ было приказано принять отъ него роту [57]) съ однимъ только въ ней офицеромъ; въ тотъ же день я долженъ былъ, отдѣльно отъ батальона, выступить по направленію къ Кутаису и слѣдовать по ущелью, гдѣ протекаетъ р. Ханисъ-Цхале, для возобновленія давней вьючной дороги отъ Ахалцыха до укрѣпленія Багдада. Въ этой командировкѣ мы съ Коновницынымъ много натерпѣлись, проходя работами то по дремучимъ лѣсамъ, то по горнымъ болотамъ, среди почти безпрерывныхъ дождей, а въ послѣдніе дни и при голодовкѣ: кромѣ заплѣснѣвѣлыхъ солдатскихъ сухарей и порціонной водки, всѣ продовольственные запасы были истощены. Снабжаться же ими было не откуда среди безлюднаго края: лишь изрѣдка встрѣ-

---

[57]) Несмотря на то что въ батальонѣ были офицеры старше меня по чину и что я не былъ еще піонеромъ, а лишь прикомандированнымъ изъ армейскаго полка.

чали небольшіе поселки въ нѣсколько саклей, а то и одинокія сакли, да и это малое населеніе въ крайней нищетѣ. Свѣдѣній ни откуда не получалось; казалось, всѣ насъ забыли. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ханисъ-Цхале не давала намъ покоя шумомъ своего теченія. Во многихъ мѣстахъ ея паденія берега значительно круты, иногда скалисты, отвѣсны и загромождены павшими и перевалившимися черезъ всю ширину рѣчки вѣковыми деревьями, обвисшими зелеными фестонами мховъ. Черезъ такія-то препятствія рѣчка Ханисъ-Цхале, вытекая съ самихъ вершинъ отрога, отдѣляющаго Имеретію отъ Турціи, бѣшено стремится по ущелью и своимъ грохотомъ оглушаетъ окрестность, оглушаетъ до того, что къ намъ какъ съ неба свалился неожиданный гость. Однажды утромъ, когда я и Коновницынъ не вставали еще съ нашихъ походныхъ кроватей, близъ самой палатки послышался топотъ нѣскольких лошадей, и мое имя, произнесенное незнакомымъ голосомъ. За тѣмъ мой слуга вводитъ къ намъ пріѣзжаго; это былъ господинъ, весь вооруженный, въ щегольскомъ мѣстномъ нарядѣ. Онъ мнѣ объявилъ, что онъ Турчаниновъ, инженерный капитанъ, что онъ

съ отрядомъ Имеретинъ разрабатываетъ туже вьючную дорогу и идетъ на встрѣчу мнѣ; что онъ нѣсколько уже дней работаетъ не далѣе какъ за полверсты отъ меня. И мы ничего этого не знали и не ожидали, такъ-какъ въ моей инструкціи не было упомянуто, что ко мнѣ на встрѣчу отправляется изъ Багдада другая колонна рабочихъ. Турчаниновъ же по своей инструкціи ожидалъ уже встрѣчи съ піонерами. Въ это время мы разбивали камни ломами, и этотъ стукъ, несмотря на густоту лѣса и на шумъ Ханисъ-Цхале, былъ Турчаниновымъ заслышанъ. Узнавъ, что мы терпимъ недостатокъ въ припасахъ, онъ предложилъ подѣлиться съ нами своимъ богатствомъ и для почину пригласилъ съ нимъ ѣхать къ нему обѣдать. Обѣдъ оказался роскошнымъ. Прощаясь съ нами, Турчаниновъ распорядился, чтобъ вслѣдъ за нами отправлены были часть его запасовъ дичины, рису, вина и рому, а также муки и нѣсколько барановъ для моихъ піонеровъ. Турчаниновъ распустилъ своихъ Имеретинъ, а я продолжалъ путь къ Тифлису, куда и прибылъ 1-го Октября [58]).

---

[58]) Въ эту кампанію изъ арміи я былъ переведенъ въ піонеры подпоручикомъ, т.-е. съ пониженіемъ чина.

Въ кампанію слѣдующаго 1829 г. случилось обстоятельство, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, это арестъ ген. Раевскаго (прикосновеннаго къ декабризму). Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Во время движенія войска, на одномъ изъ приваловъ, Раевскій съ офицерами своего полка расположился завтракать. Въ это время мимо ихъ проходила его же полка команда, съ которой слѣдовалъ одинъ изъ разжалованныхъ, декабристъ, помнится, Оржицкій. Раевскій, увидѣвъ Оржицкаго, пригласилъ и его присоединиться къ ихъ обществу. Въ это время при штабѣ Паскевича находился адъютантъ военнаго министра Чернышова, Бутурлинъ. Онъ-то донесъ въ Петербургъ министру «о генеральскомъ завтракѣ съ декабристомъ». Вслѣдствіе того на Раевскаго былъ наложенъ «домашній» двухнедѣльный арестъ. Въ продолженіи этого ареста у палатки Раевскаго ставленъ былъ часовой отъ штабнаго караула.

Другая интересная особенность кампаніи 1829 года, это участіе въ ней поэта Пушкина. Паскевичъ очень любезно принялъ Пушкина и предложилъ ему палатку въ своемъ штабѣ; но тотъ предпочелъ не разставаться со своимъ

старымъ другомъ Раевскимъ: съ нимъ и занималъ онъ палатку въ лагерѣ его полка, отъ него не отставалъ и при битвахъ съ непріятелемъ. Такъ было между прочимъ въ большомъ Саганлугскомъ дѣлѣ. Мы, піонеры, оставались въ прикрытіи штаба и занимали высоту, съ которой, не сходя съ коня, Паскевичъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Когда главная масса Турокъ была опрокинута, и Раевскій съ кавалеріей сталъ ихъ преслѣдовать, мы завидѣли скачущаго къ намъ во весь опоръ всадника: это былъ Пушкинъ, въ кургузомъ пиджакѣ и маленькомъ цилиндрѣ на головѣ. Осадивъ лошадь въ двухъ-трехъ шагахъ отъ Паскевича, онъ снялъ свою шляпу, передалъ ему нѣсколько словъ Раевскаго и, получивъ отвѣтъ, опять понесся къ нему же, Раевскому. Во время пребыванія въ отрядѣ, Пушкинъ держалъ себя серьёзно, избѣгалъ новыхъ встрѣчъ и сходился только съ прежними своими знакомыми, при постороннихъ же всегда былъ молчаливъ и казался задумчивымъ.

Многіе изъ декабристовъ, разсѣянные по разнымъ полкамъ, свидѣлись въ Арзрумѣ. Къ этому времени вновь прибыли изъ Сибири Зах. Григ. Чернышовъ, Александръ Бестужевъ и

Валер. Голицынъ, съ которымъ въ Пажескомъ корпусѣ мы вмѣстѣ проходили всѣ классы и въ одинъ годъ были выпущены, онъ въ Преображенскій полкъ, а я въ Измайловскій. Въ первый день встрѣчи мы провели съ нимъ весь вечеръ, глазъ-на-глазъ. Голицынъ, какъ старый товарищъ, со мной не церемонился; онъ почти съ первыхъ же словъ сталъ меня укорять за поведеніе мое въ слѣдственномъ комитетѣ относительно Бестужева, съ которымъ довольно долго онъ прожилъ гдѣ-то въ Сибири, кажется, въ Киренскѣ; но когда я подробно разсказалъ ему мою исторію въ этомъ дѣлѣ, онъ призадумался и сказалъ слѣдующее: «Да, ты былъ въ крѣпкихъ тискахъ! И ежели я все-таки не могу совсѣмъ тебя извинить, то это только потому, что не имѣю силъ себѣ представить, чтобъ я могъ сдѣлать то, что̀ сдѣлалъ ты». Когда Голицынъ отъ меня уходилъ, я сказалъ ему, что завтра послѣ обѣда пойду къ Бестужеву съ той же цѣлью, съ какой хотѣлъ быть у Скалона наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга. «Стало быть, увидимся», сказалъ Голицынъ; «постараюсь и я тамъ быть». Я его просилъ, чтобъ онъ первый завелъ разговоръ о «дѣлѣ», такъ какъ я съ Бе-

стужевымъ былъ мало знакомъ. Голицынъ обѣщалъ.

Бестужевъ принялъ меня какъ нельзя лучше; но у него кромѣ Голицына были и другіе гости, и потому зачѣмъ я пришелъ, того нельзя было выполнить. Передалъ ли Голицынъ Бестужеву то, что̀ отъ меня слышалъ наканунѣ, не знаю: въ тотъ же вечеръ мы выступили на усиленную рекогносцировку подъ начальствомъ самаго главнокомандующаго.

Прямо съ мѣста этой рекогносцировки моей ротѣ велѣно было примкнуть къ особому отряду подъ командой графа Симонича, для слѣдованія на-легкѣ, далѣе по направленію къ Трапезунту. Въ этой экспедиціи мы дошли только до гор. Гюмюшъ-Хане, верстахъ въ 150-ти отъ Арзрума; далѣе нельзя было слѣдовать съ артилеріей по причинѣ дурныхъ дорогъ. Затѣмъ были еще экспедиціи (объ одной изъ коихъ разскажу далѣе). Голицына я уже не встрѣчалъ. Въ 1831 году, когда я былъ въ Тифлисѣ, я получилъ отъ него письмо, черезъ купца-Татарина, изъ мѣста его ссылки, Астрахани. Онъ писалъ, что, за исключеніемъ довольно строгаго надзора, ему тамъ не дурно, и просилъ, чтобы я сообщилъ ему только о

моемъ житьѣ-бытьѣ, не касаясь ничего другаго, и прислалъ бы мой отвѣтъ черезъ того же купца. Въ послѣдствіи, когда я былъ уже въ отставкѣ, я нерѣдко видался съ Ел. Андр. Ганъ, извѣстной нашей писательницей, мужъ которой стоялъ съ своей батареей невдалекѣ отъ моего имѣнія. Елена Андреевна пользовалась въ 1838 году на Кавказскихъ водахъ одновременно съ Голицынымъ, и отъ него слышала, что когда-то добрыя между нимъ и Бестужевымъ отношенія кончились ссорою: они разстались ожесточенными врагами.

Кампанія 1829 года закончилась напраснымъ (благодаря упрямству и своеволію Турецкаго военачальника) пролитіемъ крови. Этому военачальнику, оффиціально извѣщенному уже (какъ послѣ оказалось) о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о начатіи мирныхъ переговоровъ въ Европейской Турціи, захотѣлось прославить себя побѣдой, и онъ собралъ значительныя силы у города Байбурта. Паскевичъ готовился противъ него выступить, а одновременно съ тѣмъ отрядилъ полковника кн. Аргутинскаго-Долгорукаго къ городу Олты, для истребленія засѣвшихъ тамъ въ нашемъ тылу непріятельскихъ скопищъ и для занятія

самаго города съ его замкомъ. Отрядъ Аргутинскаго состоялъ изъ двухъ мусульманскихъ конныхъ полковъ (коими командовали Русскіе офицеры, однимъ подполковникъ Кувшинниковъ, другимъ капитанъ Эссенъ), моей саперной роты и при ней двухъ кугорновыхъ мортирокъ, навьюченныхъ на верблюдовъ. Отрядъ этотъ выступилъ на легкѣ, съ одними вьюками, такъ какъ ему предстояло слѣдовать почти по бездорожью. Не доходя верстъ десяти до Олты, свѣдано было черезъ лазутчиковъ, что искомое скопище оставило замокъ и засѣло за высотами, влѣво отъ нашего пути, въ мѣстности трудно доступной. Командиры мусульманскихъ полковъ подполковникъ Кувшинниковъ и кап. Эссенъ предложили Аргутинскому не оставлять у себя въ тылу скопища и его разбить, прежде чѣмъ дойти до Олты. Аргутинскій не рѣшался, робѣлъ; тѣ настаивали; дошло дѣло до горячаго спора, и кончилось тѣмъ, что оба командира бросили своего начальника при саперахъ, поворотили влѣво свои полки и вскорѣ скрылись за холмомъ. Видя это, Аргутинскій до того оторопѣлъ, что, забывъ дать мнѣ распоряженіе, чтó дѣлать съ саперами и вьюч-

нымъ обозомъ, пустился въ догонку за ослушниками.

Узнавъ отъ бывшаго при насъ проводника, что изъ Олты всѣ жители ушли кромѣ человѣкъ тридцати или сорока Лазовъ, которые заперлись въ зàмкѣ, мы стали продолжать нашъ прежній путь. Солнце уже склонялось къ закату, когда передъ нами открылся прелестный ландшафтъ. На темномъ фонѣ глубокаго, покрытаго лѣсомъ ущелья возвышался конусообразный скалистый холмъ, увѣнчанный стѣнами и башнями зàмка, изъ-за коихъ виднѣлись фигуры въ чалмахъ; у подошвы холма рѣчка и дома тонущіе въ садахъ, изъ коихъ возвышались стройныя раины [59]), все это горѣло лучами солнца. По кривымъ пустыннымъ улицамъ мы подошли ближе. Изъ зàмка не было ни одного выстрѣла. Коновницынъ распорядился размѣщеніемъ за строеніями нашего маленькаго отряда, а я тѣмъ временемъ установилъ кугорновы мортирки и началъ метать гранаты во внутрь замка. Было уже за полночь, когда прибыли наши торжествующіе мусульманскіе полки: они разбили ско-

[59]) Итальянскіе тополи.

пище и захватили девяносто плѣнныхъ съ нѣсколькими значками. Какъ только начало свѣтать, плѣнные эти были выстроены въ виду замка. Но гарнизонъ не хотѣлъ сдаться. Между тѣмъ отъ посланнаго мною въ обходъ патруля мы узнали, что въ сторонѣ ущелья есть выдающееся мѣсто, откуда видѣнъ на башнѣ Турецкій часовой въ такомъ разстояніи, что съ нимъ можно переговариваться. Жребій, кому изъ насъ двухъ идти на переговоры съ гарнизономъ, палъ на Кановницына, и онъ съ унтеръ-офицеромъ и двумя саперами одинъ изъ коихъ былъ Татаринъ, отправился на указанное мѣсто. Вскорѣ напротивъ этого мѣста на башнѣ показалась небольшая толпа Турокъ. Не прошло и получаса, какъ унтеръ-офицеръ явился ко мнѣ отъ Коновницына съ тѣмъ, что ворота замка тотчасъ будутъ отворены, и чтобъ я поспѣшилъ туда. И въ самомъ дѣлѣ, когда я со взводомъ саперовъ съ примкнувшимъ ко мнѣ Эссеномъ, добѣжалъ до воротъ, входъ въ нихъ былъ уже свободенъ. Мы безъ помѣхи вошли въ за́мокъ и стали обезоруживать гарнизонъ; тутъ же нашли пушку безъ лафета. Я послалъ дать знать Аргутинскому о происшедшемъ; съ тѣмъ

вмѣстѣ увидѣлъ на одной изъ башенъ выкинутый бѣлый флагъ. Аргутинскій не замедлилъ явиться съ «своими войсками» и съ парадомъ вступилъ въ «завоеванную имъ» крѣпость.

Къ Паскевичу былъ посланъ гонецъ съ реляціей о «блистательной побѣдѣ». Но тутъ представился вопросъ: чѣмъ прокормить такое множество плѣнныхъ, число коихъ увеличилось еще гарнизономъ замка? Аргутинскій рѣшился отправить ихъ въ Гумры [60]) подъ конвоемъ моей роты. Я уже былъ на второмъ переходѣ, какъ мнѣ изъ Олты дано было знать, что миръ заключенъ, и приказано распустить плѣнныхъ. При этомъ мы узнали о важныхъ въ отрядѣ Паскевича событіяхъ, послѣ того какъ мы отъ него отдѣлились въ Олтинскую экспедицію: Паскевичъ, свѣдавъ, что Турецкій паша готовится на него напасть, двинулся впередъ, встрѣтилъ пашу и разбилъ его на-голову. При этомъ изъ взятаго Турецкаго лагеря къ Паскевичу явился Русскій офицеръ. Это былъ Адеркасъ, курьеръ посланный Дибичемъ къ Паскевичу съ извѣщеніемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о

[60]) Александрополь.

заключенiи мира. Отъ Адеркаса, отъ перваго, нашъ главнокомануующiй узналъ объ этомъ важномъ событiи. Съ извѣщенiемъ о мирѣ къ нему посланы были Дибичемъ одновременно два курьера: графъ Опперманъ сухимъ путемъ и Адеркасъ моремъ. Адеркасу приказано было, чтобъ онъ, гдѣ ни встрѣтитъ на пути своемъ Турецкихъ военачальниковъ, являлся бы къ нимъ и офицiально передавалъ извѣстiе о заключенiи мира. Такъ Адеркасъ и сдѣлалъ: на пути изъ Трапезунта, онъ явился въ становище войнолюбиваго паши, но былъ имъ задержанъ. Опперманъ прибылъ въ лагерь Паскевича, когда дѣло было уже разыграно.— Реляцiя Аргутинскаго надѣлала много шуму въ главномъ отрядѣ; гонецъ вручилъ ее Паскевичу въ то время, когда Паскевичъ былъ окруженъ своимъ войскомъ при благодарственномъ молебствiи за одержанную надъ пашею побѣду. Реляцiя тутъ же была прочтена. Паскевичъ былъ внѣ себѣ отъ радости [61]).

Всѣ декабристы въ обѣ войны, какъ Персидскую такъ и Турецкую, служили одинаково ревностно и были награждаемы, но повиди-

[61]) За Олту Аргутинскiй и Кувшинниковъ получили Георгiя, Эссенъ Владимира съ бантомъ.

мому, не столько по заслугамъ каждаго изъ нихъ, сколько по очереди наградъ, по мѣрѣ умилостивленія Государя. Напримѣръ за дѣло 9-го Августа, гдѣ я съ піонерами только устраивалъ платформы для батарейной артиллеріи (хотя работа эта производилась и подъ огнемъ съ крѣпости) я получилъ орденъ, между тѣмъ какъ за штурмъ Ахалциха, гдѣ мы истинно поработали и гдѣ я открылъ складъ непріятельскаго пороха въ упраздненной католической церкви и его оттуда вынесъ вблизи самаго пожара, мнѣ было объявлено лишь высочайшее благоволеніе. Другіе тоже находили надъ собою туже неравномѣрность въ награжденіи. Особую, неочередную милость Государя получилъ только декабристъ Александръ Фокъ, бывшій Измайловскій офицеръ, которому, хотя онъ былъ рядовой, въ дѣлѣ 9-го Августа дана была въ командованіе цѣпь застрѣльщиковъ; подъ конецъ сраженія Фокъ былъ раненъ. Государь самъ назначилъ ему серебрянный Георгіевскій крестъ.

Нѣкоторые изъ декабристовъ и прикосновенныхъ къ ихъ дѣлу занимали видныя должности, напримѣръ Бурцовъ и Миклашевскій командовали полками, Вальховскій занималъ

должность оберъ-квартирмейстера, и Искрицкій, прибывшій въ отрядъ наканунѣ взятія Карса. Когда онъ явился къ главнокомандующему, Паскевичъ ему сказалъ: «Кажется, это ты былъ при Жомини и у него работалъ; приходи ко мнѣ вечеромъ». Въ этотъ вечеръ Паскевичъ продержалъ у себя Искрицкаго болѣе часу, какъ бы на испытаніи, и приводилъ его въ удивленіе своимъ обширнымъ знакомствомъ съ военной литературой; отпуская Искрицкаго, онъ велѣлъ ему состоять при себѣ въ качествѣ офицера Генеральнаго Штаба. Искрицкій особенно отличился въ дѣлѣ 9-го Августа. Паскевичъ предположилъ съ главными силами обойти во флангъ Турокъ, которые въ числѣ до 30.000 заняли своими завалами высоты, командующія крѣпостью. Приведеніе въ исполненіе этого плана Паскевичъ поручилъ Искрицкому. Съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ казаковъ обозрѣвъ мѣстность, Искрицкій, въ темную, хоть глазъ выколи, ночь съ 8-го на 9-е Августа, провелъ отрядъ по горамъ и крутымъ каменистымъ оврагамъ, чрезъ которые во многихъ мѣстахъ артиллерія перетаскиваема была съ помощью людей,

и съ восходомъ солнца поставилъ атакующій отрядъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Болѣе же всѣхъ изъ декабристовъ былъ на виду Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, бывшій командиръ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона. Съ самаго поступленія въ отрядъ, еще въ Персіи, онъ оставленъ былъ при штабѣ. Паскевичъ далъ полный просторъ дѣятельности и энергіи Пущина. Въ своей солдатской шинели, Пущинъ распоряжался въ отрядѣ какъ у себя дома, переводя и офицеровъ, и генераловъ съ ихъ частями войскъ съ мѣста на мѣсто по своему усмотрѣнію; онъ руководилъ и мелкими и крупными работами, отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работъ киркой и лопатой, до устройства переправъ и мостовъ, до трасировки и возведенія укрѣпленій, до веденія апрошей, и кромѣ того исполнялъ множество важныхъ порученій. Онъ же, въ той же солдатской шинели, присутствовалъ на военныхъ совѣтахъ у главнокомандующаго, гдѣ его мнѣнія почти всегда одерживали верхъ (о чемъ мнѣ извѣстно было чрезъ Вальховскаго и Ушакова). Этотъ человѣкъ какъ бы имѣлъ даръ одновременно являться въ разныхъ мѣстахъ. Штурмъ Ахал-

циха положилъ конецъ его дѣятельности: тамъ (какъ и на другихъ штурмахъ, впереди штурмовой колонны) Пущинъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ.

Но вотъ война кончена, войска отчасти возвратились въ Грузію; возвратился и самъ Паскевичъ, уже фельдмаршаломъ. На другой же день у него назначенъ былъ парадный «выходъ». Въ прежнее время Паскевичъ являлъ собою личность чрезвычайно интересную. Генералъ, еще молодой, но пріобрѣтшій громкую извѣстность, какъ одинъ изъ богатырей Отечественной войны, отмѣнно скромный, даже молчаливый, чтó отражалось во всей его прекрасной наружности, всѣмъ этимъ Паскевичъ привлекалъ къ себѣ симпатіи войска и общества. Но послѣ своихъ успѣховъ въ Персіи онъ сталъ совсѣмъ иной: со своими штабными онъ сдѣлался суровъ, требователенъ, раздражителенъ, подозрѣвалъ противъ себя интриги, а въ комъ видѣлъ своего врага, того не щадилъ и пятналъ во всеуслышаніе. Напримѣръ, въ сраженіи подъ Карсомъ, увидѣвъ, что одинъ офицеръ наклонилъ голову при пролетѣ непріятельскаго ядра, онъ послалъ спросить, котораго полка? и когда ему донесли, что 39-го

егерскаго, онъ вскричалъ. «Такъ я и зналъ: этотъ полкъ бѣжалъ съ Красовскимъ!» И это тогда какъ Красовскій спасъ Эчміадзинъ, пробившись сквозь непріятеля, который слишкомъ въ десять разъ былъ его сильнѣе. Свои же побѣды Паскевичъ превозносилъ похвалами. Ко времени возвращенія въ Тифлисъ, онъ отростилъ себѣ волосы и въ торжественныхъ случаяхъ тщательно завивалъ ихъ въ локоны на подобіе куафюры à la Louis XIV. Такимъ Паскевичъ явился на «выходъ», гдѣ кромѣ военныхъ находились иностранные дипломаты и все, что̀ въ Тифлисѣ было почетнаго. Зала была полна. Послѣ довольно долгаго ожиданія, распахнулись двери, и вошелъ фельдмаршалъ. Едва отвѣтивъ нѣсколькими словами на поздравленія привѣтствующихъ, обращаясь къ старѣйшинѣ изъ дипломатовъ Французскому консулу Гамбѣ, онъ произнесъ рѣчь, или лучше сказать реляцію кампаніи 1829 года. Въ этой рѣчи перечислено было множество именъ великихъ полководцевъ, начиная Александромъ Македонскимъ и кончая Наполеономъ. При этомъ ораторъ долго останавливался на генералѣ Бонапартѣ, Египетская экспедиція котораго далеко не выдерживаетъ, по его словамъ,

сравненія съ его послѣдней кампаніей, и это тѣмъ болѣе, что ему приходилось бороться съ величайшими затрудненіями по части продовольствія войскъ, тогда какъ генералу Бонапарту операціи эти давались легко морскимъ путемъ; словомъ сказать, фельдмаршалъ только что не прямо провозгласилъ себя первымъ полководцемъ всѣхъ вѣковъ. Гамба, какъ и довлѣетъ дипломату, слушалъ съ почтительнымъ вниманіемъ, но не безъ тонкой ироніи въ чертахъ лица, чего ораторъ въ жару повѣствованія не замѣчалъ.

Въ зиму 1830 года случилось, что нѣсколько декабристовъ, не принадлежавшихъ къ Тифлисскому гарнизону, проживали въ Тифлисѣ подъ разными законными и незаконными предлогами. Въ ту пору А. А. Бестужевъ только что выздоровѣлъ отъ опасной и продолжительной болѣзни. Его пользовалъ докторъ Депнеръ, который одно время отчаевался въ его выздоровленіи. Съ Бестужевымъ жили и его братья Петръ и Павелъ [62]). Кромѣ нихъ

---

[62]) Павелъ не былъ разжалованъ, онъ былъ только переведенъ въ гарнизонную артилерію въ Сухумъ-Кале, тѣмъ же чиномъ. Петръ Бестужевъ—бывшій морякъ.

проживали въ Тифлисѣ Пущинъ, Оржицкій Епафродитъ Степан. Мусинъ-Пушкинъ (морякъ), графъ Мусинъ-Пушкинъ, Нилъ Павл. Кожевниковъ (Измаиловскій офицеръ), Вишневскій, бывшій адъютантъ князя Сакена и еще кто-то (этихъ двухъ послѣднихъ я принялъ къ себѣ на квартиру). Мы сходились по вечерамъ то у того, то у другого, всего чаще у меня, иногда по два и болѣе раза въ недѣлю; всегдашними посѣтителями этихъ незатѣйливыхъ вечеринокъ были трое Бестужевыхъ и человѣкъ шесть-семь гвардейскихъ офицеровъ, изъ тѣхъ, кои были прикомандированы сюда изъ Петербуга, кажется по два человѣка отъ каждаго полка. Вистъ и шахматы среди всевозможной болтовни, анекдотовъ и разсказовъ (по части которыхъ А. Бестужевъ былъ большой мастеръ) не прерывались; шуму и хохоту было много. Вечера эти были подобіемъ «Вторниковъ» Искрицкаго въ Петербургѣ. Случалось нерѣдко, что и въ теченіи дня мы видались съ Бестужевымъ, такъ какъ онъ квартировалъ недалеко отъ насъ. Однажды, когда я одинъ былъ дома, зашелъ Бестужевъ и просидѣлъ у меня довольно долго. Онъ жаловался на скуку, на праздность ума и т. п.; словомъ, ему хотѣлось «писать, но не

было къ тому возможности; жаловался онъ и на то, что ему скоро надо отправляться изъ Тифлиса въ свой полкъ. Вдругъ мнѣ вздумалось воспользоваться минутой, чтобъ вспомнить тотъ обѣтъ, который я себѣ далъ: высказаться съ тѣми, кого я назвалъ въ моихъ показаніяхъ Коммиссіи, о чемъ я совершенно забылъ. Едва я коснулся этого предмета, какъ мой собесѣдникъ сдѣлалъ непріятную мину. «Пожалуйста», перебилъ онъ меня, «пожалуйста ни слова объ этомъ; что̀ прошло, то прошло; прошу васъ забудемъ!» и съ этимъ, послышавъ на лѣстницѣ шаги, онъ взялъ фуражку и вышелъ. «А куда же вы, Александръ Александровичъ?» послышался голосъ Кожевникова. «Домой, сегодня мнѣ что-то нехорошо».—«А вечеромъ будете?»—«Посмотрю». Но Бестужевъ на этотъ вечеръ не явился.

А не далѣе какъ на той же недѣлѣ насъ постигла бѣда. Тутъ кстати замѣтить, что, вообще говоря, въ настроеніи духа декабристовъ нисколько не замѣчалось, чтобъ они пріуныли, чтобъ выражали сожалѣніе о томъ, что жизненныя надежды каждаго изъ нихъ имъ измѣнили. Гдѣ ни встрѣчались, гдѣ ни сходились они, начиная съ Арзрума, всегда они

казались веселыми, привѣтливыми какъ между собою, такъ и съ другими. (Въ этомъ одинъ развѣ Петръ Бестужевъ можетъ служить исключеніемъ: онъ большею частью являлся молчаливымъ и задумчивымъ). Въ разговорахъ между собою, то, что хотя издали наводило мысль на декабрьскую катастрофу, считалось неумѣстнымъ, какъ бы неприличнымъ.

Черезъ два или три дня послѣ моей неудачной попытки объясниться съ Бестужевымъ, собрались почти всѣ завсегдатаи вечеринокъ. Бестужевъ пришелъ послѣдній. На вопросъ, что̀ такъ поздно, онъ сказалъ, что обѣдалъ у Audié (ресторанъ), что́ впрочемъ было и нѣсколько замѣтно, съ Юматовымъ. Тутъ иные стали его предостерегать отъ этого господина. «Пустое, господа!» замѣтилъ Бестужевъ; «Юматовъ (бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка) очень добрый малый, и я не понимаю, что́ вы противъ него имѣете». Затѣмъ вечеринка приняла обычный свой train; но среди разгара безпечной, веселой болтовни, какъ снѣгъ на голову, явился плацъ-адъютантъ, личность никому изъ насъ незнакомая. Всѣ притихли. Окинувъ собраніе взглядомъ, онъ подошелъ къ Бестужеву съ вопросомъ: «Вы

Александръ Бестужевъ?»—«Я», былъ отвѣтъ.— «Пожалуйте, я имѣю нѣчто вамъ сообщить». Они вышли въ переднюю. Не прошло и минуты, какъ Бестужевъ, блѣдный, входитъ, ни слова не произнося беретъ свою фуражку и возвращается къ плацъ-адъютанту. Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ все еще никто не открывалъ рта, мы слышали, какъ оба они сошли съ лѣстницы. Слуга намъ сказалъ, что плацъ-адъютантъ былъ не одинъ, а съ двумя жандармами. Петръ вернулся и сказалъ, что его брата посадили въ метеху (арестантскій зàмокъ). Когда гости наши разошлись, то мы, я и Кожевниковъ [63]) стали подумывать, что вѣдь шутка можетъ быть плохая.

На другой день утромъ Кожевниковъ пошелъ къ своему доктору, а я остался одинъ съ несовсѣмъ спокойными ожиданіями. Вдругъ входитъ Александръ Бестужевъ, очень разстроенный, а за нимъ жандармъ. Въ рукахъ у арестованнаго былъ небольшой чемоданъ, увязанный вмѣстѣ съ саблей. На первые мои вопросы онъ сказалъ: «Меня везутъ въ Дербентъ, вонъ и наша телѣга подъ окномъ. Мнѣ

---

[63]) Вишневскій уѣхалъ изъ Тифлиса незадолго до того.

только на минутку позволили зайти на мою квартиру. Нельзя-ли эти вещи передать Павлу [64]), когда онъ пріѣдетъ?» Затѣмъ мы попрощались, и онъ отправился. Въ тотъ же день всѣхъ жившихъ въ Тифлисѣ декабристовъ разослали по разнымъ мѣстамъ съ жандармами, что произвело въ Тифлисѣ замѣтное впечатлѣніе. Пущина, меня и Коновницына не тронули, такъ какъ мы въ Тифлисѣ находились при своемъ саперномъ батальонѣ. Кожевниковъ спасенъ какимъ-то чудомъ: какъ видно, о немъ просто забыли. (Онъ отъ меня уѣхалъ къ своему полку, въ Шушу, гораздо уже послѣ описаннаго переполоха). Прошелъ день. Къ намъ ни кто ни гугу; но мы могли думать, что до насъ еще не добрались и ожидали, что вотъ-вотъ и къ намъ налетитъ гроза. Среди этихъ опасеній я въ тоже утро получилъ нарядъ къ Паскевичу на ординарцы.

Но прежде чѣмъ продолжать разсказъ, считаю нелишнимъ объяснить, изъ чего возгорѣлась эта суматоха.

Въ Тифлисѣ караулы смѣнялись не ежедневно, а стояли по два дня сряду. Офицеръ

---

[64]) Павелъ Бестужевъ часто уѣзжалъ въ Бомборы, гдѣ квартировала артилерійская рота, въ которой онъ служилъ.

караула наряжаемаго къ Паскевичу всегда обѣдалъ за его столомъ. Въ описанный день караулъ этотъ не былъ смѣненъ и послѣ двухсуточной стоянки. Графъ тотчасъ это замѣтилъ, какъ только офицеръ вошелъ въ залу передъ тѣмъ, чтó садиться за столъ. «Чтó значить, что ты третій день стоишь въ караулѣ?» спросилъ графъ. Тотъ отозвался невѣденіемъ. Графъ вспылилъ и велѣлъ строжайше изслѣдовать причину такой неурядицы. Оказалось, что нѣсколько изъ назначенныхъ въ караулъ офицеровъ не явились къ разводу по болѣзни, а внезапно назначенные вмѣсто ихъ къ разводу опоздали. Къ этому слишкомъ усердный слѣдователь [65]) прибавилъ, что офицеры того баталіона, который въ тотъ день долженъ занять караулы, просто не захотѣли исполнить распоряженіе начальства, и что по всѣмъ вѣроятіямъ такое ослушаніе было слѣдствіемъ подстрекательствъ Бестужева, который, проживая неизвѣстно по какому праву въ Тифлисѣ, нерѣдко ходитъ въ казарму того баталіона. Довольно было произнести только

---

[65]) Тогда говорили, что это былъ Абрамовичъ, котораго такъ честитъ Пущинъ въ своихъ Запискахъ.

фамилію Бестужева, чтобъ къ ней прилипло имя Александра, какъ болѣе замѣтнаго между своими братьями. На Александра и взвели вину въ подстрекательствѣ, Александра и поспѣшили арестовать; въ сущности же въ взводимой на него винѣ онъ былъ не при чемъ. Правда, онъ слишкомъ долго оставался въ Тифлисѣ подъ видомъ возстановленія своихъ силъ послѣ болѣзни, но жилъ очень тихо и кромѣ какъ у ближайшихъ своихъ знакомцевъ нигдѣ не бывалъ, а тѣмъ паче въ казармѣ баталіона, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго. Братъ же его Петръ служилъ въ этомъ баталіонѣ, и ему было разрѣшено отлучаться изъ своей казармы на вольную квартиру въ уваженіе того, что онъ ухаживалъ за тяжело-больнымъ братомъ, но разрѣшено съ условіемъ, чтобъ онъ каждый день являлся къ своему баталіону, что̀ онъ, Петръ Бестужевъ, и дѣлалъ. Несмотря на уважительность этихъ причинъ, одновременно съ Александромъ изъ Тифлиса выслали, какъ уже сказано и прочихъ декабристовъ, проживавшихъ здѣсь «неизвѣстно по какому праву», а съ ними вмѣстѣ и Петра Бестужева.

Я прервалъ мою рѣчь на томъ, что, на утро послѣ неудавшейся вечеринки, мнѣ слѣдовало явиться къ графу на ординарцы. Въ 10 часовъ, собравшись, съ весьма неспокойнымъ духомъ я отправился къ мѣсту своего назначенія, смутно надѣясь, что авось-либо плацъ-адъютантъ не откроетъ, гдѣ именно онъ отыскалъ Бестужева и его арестовалъ. По дорогѣ я зашелъ къ генералу Краббе, моему родственнику, недавно пріѣхавшему въ Тифлисъ, и разсказалъ ему о случившемся. Краббе крѣпко меня пожурилъ за неумѣстность нашихъ сходокъ и еще болѣе меня напугалъ. Но, къ счастью, мои тревоги разрѣшились благополучно.

Началось съ того, что въ это утро графъ не «принималъ» ординарцевъ [66]); онъ не имѣлъ на то времени отчасти и потому, что день этотъ былъ днемъ дворянскихъ выборовъ: весь генералитетъ долженъ былъ въ полномъ парадѣ съѣхаться къ главнокомандующему и ожидать прибытія депутата отъ дворянства съ приглашеніемъ на выборы.

Генералы съѣхались и сгруппировались въ концѣ залы. Входитъ графъ; онъ въ самомъ

---

[66]) Т.-е. не дѣлалъ церемоніи такого пріема.

счастливомъ настроеніи духа. Онъ подходитъ къ генераламъ и отмѣнно любезно съ каждымъ разговариваетъ. Вотъ ужъ скоро и конецъ генераламъ, а ожидаемаго депутата отъ дворянъ еще нѣтъ. Наконецъ, сбытъ съ рукъ и послѣдній изъ генераловъ. Настаетъ затрудненіе, офиціальный запасъ любезности истощенъ. Привѣтливый хозяинъ однакожъ не теряется, все въ томъ же тонѣ продолжаетъ, но изъ этикета переходитъ въ фамильярность, а за тѣмъ и въ шутки,—шутки неладныя, даже странныя; напримѣръ, остановится на другомъ концѣ залы, поворотится къ генераламъ, широко разведетъ руками и громко произнесетъ: signore.... professore! За тѣмъ тоже, во второй и третій разъ, и все это при почтительномъ молчаніи аудиторіи. Наконецъ, онъ подошелъ къ зеркалу, у котораго я стоялъ и, поправляя свои длинные локоны, меня замѣтилъ и спросилъ: «Вы и въ эту кампанію рисовали?» [67]) Я отвѣчалъ, что снялъ только видъ замка Олты. «А, да!» радостно воскликнулъ Паскевичъ, «вѣдь это ты тамъ

---

[67]) Послѣ кампаніи 1828 года, узнавъ, что я снялъ видъ Карса, Паскевичъ велѣлъ мнѣ принести этотъ рисунокъ.

былъ съ Аргутинскимъ! Вотъ, господа» продолжалъ онъ обращаясь къ генераламъ и на меня указывая, «какъ видите, не больше какъ оберъ-офицеръ, а взялъ крѣпость!» И за тѣмъ, къ великому моему удивленію, онъ повторилъ своимъ слушателямъ почти слово-въ-слово всю реляцію Аргутинскаго (по просьбѣ этого послѣдняго, реляція написана была мною, и потому я могъ судить, на сколько вѣрно реляція эта была передана Паскевичемъ). Не успѣлъ графъ кончить свою наррацію, какъ явился давно ожидаемый депутатъ отъ дворянства, и вскорѣ цѣпь генеральскихъ каретъ, во главѣ кареты фельдмаршала, потянулась къ дворянскому дому. Кто наиболѣе остался въ восторгѣ отъ всего этого великолѣпнаго зрѣлища, то это, конечно я: въ душѣ я благословлялъ плацъ-адъютанта, который былъ такъ милъ, что умолчалъ о мѣстѣ арестованія Бестужева.

Вечеромъ, когда ординарцы были распущены, я зашелъ къ старику Краббе. «Растолкуй мнѣ, ради Бога», вскричалъ онъ, «что̀ это за сцену мы разыгрывали у Паскевича, что̀ это за пріемъ онъ намъ сдѣлалъ? Такъ можно еще обходиться съ короткими пріятелями; а я, что̀ я ему за signore, что я ему за professore, когда я не-

больше какъ съ недѣлю въ первый разъ въ жизни его увидѣлъ, а на сколько между нимъ и мною можетъ быть пріязни, ты хорошо знаешь».

И въ самомъ дѣлѣ, отношенія между начальникомъ Прикаспійскаго края и главнокомандующимъ были весьма натянуты. Паскевичъ какъ только занялъ мѣсто Ермолова, такъ началъ преслѣдовать Краббе, за то что онъ повѣсилъ 11 человѣкъ изъ возмутившагося населенія, при первомъ вторженіи Персіянъ въ наши предѣлы. Двѣ комиссіи, одна генерала Заводовскаго, другая артилерійскаго полковника Бухарина, посланы для изслѣдованія этого дѣла на мѣстѣ происшествія, и обѣ эти комиссіи нашли Краббе виноватымъ; а между тѣмъ онъ исполнилъ казнь надъ захваченными бунтовщиками не по своей иниціативѣ, а предварительно списавшись съ Ермоловымъ. Но письмо, полученное имъ въ отвѣтъ отъ Ермолова, Краббе отказывался представить слѣдователямъ, какъ единственное орудіе своего оправданія, а сообщилъ имъ лишь съ него копію, при чемъ отзывался тѣмъ, что подлинникъ этого письма онъ согласенъ представить Паскевичу, не иначе какъ лично изъ рукъ въ

руки. Для этого-то Краббе и пріѣзжалъ въ Тифлисъ. Я читалъ это письмо. Оно написано пофранцузски. Въ письмѣ этомъ (я еще помню и теперь) я замѣтилъ ту особенность, что вмѣсто *z* во второмъ лицѣ множественнаго числа вездѣ поставлено *és*. Приказаніе подвергнуть виновныхъ казни выражено такъ: «Ceux des insurgés qui ont été pris les armes à la main, doivent, sans retard, subir le dernier supplice» [68]). Когда Краббе, въ особой аудіенціи, передалъ Паскевичу это письмо, Паскевичъ, прочитавъ его, тутъ же сказалъ Краббе: «Это васъ совершенно оправдываетъ». Не смотря на это—а въ этомъ-то загадочность дѣла—Краббе и году не оставался на своемъ мѣстѣ: изъ Баку онъ долженъ былъ съ своимъ большимъ семействомъ переѣхать въ Тифлисъ и проживалъ тамъ, не занимая никакой должности. (Тамъ я и оставилъ его, когда, выйдя въ отставку, уѣзжалъ изъ Грузіи въ 1832 году).

Возвратясь изъ Азіатской Турціи, нашъ саперный (бывшій піонерный) батальонъ квартировалъ

---

[68]) Тѣ изъ возмутившихся, которые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, должны быть безъ замедленія подвергнуты казни.

въ самомъ Тифлисѣ, откуда отряжалъ по полугодно по ротѣ для построенія крѣпости Новые-Закаталы. Упоминаю объ этомъ потому только, что когда моей ротѣ пришла очередь на эту откомандировку, то въ Закаталахъ я опять встрѣтился съ графомъ З. Гр. Чернышовымъ. Онъ тогда служилъ рядовымъ въ какомъ-то егерскомъ полку, находившемся при тѣхъ же крѣпостныхъ работахъ. Наши лагери, саперный и егерскій, расположены были недалеко одинъ отъ другаго. Нельзя было надивиться суровости жизни, какую велъ Зах. Гр. Онъ занималъ солдатскую палатку и занималъ ее, кажется, не одинъ; всегда носилъ солдатскую шинель форменнаго толстаго сукна и, сколько можно было замѣтить, не имѣлъ своего особаго стола. Единственнымъ услажденіемъ его было изученіе поэмы «Divina Comedia», съ компактной книжкой которой, хотя и жаловался на трудность Дантевскаго языка, онъ не разставался. Не смотря на близкое сосѣдство, мы видались съ Чернышовымъ нечасто, изъ «осторожности», да и то не въ лагерѣ, а въ нѣкоторомъ разстояніи впереди лагеря, въ одномъ изъ садовъ, покинутыхъ бывшими ихъ хозяевами при покоре-

ніи нами обширнаго селенія Закаталы. Бесѣды наши были недолги, такъ какъ мой собесѣдникъ не рѣшался отлучаться изъ своего лагеря иначе какъ на которое время; по всему замѣтно было, что ближайшее начальство Захара Григорьевича наблюдало за нимъ не спустя рукава. Разъ какъ-то разговоръ коснулся прошлыхъ нашихъ «ненастныхъ дней». Когда я разсказалъ ему, какимъ маневромъ добилъ меня Чернышовъ въ засѣданіи Коммиссіи, онъ замѣтилъ: «О, Александръ Ивановичъ, que Dieu confonde! [69]) большой мастеръ въ подобныхъ дѣлахъ; не забудьте, что ему удалось надуть даже величайшаго изъ надувалъ (....duper le plus grand des dupeurs)». Прежде еще того, въ разговорѣ о Свистуновѣ, Захаръ Григорьевичъ вдругъ сказалъ: «А знаете что? Вѣдь очень можетъ быть, что Свистуновъ не прямо васъ выдалъ; встрѣчались вы у него съ Фрезеромъ?» (кавалергардскимъ офицеромъ). Меня это поразило: я тотчасъ вспомнилъ, что Анненковъ (тоже бывшій кавалергардъ), подъ конецъ нашего сидѣнья въ казематахъ, задалъ мнѣ точ-

---

[69]) Помути его Богъ!

но такой же вопросъ. — Видѣлъ его тамъ одинъ только разъ, передъ отъѣздомъ Свистунова изъ Петербурга, отвѣчалъ я.

«Ну, такъ и есть! Свистуновъ виноватъ только тѣмъ, что разболталъ, вѣроятно, Фрезеру, что принялъ васъ въ члены Общества. Фрезеръ, какъ прошелъ слухъ уже впослѣдствіи, тотчасъ послѣ бунта, представилъ по начальству списокъ всѣхъ лицъ, о вступленіи которыхъ въ Общество было ему извѣстно.

Другой примѣръ подобной къ себѣ строгости являлъ служившій въ томъ же полку, потерпѣвшій по Семеновской исторіи, князь Щербатовъ. Онъ уже былъ ротнымъ командиромъ. Но что̀ сталось съ этимъ когда-то блестящимъ офицеромъ самаго блестящаго тогда изъ полковъ гвардіи! Это былъ уже въ полномъ смыслѣ армейщина, со всѣми ухватками, со всѣми даже страстями выслужившагося изъ даточныхъ. Я его встрѣчалъ у Кошкарова, сослуживца его по старому Семеновскому полку. Онъ приходилъ къ Кошкарову за совѣтами что̀ ему дѣлать и какъ бороться среди *интригъ* противъ него другихъ ротныхъ командировъ, по части, иной разъ, самыхъ мелочныхъ соревнованій. Объясняя свои жалобы, онъ

страшно кипятился отъ досады. Разсказываютъ, что когда ему объявили о разжалованіи его въ рядовые, Щербатовъ далъ себѣ зарокъ ни въ чемъ не отличаться отъ своихъ одночинцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, пока былъ солдатомъ, онъ жилъ и спалъ съ солдатами, ѣлъ изъ артельнаго котла и вмѣсто своего Р. А. [70]) сталъ курить махорку; онъ даже отказывалъ себѣ въ карманномъ платкѣ. Съ производствомъ въ унтеръ-офицеры и дальше онъ во всемъ сообразовался съ бѣднѣйшими изъ своихъ сослуживцевъ. Въ такой школѣ немудрено загрубѣть не только физически, но и морально.

На работы слѣдующаго полугодія меня смѣнила другая саперная рота; я же со своею вернулся въ Тифлисъ и болѣе изъ не него не отлучался, такъ какъ моей ротѣ не приходилось уже быть въ откомандировкѣ въ Новые-Закаталы. Около этого времени мое здоровье на̀чало разстраиваться. Къ тому же я тяготился службой: отъ службы мнѣ, конечно, нечего было ожидать въ будущемъ. Объ увольненіи отъ службы никто изъ насъ и помы-

---

[70]) Высшій сортъ Американскаго табаку.

слить тогда не смѣлъ. Я жилъ очень уединенно, на краю города, въ такъ называемой Артиллерійской Слободкѣ, гдѣ жилъ и Коновницынъ. Искрицкій находился въ продолжительной откомандировкѣ, во Владикавказѣ, но когда пріѣзжалъ въ Тифлисъ, что̀ бывало часто, останавливался у меня; съ нимъ, въ это время, я еще болѣе сблизился. Этому сближенію способствовало одно особенное обстоятельство. Проживая по-долгу во Владикавказѣ, онъ часто посѣщалъ то семейство, въ которомъ и я когда-то былъ принимаемъ съ отмѣннымъ радушіемъ; но съ тѣхъ поръ тамъ произошла большая перемѣна: дочь почтенныхъ хозяевъ этого дома, воспитывавшаяся, во время моей тамъ бытности, въ Смольномъ монастырѣ, находилась уже среди своихъ родныхъ. Въ этой дѣвушкѣ Искрицкій нашелъ всѣ тѣ качества, отъ которыхъ онъ могъ ожидать полнаго счастья въ жизни. Искрицкій объяснился, и его объясненіе было принято. Послѣ этого легко понять, какой богатый сюжетъ представлялся для нашихъ интимныхъ бесѣдъ, и на сколько такія бесѣды могли еще болѣе скрѣплять нашу дружбу. Кромѣ меня никто не зналъ о его планахъ и

надеждахъ, осуществленіе которыхъ было отложено до возвращенія изъ экспедиціи, готовившейся противъ горцевъ подъ командой генерала Панкратьева. За нѣсколько дней до отъѣзда въ отрядъ, Искрицкій, всегда далекій отъ всякихъ суевѣрій, вдругъ впалъ въ уныніе; онъ сознался въ своемъ предчувствіи, что ему не вернуться уже изъ этого похода. Какъ ни старался я заглушить въ немъ эту мысль, она сильнѣе и сильнѣе имъ овладѣвала. При прощаніи, передавая мнѣ небольшой волюмъ De l'imitation de Jésus Christ [71]) онъ сказалъ: «Это возьми на память обо мнѣ». Я разсмѣялся надъ его пустой фантазіей и рѣшительно отказался взять книжку. «Ну какъ хочешь», сказалъ онъ: «не берешь теперь, возьмешь послѣ; я заранѣе распоряжусь, чтобъ послѣ моей смерти этотъ знакъ памяти былъ переданъ тебѣ». Съ такимъ страннымъ предчувствіемъ онъ отправился въ отрядъ.

Не помню черезъ сколько времени, вечеромъ я пошелъ къ Краббе, въ семействѣ ко-

---

[71]) Книжка эта получена была имъ отъ одной великосвѣтской дамы, во время его заключенія въ казематѣ. На оборотахъ переплета онъ записывалъ свой крѣпостной календарь.

торыхъ Искрицкій былъ очень любимъ. Передъ тѣмъ, что̀ я хотѣлъ отъ нихъ уйти, къ нимъ вошелъ генералъ Владимиръ Дмитріевичъ Вальховскій, въ тотъ же день пріѣхавшій изъ отряда; отъ него я узналъ, что Искрицкій умеръ [72]). Вскорѣ я услышалъ о похоронахъ и той, которою занято было его сердце.

Не помню, прежде или послѣ того, я лишился и другаго товарища, П. П. Коновницына. По просьбѣ графини, его матери, Государь разрѣшилъ Коновницыну домовой отпускъ на 28 дней, но съ тѣмъ, чтобъ для сопровожденія его назначенъ былъ надежный офицеръ, изъ его же товарищей по службѣ. На это предложилъ себя молодой саперный офицеръ Диклеръ. Съ нимъ Коновницынъ уѣхалъ, внѣ себя отъ радостнаго ожиданія свидѣться съ матерью послѣ столь долгой и столь тяжкой разлуки. Не прошло и мѣсяца, какъ я получилъ извѣстіе изъ Владикавказа, что на возвратномъ пути Коновницынъ и Диклеръ пріѣхали туда, оба больные тифомъ, и въ одинъ день умерли.

---

[72]) Двое его крѣпостныхъ слугъ исполнили распоряженіе своего покойнаго господина: книжка хранится у меня до сихъ поръ.

Незадолго до отъѣзда въ Польскую армію, Паскевичъ въ общемъ разговорѣ за обѣдомъ упомянулъ, какъ бы мимоходомъ, о декабристахъ, при чемъ выразился такъ: «И чего эти люди еще добиваются? Чего они служатъ и не выходятъ въ отставку?» Въ тотъ же день эти слова мнѣ перадалъ адъютантъ Паскевича, мой пріятель Н. И. Ушаковъ. Я ожилъ: не откладывая написалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ службы по болѣзни и представилъ прошеніе мое по командѣ ближайшему моему начальнику, командиру сапернаго батальона Данилѣ Даниловичу Трителевичу. Трителевичъ посовѣтывалъ мнѣ, для *большей вѣрности*, прежде чѣмъ подать прошеніе по болѣзни, полежать въ госпиталѣ съ тѣмъ, чтобъ получить свидѣтельство отъ самаго штабъ-доктора. Я послушался; поступилъ въ госпиталь, что̀ на «Натлугѣ», въ 4-хъ верстахъ отъ города; пролежавъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ, я подалъ мое прошеніе со свидѣтельствомъ доктора.

Для возвращенія на родину мнѣ предлежало два пути: на Владикавказъ и черезъ море, на Крымъ. Я избралъ послѣдній изъ нихъ, хотя и менѣе безопасный· и гораздо болѣе продол-

жительный: мнѣ хотѣлось повидаться съ товарищемъ по Измайловскому полку дек. Фокомъ, который въ то время отбывалъ свою ссылку въ Бомборахъ, на Восточномъ берегу моря. Узнавъ, что у этого берега крейсируютъ военныя суда, я отправился въ Редутъ-Кале, въ надеждѣ добраться до Бомборъ, что̀ мнѣ и удалось. Шкуна «Вѣстникъ», на которой я ѣхахъ, высадила меня на берегъ, откуда слѣдовало еще проѣхать версты три или четыре верхомъ. Фокъ, какъ только меня увидѣлъ, упалъ въ обморокъ. Я засталъ его выздоравливающимъ отъ горячки, съ обритою головою, и все еще съ рукой на подвязкѣ отъ Ахалцыской раны. Тутъ я познакомился съ декабристомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Кривцовымъ. Оба они съ отмѣнною благодарностью отзывались о своемъ начальникѣ, полковникѣ Пацовскомъ, о вниманіи и предупредительности къ нимъ его и его супруги. У Фока я прогостилъ двое или трое сутокъ и, разумѣется, говорили безъ устали тѣмъ болѣе, что уже конечно не надѣялись когда либо свидѣться.

При высадкѣ еще на твердую землю мнѣ указали только на одно судно, верстахъ въ двухъ отъ берега, единственное находившееся

на Бомборскомъ рейдѣ; оно одиноко качалось на темно-сизой полосѣ горизонта. Тутъ же на берегу находился и хозяинъ этого судна, Грекъ, старикъ лѣтъ 80-ти. Отъ него я узналъ, что черезъ три дня онъ идетъ въ Керчь и что на его суденышкѣ всего прислуги 6-ть матросовъ и два юнга. Признаюсь, при этомъ бѣдномъ персоналѣ сопутниковъ и при видѣ обстановки, среди которой мы должны пуститься въ путь, меня охватилъ ужасъ. Фокъ собрался было меня проводить хоть до моря, но докторъ его не пустилъ; провожалъ меня одинъ Кривцовъ. Подъѣхавъ къ берегу, мы увидѣли, что судно стояло уже вдвое далѣе; оно отодвинулось, потому что потеряло якорь: якорный канатъ отъ сильной зыби оказался перетертымъ объ остро-каменистое дно моря. Сергѣй Ивановичъ, простившись со мной, уѣхалъ, а мы остались еще ожидать нашего баркаса, посланнаго за прѣсной водой. Только въ глухую, совершенно-темную ночь мы выступили въ открытое море.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Свѣдѣнія о дѣдѣ и родителѣ.

Предки мои были Грузинскіе дворяне. Когда въ 1739 году состоялся указъ императрицы Анны Іоанновны, коимъ приглашались изъ Грузіи желающіе опредѣлиться въ Русскую службу, то мой дѣдъ Егоръ Христофоровичъ, съ семействомъ, оставилъ въ числѣ прочихъ выходцевъ свое отечество. Онъ былъ опредѣленъ въ формировавшійся тогда Грузинскій гусарскій полкъ и надѣленъ, наравнѣ съ прочими выходцами, землею и крестьянами въ Малороссіи, гдѣ нынѣ мѣстечко Остапово, въ Полтавской губерніи. Егоръ Христофоровичъ участвовалъ въ походахъ противъ Шведовъ, потомъ въ Семилѣтней войнѣ и при Екатеринѣ въ Турецкой. Убитъ въ сраженіи въ 1772 году въ чинѣ майора. Вдова его, моя бабка, притѣсняемая изъ корыстныхъ видовъ богатыми сосѣдями (Базилевскими), принуждена была за сущій безцѣнокъ (600 р.) продать свое имущество (40 дворовъ съ землею,

усадьбою и угодьями) и перебраться въ Петербургъ, гдѣ и жила маленькою пенсіей; она умерла въ 1814 году. Она была послѣдняя въ родѣ, говорившая по-грузински: мой отецъ роднаго своего языка уже не зналъ, и наше семейство совершенно обрусѣло. Сохранился на немъ лишь Грузинскій типъ.

*

Моя мать, Екатерина Спиридоновна, рожденная княжна Манвелова, по отцу Грузинка, по матери Сербка, изъ рода Чорбы. Чорба принадлежалъ къ числу тѣхъ Сербовъ, кои, бывъ тѣснимы за свою православную вѣру, выселились изъ Цесаріи въ Россію (Хорватъ, Текели, Шевичъ, Депрерадовичъ и др.). Они надѣлены были громадными земельными владѣніями и жили широко и роскошно. Наприм. въ домѣ у Текели (Петра Абрамовича) не только вся столовая посуда на нѣсколько сотъ персонъ, но соотвѣтственно тому и кухонная, а также и металическій приборъ къ дверямъ, окнамъ и проч., состояли изъ массивнаго серебра; о шталмейстерской и егермейстерской части и говорить нечего. Одинъ изъ этихъ Цесарцевъ (дѣдъ моего зятя А. А. Лаппо-Данилевскаго) Ѳедоръ Мих. Чорба имѣлъ въ своемъ Екатеринославскомъ имѣніи Гуляй-Поле 24.000 десятинъ. Сосѣднее съ этой землей имѣніе, принадлежавшее князю Данилѣ Кудашеву, было такъ велико, что каждая изъ трехъ его дочерей получила по 12.000 десятинъ, да кромѣ этого двумъ своимъ сыновьямъ онъ оставилъ значительныя имѣнія въ Херсонской губерніи. (Старшій изъ нихъ, Николай Даниловичъ, былъ адъютантомъ

свѣтлѣйшаго князя Кутузова и его зятемъ. Онъ убитъ былъ подъ Лейпцигомъ) Мѣсто, на которомъ стоитъ нашъ городъ Верхнеднѣпровскъ, прежде принадлежало съ его окрестностью, названному князю Данилѣ Кудашеву. Потемкинъ такъ плѣнился картинностію этого мѣста, что склонилъ князя Кудашева уступить ему это мѣсто взамѣнъ 36.000 степной земли. Вотъ этимъ-то земельнымъ участкомъ князь Кудашевъ и надѣлилъ своихъ трехъ дочерей (одна изъ нихъ была за генер. Агте, другая за артиллер. генераломъ Карломъ Евст. Гербелемъ, третья за полковникомъ кн. Манвеловымъ, братомъ моей матери).

Не смотря на такое богатство Цесарскихъ выходцевъ, жизнь ихъ не отличалась тонкостью вкусовъ: ѣли они сытно, но грубо, какъ были грубы ихъ желѣзные желудки; на самыхъ парадныхъ обѣдахъ подавали такія блюда какъ „холодная щука“, „жареный гусь“ и т. п.; а роль заздравнаго вина играла Донская шипучка. Уже гораздо позднѣе, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, Петръ Ѳедоровичъ Чорба (изъ втораго поколѣнія выходцевъ), въ то время старѣйшина въ родѣ, пытался произвести переворотъ къ новизнѣ: онъ получалъ какую-то газету, и въ его кабинетѣ стоялъ шкафъ съ книгами, чего прежде ни у кого изъ нихъ не бывало. Его резиденція Глинскъ (Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.) считалась столицею мѣстной свѣтскости. Но около этого времени въ сосѣдствѣ Петра Ѳедоровича явился новый богатый сосѣдъ, зять одного изъ выходцевъ Цесарскихъ, А. В. Касиновъ, съ новѣйшими тенденціями общежитія: онъ первый ввелъ въ употребленіе „Шампанское“ и тѣмъ совершенно за-

тмилъ боярскій блескъ Чорбы. Говорятъ, что этотъ послѣдній впалъ въ тяжкую болѣзнь и вскорѣ умеръ: онъ не могъ перенести побѣды надъ собою своего соперника[1]).

Жили эти магнаты въ деревянныхъ домахъ незатѣйливой архитектуры; не менѣе того дома эти они называли *дворцами* и имѣли при нихъ множество прислуги съ присвоеннымъ каждому дворцу мундиромъ и полувоеннымъ уставомъ. По вечерамъ, какъ только позволяла погода, самъ владѣлецъ съ гостями выходилъ на крыльцо къ „зарѣ“: многочисленная дворня съ хоромъ музыкантовъ и барабаномъ, построенная въ шеренгу, маршировала въ ту и другую сторону по обширному двору. Я еще засталъ такіе порядки въ домѣ послѣдняго изъ старыхъ Цесарцевъ, *дѣда* (по женскому колѣну) моей матери, полковника Лазаря Абрамовича Текели (младшаго брата извѣстнаго генералъ-поручика Петра Абрамовича), къ которому наше семейство ѣзжало на поклонъ.

Теперь этого барства не осталось и тѣни: все разлетѣлось прахомъ, а иное расхищено и путемъ преступленій. Такъ наприм., послѣ смерти генералъ-поручика П. А. Текели опекуны надъ его единственнымъ сыномъ, не вполнѣ еще вступившимъ въ юношескій возрастъ, слишкомъ рано познакомили его съ возможными видами разврата

[1]) Братъ этого Чорбы, Иванъ Ѳедоровичъ былъ адъютантомъ Потемкина. Посылая его зачѣмъ-то въ Петербургъ, свѣтлѣйшій баловень фортуны приказалъ ему дать балъ столичному обществу отъ его Потемкина имени, для чего отпускалось ему по сту тысячъ рублей. Такого рода порученіе Чорба исполнялъ два раза. Князю Потемкину было нужно, чтобы про него не забывали въ Петербургѣ.

и, можно сказать, развратомъ же его убили. Все это я знаю изъ разсказовъ моей матери, умершей 80 лѣтъ въ 1853 году.

Складъ жизни этого общества не лишенъ былъ своихъ увеселеній; нѣкоторые изъ нихъ клонились къ прямой пользѣ—истребленію хищныхъ звѣрей. У каждаго сколько нибудь достаточнаго помѣщика охотническая часть отличалась не только исправностью, но и щегольствомъ. Равномѣрно, какъ признакъ барства, весьма многими помѣщиками содержались хоры музыкантовъ, разумѣется крѣпостныхъ. Какъ только на охоту съѣзжалось довольно большое общество, то непремѣнно затѣвались танцы; но это какъ бы случайно, главную же роль музыканты играли при съѣздахъ на имянины и т. д. Можно сказать, что вся жизнь тогдашнихъ баръ заключалась въ переѣздахъ цѣлыми семействами отъ одного къ другому, причемъ гости оставались по недѣли и болѣе, такъ какъ въ то время нынѣшнихъ тонкостей по хозяйству не знали, хозяйство велось такъ сказать топорно, и потому досуга некуда было дѣвать. Глядя съ нынѣшней точки зрѣнія, нельзя не надивиться, откуда у тогдашней молодежи набиралось столько силъ: танцы начинались нерѣдко тотчасъ послѣ утренняго чаю и прерывались только обѣдомъ и ужиномъ, а за тѣмъ вновь возобновлялись и продолжались до утра. Между тѣмъ пожилые гости просиживали ночь на пролетъ за бостономъ—игрой въ то время вообще-любимой. По своему многолюдству и относительному блеску славились тогда праздники, которыми чествовалъ день своихъ имянинъ генералъ-поручикъ Петръ Абрамовичъ Текели. День этотъ былъ 16-го

Января и назывался просто „Веригами" (веригъ св. Петра). По смерти Петра Абрамовича, по его ли, какъ говорили, завѣщанію или по собственному почину брата его Лазаря Абр., празднества эти исполнялись этимъ послѣднимъ, а по его смерти и его вдовою Марѳою Ѳедоровною. Къ ней, какъ бы обязательно, стекалась вся окружность верстъ за 150, со всѣмъ персоналомъ офицерства квартирующихъ на ней войскъ. Такъ какъ помѣщенія въ господскомъ домѣ недоставало, то заранѣе приготовлялось множество квартиръ у сельчанъ обширнаго его села Александровки (оно же и Текельевка). Марѳа Ѳедоровна пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, какъ живой памятникъ давно минувшаго: бывши еще дѣвушкой, она съ прочими своими сестрами сопровождала своего отца Ѳедора Арсеньев. Чорбу въ экспедицію, которой онъ былъ однимъ изъ военноначальниковъ, для истребленія Запорожской Сѣчи. Она любила вспоминать про эту давнюю эпоху, и ея безъискусственный разсказъ возбуждалъ тѣмъ болѣе интереса, что исходилъ изъ устъ самой очевидицы. Однажды у нея на „Веригахъ" ея военные гости, не зная уже чѣмъ выразить свою почтительность къ ней, всѣмъ обществомъ, во главѣ своихъ полковниковъ, торжественно къ ней подошли и просили, чтобы она позволила имъ называть себя *бабушкой*. Добрая старушка не помнила себя отъ радости. На этихъ „Веригахъ" присутствовалъ я въ 1833 году: это было уже въ послѣдній разъ. Не въ примѣръ другимъ прочимъ празднествамъ, „Вериги" продолжались не болѣе двухъ сутокъ, и это потому, что на 18-е Января все это веселое общество, не исключая и самой

Мареы Өедоровны, должно было перекочевать на имянины къ сосѣднему помѣщику.

Но у Лазаря Абрамовича Текели придворные обычаи являлись уже въ бѣдномъ, даже карикатурномъ видѣ, такъ какъ онъ относительно былъ небогатъ. У него было не болѣе какъ пять-шесть тысячъ десятинъ земли; къ тому же онъ, почти при 80-ти-лѣтней старости, былъ совершенно слѣпъ. Выѣзжалъ Лазарь Абрамовичъ въ гости всегда парадно: въ огромной каретѣ, цугомъ, т.-е. шестеркою превосходныхъ кровныхъ лошадей запряженныхъ въ *простяжъ*, въ Венгерской запряжи, съ султанчиками на головахъ, съ кучеромъ въ мундирѣ и шляпѣ и съ форейторомъ, который, за четверть версты въ каждое попутное селеніе, игралъ на трубѣ, что̀, вмѣстѣ съ хлопаньемъ длиннѣйшаго бича въ рукахъ у кучера, возвѣщало барскій поѣздъ. Два рослыхъ гайдука, тоже въ мундирахъ, стояли на запяткахъ кареты. Эта карета съ Русской упряжью на 6 лошадей *когда-то* была Лазаремъ Абрамовичемъ выписана изъ Москвы за 150 рублей, что̀ равнялось тогдашней цѣнѣ тысячи четвертей овса, такъ какъ четверть овса въ то время стоила 15 коп. Это я лично слышалъ отъ вдовы Лазаря Абрамовича, рожденной Чорбы, умершей въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Всѣ эти пришельцы изъ Цесаріи управляли своими владѣніями съ безпощаднымъ деспотизмомъ. Они подчиняли своей волѣ не только своихъ крестьянъ, но и приходское духовенство. Священникъ начиналъ обѣдню не иначе какъ по приказанію владѣльца; мало того, онъ преклонялся предъ его властью и въ дѣлахъ совѣсти. Вотъ примѣръ. Лазарь Абрамовичъ выдавалъ насильно замужъ

свою дочь за князя Уракова, помнится въ 1807 году; между тѣмъ сердце дѣвушки было занято другимъ предметомъ. Всѣ о ней жалѣли. Кто-то придумалъ средство спасти ее отъ предстоящаго несчастья. Онъ ей посовѣтовалъ объявить всю правду священнику, когда тотъ, при вѣнчаніи, сдѣлаетъ установленный вопросъ, по своей-ли склонности идетъ она замужъ. Это ее успокоило; она твердо рѣшилась послѣдовать благому для нея совѣту. Насталъ день свадьбы, множество приглашенныхъ наполнило церковь, и вотъ начался чинъ вѣнчанія, а когда онъ кончился, то невѣста упала въ обморокъ. Произошла страшная суматоха, и оказалось, что Лазарь Абрамовичъ, стороною свѣдавшій о намѣреніи своей дочери протестовать противъ насилія, заранѣе приказалъ священнику обойти установленный вопросъ невѣстѣ. Бѣдную дѣвушку такъ и вывели изъ церкви не съ тѣмъ именемъ, котораго ожидало ея сердце. Наше семейство находилось въ числѣ свадебныхъ гостей и, даромъ что мнѣ тогда было не болѣе шести лѣтъ, я живо помню все, что̀ тогда происходило предъ моими глазами. Не изъ пустаго, однакожъ каприза такъ расходился старый Лазарь Текели. Онъ былъ честнѣйшій изъ людей и ни за что не хотѣлъ нарушить „слова", даннаго Уракову. Въ послѣдствіи Александра Лазаревна была за двумя мужьями; за послѣдняго изъ нихъ выходила она въ очень уже пожилыхъ лѣтахъ. Это былъ извѣстный генералъ Александръ Андреевичъ Яхонтовъ, не моложе ея лѣтами.

Мой отецъ, Семенъ Егоровичъ (родился въ Москвѣ 24 Мая 1751) былъ шефомъ 12-го егерскаго полка, а по возвращеніи съ Суворовымъ

изъ Италіи командовалъ бригадой (въ Крыму и на Кубани) въ дивизіи дюка-де-Ришельё; въ одну изъ экспедицій противъ горцевъ онъ былъ раненъ пулей въ ногу. Въ то время генералъ не то былъ что̀ теперь. Я помню, когда, бывало, мой отецъ объѣзжалъ свою бригаду (что̀ дѣлалъ иногда въ сопровожденіи своего семейства), то это путешествіе имѣло видъ какъ бы важнаго событія: огромная карета въ восемь почтовыхъ лошадей, а слѣдомъ за ней цѣлый обозъ разныхъ экипажей. Все это, сопровождаемое роемъ казаковъ, мчалось во весь опоръ, а при въѣздѣ въ каждый городъ насъ ожидали воинскія и городскія власти.

Послѣ Бауценскаго сраженія (1813), вторично раненый, мой отецъ жилъ въ деревнѣ, гдѣ и умеръ въ 1827 году отъ раскрытія ранъ. Біографія его, мною составленная, была сообщена въ свое время издателю жизнеописаній генераловъ Отечественной войны, полковнику Висковатову и отпечатана особой тетрадью съ портретомъ покойнаго. Въ этой біографіи, между прочимъ, не безъинтересенъ разсказъ его о Варшавскомъ бунтѣ при генералѣ Игельштрёмѣ.

„Это было въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ (1794). Я возвращался изъ откомандировки въ главную квартиру, съ самыми сладкими ожиданіями повеселиться на праздникахъ. Въ Варшавѣ я имѣлъ много знакомыхъ. Кто, какъ я, хорошо говорилъ попольски, тотъ всегда былъ принимаемъ Поляками радушно. Домъ генеральши *** [2])

---

[2]) Отецъ называлъ ее „бабушкой“.

былъ для меня особенно пріятенъ; въ кругу ея общества я имѣлъ нѣсколько добрыхъ знакомцевъ, а сама почтенная старушка любила меня безъ памяти. Но тогда я и не воображалъ еще, какъ много со временемъ буду ей обязанъ....

„Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Варшавѣ, тѣмъ болѣе замѣчалъ движенія по дорогѣ: множество Поляковъ разныхъ состояній, индѣ цѣлыми небольшими партіями, слѣдовали къ городу, пѣшіе, конные, въ щегольскихъ бричкахъ и другихъ экипажахъ; тутъ всего было. Ничего не подозрѣвая, я сначала приписалъ было это сборище близости праздниковъ; но когда сталъ въѣзжать въ заставу, то былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ: я вспомнилъ, что между всѣмъ этимъ множествомъ народа я не замѣтилъ ни женщинъ, ни дѣтей. Тотчасъ по пріѣздѣ, часу въ шестомъ вечера, явился я къ барону Игельстрёму. Онъ, выслушавъ мой рапортъ о командировкѣ, спросилъ: „что̀ слышно новаго?“ Я обстоятельно донесъ ѐму о томъ, что̀ видѣлъ на возвратномъ пути. Генералъ засмѣялся и сказалъ: „видно, братецъ, и ты думаешь, что будетъ бунтъ; выкинь ты это изъ головы, да иди лучше отдыхай; а завтра я тебя потребую съ бумагами“. Такое спокойствіе генерала не совсѣмъ меня разувѣрило. Я откланялся съ тѣмъ, чтобъ заняться составленіемъ отчета; но прежде мнѣ хотѣлось хоть на минуту повидаться съ „бабушкой“, и я направился къ ея дому.

„Вмѣсто радостной, шумной встрѣчи я нашелъ у нихъ неожиданную тишину. Хозяйка казалась чрезвычайно разстроенною; дѣтей, противъ обыкновенія, при ней не было; два незнакомыя мнѣ ли-

ца сидѣли молча въ углу и важно на меня поглядывали. Даже мой пріятель Казимиръ, тутъ же бывшій, какъ будто боялся не обойтиться со мной холодно. Видя, что мой визитъ всѣхъ ихъ связываетъ, я подошелъ къ хозяйкѣ проститься. Рука ея дрожала. Ни она, ни Казимиръ не вышли меня проводить. Всѣмъ этимъ я крайне былъ сконфуженъ и еще больше утвердился въ моихъ подозрѣніяхъ. Я поспѣшилъ домой.

„На улицахъ не было замѣтно ничего необыкновеннаго; народу казалось не болѣе какъ и всегда. Несмотря на это, часовому и деньщикамъ я отдалъ приказаніе держать ухо востро и тотчасъ дать мнѣ знать, ежели замѣтятъ какой-либо шумъ. Я просидѣлъ за бумагами до полуночи; наконецъ, до крайности уставши отъ дороги и отъ письменной работы, я кинулся на кровать. Тишина была мертвая; все вокругъ меня спало; я не могъ далѣе бороться со сномъ... Вдругъ слышу, меня сильно дергаютъ за руку; это былъ мой Николай. „Извольте вставать, сударь, сказалъ онъ запыхавшись: изъ пушки выпалили, и въ городѣ поднялся шумъ“. Не успѣлъ я вскочить и вымолвить слова, какъ у самаго окна часовой прокричалъ: тревога! тревога!“ Съ тѣмъ вмѣстѣ послышались вдалекѣ ружейные выстрѣлы. Думать было нечего. Въ торопяхъ я велѣлъ людямъ что успѣютъ изъ моихъ вещей сбросить въ хозяйскій погребъ [3]), а самъ, схвативши пистолетъ и саблю, опрометью бросился, чтобъ добраться до генерала. Я видѣлъ, какъ вслѣдъ за моимъ вы-

---

[3]) Хозяинъ былъ Нѣмецъ и вѣрно не зналъ о заговорѣ.

ходомъ Поляки ворвались въ мою квартиру; мои люди успѣли ускользнуть отъ нихъ, но не могли уже попасть на мой слѣдъ, и я потерялъ ихъ изъ виду. Только что хотѣлъ я поворотить за уголъ сосѣдняго дома, какъ наткнулся на Поляка. Онъ вдругъ остановился и, какъ будто вглядываясь, въ полголоса спросилъ: „кто это?“ Я узналъ по голосу, съ кѣмъ имѣю дѣло (это былъ Казимиръ). Я назвалъ себя; онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, ухватившись за меня обѣими руками, сказалъ шепотомъ: „я бѣжалъ къ вамъ; бросайте все и пойдемъ; я укрою васъ у бабушки“...—Но, ради Бога, что̀ все это значитъ? — Не время толковать; теперь ужъ нигдѣ не пройдете; положитесь на меня, если не хотите, чтобъ васъ зарѣзали какъ барана“. И съ этимъ онъ, накинувъ на меня свой плащъ, увлекъ меня за собою, приказавъ говорить громко и по-польски. Толкаясь между мятежниками, мы пробѣжали нѣсколько незнакомыхъ мнѣ переулковъ и сквозныхъ дворовъ; наконецъ, калитка, въ которую онъ постучался эфесомъ сабли, отворилась; мы перешли небольшой заднiй дворъ, взбѣжали на лѣстницу двухъ-этажнаго дома, потомъ въ дверь, и я очутился лицомъ къ лицу съ моей доброй бабушкой. Видно было, что она ожидала насъ. Она обняла, цѣловала меня, дрожа всѣмъ тѣломъ и творя молитву; потомъ повела за собою, втолкнула въ небольшую комнату, гдѣ были собраны ея дѣти и, оставивъ насъ въ темнотѣ, замкнула дверь на ключъ. Вскорѣ за тѣмъ, ватага бунтовщиковъ остановилась передъ домомъ и стала требовать выдачи Русскаго. Чтобъ ихъ удалить, имъ отвѣчали, что здѣсь никого изъ Русскихъ нѣтъ, что въ домѣ

патріоты. Но не тутъ-то было. „Измѣна, измѣна!“ завопило нѣсколько голосовъ: „мы знаемъ, что тутъ укрывается Москаль! Смерть Москалямъ! Смерть варварамъ“. Вороты были выломаны; сволочь вторгнулась въ домъ и предалась грабежу. За стѣной у насъ слышались ужасный крикъ и грохотъ мебели. Дѣти въ страхѣ жались ко мнѣ... Нѣсколько времени спустя, все вдругъ пріутихло; послышался знакомый голосъ: то былъ опять мой благородный другъ Казимиръ. Онъ говорилъ повелительно, упрекалъ грабителей въ безчинствѣ, указывалъ на слезы супруги генерала-патріота, ручаясь, что она не потерпѣла бы врага отечества въ своемъ домѣ. „Стыдитесь, прибавилъ онъ, стыдитесь тратить столько силъ и времени на поискъ одного человѣка; идите лучше туда, куда васъ призываютъ честь и спасеніе отчизны!“ Эта рѣчь не была напрасна: толпа затихла, выбралась на улицу, затянула патріотическую пѣснь и слилась съ общимъ волненіемъ.

„Бунтъ былъ уже въ разгарѣ. Народъ то запружалъ, то очищалъ улицу. Казимиръ не являлся. Моя хозяйка не хотѣла меня выпустить: она клялась, что скорѣе сама погибнетъ, чѣмъ согласится меня выдать. Но мнѣ невозможно было оставаться долѣе: ясно было, что наши войска не удержатся въ Варшавѣ и отступятъ. Что̀ дѣлать? На что̀ рѣшиться? Положеніе мое было ужасно...

„Но милосердному Богу угодно было еще послать мнѣ надежду на избавленіе. Залпъ изъ нѣсколькихъ орудій раздался не вдалекѣ отъ насъ. Выстрѣлы повторялись; изъ окна видно было, что пальба происходила на одномъ и томъ же

мѣстѣ. Нечего было медлить. Никакія убѣжденія не могли уже меня остановить. Уступая моей настойчивости, на меня надѣли тотъ же Казимировъ плащъ и Польскую шапку покойника-хозяина; предлагали мнѣ и платье его, но я отказался, полагая, что и видъ Русскаго мундира можетъ мнѣ пригодиться. Чтобъ отвратить всякое подозрѣніе, я рѣшился не брать съ собой оружія: взялъ только небольшую трость. Собравшись такимъ образомъ, я простился съ моей благодѣтельницей и, предавъ себя волѣ Провидѣнія, вышелъ изъ дому. Немного пройдя, я принужденъ былъ пристать къ небольшой партіи Поляковъ, которая слѣдовала, казалось, по моей дорогѣ; я шелъ разговаривая съ ними, но потомъ, видя, что они перемѣнили направленіе, отдѣлился отъ нихъ и продолжалъ пробираться одинъ. Уже оставалось не болѣе 50 саженъ до батареи; но тутъ толпился народъ. Я зашелъ съ той стороны, куда обращены были наши пушки и гдѣ на довольно далекомъ разстояніи народу не было. Чтобъ своими не быть принятымъ за Поляка и съ тѣмъ вмѣстѣ быть болѣе легкимъ на бѣгу, я сбросилъ плащъ и шапку и кинулся бѣжать, какъ на перекресткѣ былъ замѣченъ шайкою черни, которая со всѣми знаками самаго дикаго буйства стремилась изъ боковой улицы. Крики „Москаль! Москаль!“ и нѣсколько провизжавшихъ подлѣ меня пуль были послѣднимъ моимъ испытаніемъ: я прибавилъ шагу и достигъ Русской батареи, возсылая благодареніе моему Создателю за мое чудесное спасеніе и благословляя моихъ избавителей. На батареѣ я нашелъ двѣ роты егерей, изъ разныхъ командъ, много штабъ и оберъ-офице-

ровъ, нижнихъ чиновъ и нестроевыхъ. Безпорядокъ и смятеніе были ужасные. Штабъ-офицеры, тутъ находившіеся, хотя и были всѣ старше меня, но съ общаго согласія предложили мнѣ принять надъ сборнымъ этимъ отрядомъ командованіе. Держаться долѣе было и безполезно, и невозможно: хотя до голоду было еще далеко, но все же у насъ не было ни сухаря, а главное—заряды были на исходѣ. Я тронулъ отрядъ съ мѣста, направляя къ той сторонѣ, откуда слышалась канонада и пробиваясь сквозь толпы бунтовщиковъ, которые со всѣхъ сторонъ на насъ напирали. Подаваясь очень медленно впередъ, мы такимъ образомъ достигли нашего главнаго отряда и примкнули къ нему. Баронъ Игельстрёмъ вывелъ насъ изъ Варшавы и направилъ къ Прусской границѣ. Я нѣсколько разъ писалъ къ моимъ спасителямъ, но мои письма оставались безъ отвѣта. Впослѣдствіи я узналъ что генеральша *** умерла вскорѣ послѣ того, а Казимиръ пропалъ безъ вѣсти во время бунта“.

Удаленіе моего отца изъ службы вслѣдствіе отставки за ранами, положило рѣзкую черту въ его жизни. Военная ея часть, почти съ отроческаго возраста и до старости, протекла среди многолюднаго круга отношеній, среди дѣятельности и дисциплины; она имѣла вліяніе на характеръ его по удаленіи въ деревню. Семенъ Егоровичъ не былъ богатъ настолько, чтобы по своему чину жить гдѣ-либо въ городѣ съ большимъ семействомъ. Принужденный заключиться въ деревнѣ, въ краѣ малонаселенномъ, онъ скучалъ отсутствіемъ большаго общества. Пользовавшись на службѣ, можно сказать, желѣзнымъ здоровьемъ, онъ лишенъ

былъ возможности даже быть дѣятельнымъ хозяиномъ по причинѣ ранъ, отъ которыхъ онъ часто жестоко страдалъ, особливо въ послѣдніе годы жизни. Все это не могло не подѣйствовать на его характеръ, и онъ чаще бывалъ угрюмъ, чѣмъ спокоенъ и веселъ. Не смотря на это, помѣстные сосѣди и родственники, которыхъ кругъ былъ обширенъ, искренно любили и уважали Семена Егоровича. Не рѣдко случалось, что сосѣди прибѣгали къ его рѣшенію для покончанія своихъ споровъ. Нѣсколько разъ въ году къ нему съѣзжалось большое общество родныхъ и сосѣдей, проводившихъ у него по недѣлѣ и болѣе, причемъ онъ бывалъ отмѣнно привѣтливъ и умѣлъ обласкать всѣхъ и каждаго, но во всѣхъ случаяхъ не забывалъ и высоко ставилъ достоинство своего чина: не терпѣлъ никакого уклоненія отъ принятыхъ формъ. Случалось, что вовсе незнакомые съ Семеномъ Егоровичемъ полковые командиры близъстоявшихъ войскъ, со всѣмъ обществомъ своихъ офицеровъ, пріѣзжали въ годовые праздники къ нему съ поздравленіемъ, хотя онъ уже и былъ въ отставкѣ. Такая вѣжливость всегда ему очень нравилась. Любовь къ порядку никогда не покидала Семена Егоровича: въ деревенскомъ хозяйствѣ все у него шло на ладъ военной дисциплины. Справедливость онъ ставилъ выше доброты сердца, которую, если она безотчетна, называлъ „сусальнымъ золотомъ“. Хвастовство было для него нестерпимо, а видъ пьянаго человѣка производилъ въ немъ почти физическое страданіе.

По свидѣтельству сверстниковъ Семена Егоровича, отъ самаго нѣжнаго возраста онъ глубоко былъ благочестивъ: всѣ посты, безъ исключенія,

соблюдалъ строго, а въ важнѣйшіе постные дни и вовсе не употреблялъ онъ пищи. Величайшею заботою его было построеніе церкви въ деревнѣ. Это онъ называлъ „своимъ сладчайшимъ трудомъ“.

Семенъ Егоровичъ никогда не живалъ въ избыткѣ. Въ 1770 году, его мать, отправляя его въ Петербургъ для опредѣленія на службу, „пожаловала ему“, разъ на всегда, 25 рублей. Это сдѣлало его на всю жизнь бережливымъ, дѣятельнымъ и умѣреннымъ въ образѣ жизни. Онъ говаривалъ: „не могу понять, какъ человѣкъ съ здоровыми руками можетъ довести себя до нищенской бѣдности“, а также, „какъ лекарь, при своей наукѣ, допускаетъ самого себя быть больнымъ“. И зимою и лѣтомъ, онъ вставалъ въ четыре часа утра и тотчасъ одѣвался на цѣлый день.

Семенъ Егоровичъ обладалъ необыкновенною памятью мѣстности: гдѣ разъ онъ прошелъ или проѣхалъ, того мѣста во всю жизнь онъ помнилъ малѣйшія подробности. Открывать новые пути въ степныхъ мѣстахъ, среди которыхъ онъ жилъ, было вѣчною его заботою. Въ дорогѣ онъ вставалъ и подымалъ своихъ спутниковъ такъ рано, что часто совсѣмъ готовые въ путь они принуждены бывали дожидаться, когда начнетъ свѣтать.

Погибнуть отъ пушечнаго ядра онъ почиталъ лучшимъ родомъ смерти. Въ разговорѣ по поводу этого однажды онъ мнѣ сказалъ: „Вопервыхъ, ты умираешь безъ мученій, но не въ томъ дѣло: тутъ важны чувствованія, съ которыми душа предается Господу. Смерть убитаго ядромъ должна быть такъ мгновенна, что никакое страданіе не успѣетъ омрачить набожныхъ и патріотическихъ мыслей,

а эти мысли во время сраженія наиболѣе возбуждены. Вспомнишь меня, когда Богъ благословитъ тебя быть въ дѣлѣ съ непріятелемъ".

Удивленіе Семена Егоровича къ великому характеру Суворова не имѣло границъ. Однажды, говоря о Суворовѣ, онъ заключилъ: „Словомъ сказать, онъ примѣръ совершенства для всѣхъ состояній. Кто хочетъ быть исправнымъ солдатомъ, знатнымъ вельможею, великимъ полководцемъ, искуснымъ дипломатомъ, добрымъ отцомъ семейства, радивымъ помѣщикомъ, даже благочестивымъ отшельникомъ—всѣ идите къ Суворову: онъ каждаго научитъ, какъ кому быть".

Сколь безгранично Семенъ Егоровичъ былъ преданъ верховной власти, видно изъ слѣдующаго. Онъ разсказывалъ какой-то анекдотъ про императора Павла; когда онъ кончилъ, одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что вѣрно же Государь сдѣлалъ это по ошибкѣ...—„Какъ смѣете это говорить!" вскричалъ онъ внѣ себя и потомъ, утихнувъ, спокойно сказалъ: „Монархъ никогда не ошибается. Одно что̀ невозможно государямъ—это ошибка".

Семенъ Егоровичъ умеръ 1827 года въ Февралѣ мѣсяцѣ отъ раскрытія ранъ и похороненъ въ своемъ имѣніи Екатеринославской губерніи Верхнеднѣпровскаго уѣзда, въ селѣ Богодаровкѣ, въ оградѣ церкви во имя Св. Троицы.

II.

Еще изъ памяти.

А я и мой старшій братъ находились въ Одессѣ, въ училищѣ, бывшемъ прежде частнымъ пан-

сіономъ; но когда основатель этого пансіона, Вольсей, задумалъ выѣхать изъ Россіи, то дюкъ-де-Ришилье принялъ заведеніе его подъ свое покровительство.

Въ 1813 году насъ взяли изъ пансіона, называвшагося уже Ришельевскимъ институтомъ (гдѣ въ одно время съ нами учился Корниловичъ, впослѣдствіи декабристъ). Мы застали отца нашего до́ма. Онъ сильно страдалъ отъ своей раны. Тутъ мнѣ объявили, что осуществленіе царской милости пало на меня, такъ какъ изъ насъ троихъ братьевъ я наиболѣе подхожу къ возрасту для поступленія въ Пажескій корпусъ (мнѣ было 12 лѣтъ) и что черезъ годъ съ небольшимъ я буду отправленъ въ Петербургъ съ одною знакомой помѣщицей, которая должна отвезти туда свою дочь для опредѣленія въ Смольный монастырь. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Въ назначенный срокъ меня отвезли къ Марьѣ Ивановнѣ Шкляревичъ; а вскорѣ затѣмъ мы отправились. Путь по Бѣлорусскому тракту былъ чрезвычайно затруднителенъ. Дожди лились почти безпрестанно; болотные лѣса, а всего хуже бревенчатыя мостовыя, по которымъ экипажъ подвергался частымъ ломкамъ, заставляли насъ по цѣлому иногда дню не выходить изъ экипажа; мы успѣвали проѣзжать въ день не болѣе какъ по одной станціи и за тѣмъ останавливаться на ночлеги. На этихъ послѣднихъ, какъ бы для усугубленія мрачнаго настроенія духа, намъ разсказывали о бѣдствіяхъ недавняго еще бѣгства Французовъ. Цѣлыя двѣ недѣли тащились мы такимъ образомъ до Петербурга, куда прибыли поздно вечеромъ и остановились у старыхъ знакомыхъ Марьи Ивановны,

Бабкиныхъ. На другой день, послѣ утренняго завтрака, на которомъ присутствовалъ и самъ хозяинъ, въ красномъ мундирѣ и бѣлыхъ штанахъ (онъ служилъ при дворѣ и спѣшилъ къ своей должности), Марья Ивановна нарядила меня въ мундирчикъ Ришельевскаго института и повезла сперва къ моей старушкѣ-теткѣ, отъ нея къ военному министру князю Горчакову, а затѣмъ въ Пажескій Корпусъ, гдѣ и сдала его деректору. Меня тотчасъ повели на „верхъ".

Такимъ образомъ, прибывъ въ Петербургъ и проѣхавъ по немъ лишь нѣсколько улицъ, и то въ закрытомъ экипажѣ, Петербурга я вовсе не видѣлъ; къ тому же я былъ истомленъ и какъ бы придавленъ продолжительнымъ и мрачнымъ путемъ по Бѣлорусскому тракту. Въ этотъ же день солнце свѣтило ярко. Послѣ этого легко себѣ представить, какое впечатлѣніе на меня произвели огромныя, съ высокими потолками залы, черезъ которыя меня вели и гдѣ было почти пусто, такъ какъ въ это время пажи находились въ классахъ. Мой вожатый провелъ меня черезъ нѣсколько классныхъ комнатъ полныхъ учащимися и сдалъ инспектору классовъ. Это былъ высокій, толстый, сѣдой какъ лунь старикъ [4]). Онъ раскрылъ передо мною Французскую книгу, велѣлъ читать и, прослушавъ съ полстраницы, посадилъ меня между учениками сосѣдней комнаты; это былъ пятый классъ. Вскорѣ затѣмъ звонъ колокольчика возвѣстилъ окончаніе классовъ; всѣ собрались въ рекреаціонную залу „на разводъ", а послѣ раз-

---

[4]) Полковникъ Оде-де-Сіонъ.

вода съ крикомъ, гвалтомъ и перегоняя другъ друга бросились бѣжать въ садъ. Ко мнѣ подошли нѣсколько, одного возраста со мной дѣтей, обласкали меня и въ саду, усадивъ меня на скамью, стали меня знакомить съ моимъ новымъ положеніемъ. Это меня очень радовало: все же я имѣлъ руководителей, все же былъ не какъ въ лѣсу. Но не надолго была эта радость: являются три новые господина постарше меня, нѣсколько иначе одѣтые, съ фуражками инаго цвѣта, чѣмъ у другихъ. (Въ тѣхъ же сюртукахъ, но съ полами, назадъ пристегнутыми, съ отвороченными воротниками и въ фуражкахъ вывороченныхъ на изнанку). Они разгоняютъ моихъ маленькихъ друзей, объявляютъ мнѣ, что они зубные врачи и присланы отъ начальства осмотрѣть мои зубы, дабы по нимъ опредѣлить, способенъ ли я къ военной службѣ. Не долго думая, два изъ нихъ схватили меня, одинъ за голову, другой за руки; а третій, вынувъ изъ кармана какой-то инструментъ и велѣвъ мнѣ раскрыть ротъ, принялся по зубамъ моимъ хозяйничать и вскорѣ дохозайничался до крови. Я плакалъ, кричалъ; на мой крикъ прибѣжалъ дежурный по корпусу камеръ-пажъ. Догадавшись въ чемъ дѣло, онъ распекъ и разогналъ моихъ дантистовъ; главнаго изъ нихъ оставилъ „безъ обѣда“, а двухъ его помощниковъ безъ „жаркаго и пирожнаго“. По удаленіи моихъ мучителей прежніе добрые мальчики не замедлили ко мнѣ возвратиться. Они меня успокоивали; они говорили, что это не болѣе какъ шутка, не болѣе какъ „испытаніе“, да испытаніе-то это обошлось мнѣ еще дешево: съ другими „новенькими“ и не то бывало. Вонъ напримѣръ съ Сенъ-Лораномъ: того су-

домъ судили за какую-то будто бы неисправность въ его бумагахъ и приговорили спустить въ боченкѣ съ лѣстницы! Такъ и сдѣлали: заранѣе приготовивъ что̀ было нужно, судьи уложили его въ боченокъ, обмотавъ прежде голову полотенцомъ, боченокъ заколотили и при крикахъ ура!, скатили съ деревянной лѣстницы, что̀ ведетъ въ нижній этажъ, т.-е. въ первое отдѣленіе.

Спустя нѣсколько времени, я совсѣмъ привыкъ къ своей новой жизни; а одно обстоятельство не только заставило моихъ сверстниковъ меня полюбить, но и обратило ко мнѣ всеобщее доброе расположеніе. Прежде надо сказать, что въ корпусѣ я уже засталъ хоръ духовнаго пѣнія, составленный изъ голосовъ 15 или 16, подъ регентствомъ старшаго изъ князей Гагариныхъ Павла [5]). Черезъ десять дней по моемъ вступленіи въ корпусъ, именно въ день храмоваго праздника нашей церкви, пѣніе за обѣдней отправлялось не домашними однакожъ пѣвчими, а приглашенъ былъ для этого лучшій въ то время въ столицѣ хоръ пѣвчихъ А. М. Дубенскаго. До этого времени я никогда не слыхалъ музыки, не имѣлъ понятія о томъ что̀ такое сочетаніе звуковъ, но съ той поры непрерывная струя гармоніи не покидала моей головы. Въ Воскресеніе той же недѣли, когда пажи были въ роспускѣ по домамъ, я уединился въ пустой рекреаціонной залѣ. Недавно слышанное мною хотѣло чѣмъ-нибудь выразиться, и я до того забылся, что и не слыхалъ, какъ меня подслушали. Узналъ про это кн. Павелъ

---

[5]) Это были сыновья князя Ивана Алексѣевича.

Гагаринъ и завербовалъ меня въ свой хоръ. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался общимъ любимцемъ, сталъ еще смѣлѣе и какъ бы выбрался изъ лѣсу на просторъ.

Теперь, на такомъ далекомъ, по времени, разстояніи, недостатки въ тогдашнемъ устройствѣ Пажескаго Корпуса и въ заведенныхъ въ немъ порядкахъ становятся виднѣе. Начать съ помѣщенія. По части дортуаровъ одно изъ четырехъ „отдѣленій" личнаго состава воспитанниковъ занимало огромную залу, въ два свѣта, аршинъ пятнадцать, если не болѣе, вышиною; спальныя же комнаты прочихъ „отдѣленій" были на половину ниже и почти во всѣхъ нихъ живописные превосходной кисти плафоны, на большей части которыхъ краски сохранились во всей свѣжести. Все это могло бы еще сойти съ рукъ, но вотъ въ чемъ несообразность: сюжеты всѣхъ этихъ картинъ заимствованы изъ Миѳологіи, съ изображеніемъ фигуръ почти голыхъ, и это въ спальняхъ учебнаго заведенія! Непонятно, какая такая аномалія не бросилась въ глаза столь ученымъ людямъ, какъ Клингеръ, попечитель корпуса, и его директоръ Гогель, которому нечужды были трактаты о воспитаніи [6]). Однажды графъ Коновницинъ, заступившій мѣсто Клингера, въ сопровожденіи директора и инспектора классовъ, вошелъ къ намъ въ классъ, когда каѳедру занималъ профессоръ Русской словесности Бутырскій. Какъ только графъ показался въ дверяхъ, Бутыр-

[6]) И. Г. Гогель восоко цѣнилъ „Эмиля" Руссо. Это мнѣ сказывалъ впослѣдствіи его племянникъ камерпажъ Григорій Гогель.

скій, желавшій блеснуть декламаціей своихъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ловко польстить герою Отечественной войны, заставилъ Якова Ростовцева прочесть нѣсколько строфъ изъ поэмы „Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ". Графъ слушалъ, и когда дошло до стиховъ:

„О всемогущее вино,
Веселіе героя!"

сдѣлалъ строгое замѣчаніе на неумѣстность восхваленія вину. Какъ видно, графъ Коновницинъ серьозно смотрѣлъ на нравственную сторону воспитанія; какимъ же образомъ онъ не обратилъ вниманія на плафоны въ дортуарахъ?

Кромѣ самого Государя, высшихъ надъ Пажескимъ корпусомъ властей не было; а Государь Александръ Павловичъ никогда въ этомъ корпусѣ не бывалъ.

Вмѣсто чаю мы получали по такъ назыв. франзолю, а чай допускалось каждому имѣть свой. Изъ этого выходило щекотливое неравенство между товарищами: иной бѣднякъ (а ихъ было немало) грызъ свой сухой франзоль, въ то время какъ его застольному сосѣду сервировался комфортабельный утренній завтракъ.

Личный составъ воспитанниковъ состоялъ изъ четырехъ отдѣленій пажескихъ и одного камерпажескаго. Отдѣленіями завѣдывали начальники изъ военныхъ. Въ помощники этимъ наставникамъ назначались *старшіе пажи*, по одному на отдѣленіе. Эти четыре наставника дежурили по корпусу поочередно, имѣя при себѣ для помощи одного изъ камерпажей. Камерпажи составляли особое отдѣленіе, наставникомъ котораго

былъ старшій „по чину" изъ наставниковъ; этотъ послѣдній завѣдывалъ всѣми порядками корпуса, равно и обученіемъ по фрунтовой части.

Всѣ начальники были не-Русскіе [7]). Они были люди очень хорошіе, но по степени образованія не совсѣмъ отвѣчали той роли, которую на себя приняли за исключеніемъ развѣ Клингенберга. Этотъ человѣкъ родился какъ будто для того, чтобы справляться съ пажами; прочіе же не отличались способностью видѣть въ своихъ обязанностяхъ нѣчто большее чѣмъ выполненіе ежедневныхъ порядковъ корпусной жизни. Никогда не заводили они интимныхъ съ воспитанниками бесѣдъ о томъ, что̀ ожидаетъ ихъ внѣ школы; не интересовались направленіемъ ихъ наклонностей, не заглядывали въ тѣ книги, которыя видѣли въ ихъ рукахъ; да еслибъ и заглянули въ которую либо изъ нихъ, то едва бы сумѣли опредѣлить, на сколько содержаніе ея полезно и вредно. Къ тому же, какъ скоро, въ 10 часовъ вечера, дежурный наставникъ „обошелъ рундомъ" дортуары, то считалъ свое дѣло законченнымъ и преспокойно отправлялся къ себѣ на квартиру, внѣ главнаго зданія корпуса. Дежурный по корпусу камерпажъ тоже уходилъ на свою „половину", отдѣленную отъ общихъ спаленъ нѣсколькими классными комнатами и рекреаціонной залой. Такимъ образомъ на ночь воспитанники предоставлялись самимъ себѣ, и тутъ то начинались разныя проказы. То являлись привидѣнія (половая щетка съ маскою на верху и накинутой простыней); то затѣвались

---

[7]) Одинъ Русскій вступилъ было въ корпусъ, но не долго тамъ прослужилъ.

похороны: тутъ и попъ въ ризѣ изъ одѣяла, съ крестомъ изъ картона и бумажнымъ кадиломъ, тутъ и дьячекъ, и пѣвчіе; они подкрадываются къ кому-либо изъ своихъ souffre-douleurs, берутся молча за ножки его кровати, подымаютъ сколь можно выше, и тогда разомъ раздается похоронная пѣснь, и процессія отправляется въ обходъ по дортуарамъ. Чаще всего, послѣ рунда, подымалась война подушками. Дежурный инвалидный солдатъ доносить боялся: пожалуй еще побьютъ!

Учебная часть страдала едва ли не худшими недостатками. Начать съ того, что большая часть учителей, по своей внѣшности и своимъ пріемамъ, отзывались какою-то чудаковатостью, напрашивались на карикатуру; а шалунамъ это и нàруку. Къ тому же, ни одинъ изъ учителей не умѣлъ представить свою науку въ достойномъ ея видѣ и внушить къ ней любовь и уваженіе. Методъ изученія заключался въ тупомъ долбленіи наизусть; о какомъ либо приложеніи къ практикѣ и намеку не было; а потому, за весьма малыми исключеніями, всѣ учились не для того, чтобы что нибудь знать, а для того только, чтобы выйти въ офицеры. Хуже всѣхъ предметовъ преподавалась Исторія. Это было сухое перечисленіе голыхъ фактовъ, безъ упоминанія о нравахъ, цивилизаціи, торговлѣ и прочихъ проявленіяхъ народной жизни. Къ тому же насъ учили только Русской и древней исторіи; объ исторіи Среднихъ Вѣковъ и новѣйшей мы и не слышали. Находили достаточнымъ, если мы будемъ настолько свѣдущи въ Исторіи, чтобъ умѣть судить о произведеніяхъ искусствъ, такъ какъ сюжеты для нихъ черпались въ то время преимущественно изъ древняго міра.

Неменьшее неудобство представлялось и въ лицѣ самого инспектора классовъ. Въ немъ не было ничего Русскаго. Вывезенный изъ Швейцаріи Суворовымъ для воспитанія его сына, полковникъ Оде-де-Сіонъ, прослуживъ лѣтъ двадцать въ Русской службѣ, не умѣлъ двухъ словъ связать по-русски. Въ преподаваніи допускались упущенія непозволительныя, времени терялось много; напримѣръ, въ политическихъ наукахъ, которыя камерпажамъ преподавалъ на Французскомъ языкѣ Итальянецъ Триполи, у него учились весьма плохо; а подходилъ экзаменъ, учитель раздавалъ каждому по нѣскольку особыхъ вопросовъ, мы вызубривали на нихъ отвѣты, и экзаменъ проходилъ на славу. Изъ своихъ четырехъ часовъ Триполи первые два часа отдавалъ намъ на ничегодѣланіе подъ предлогомъ *приготовленія* уроковъ, а самъ тѣмъ временемъ садился на каѳедру, углублялся въ самого себя, все что-то сочинялъ и, какъ истый Итальянецъ, отчаянно жестикулировалъ, шевеля губами и устремляя взоръ то туда, отъ сюда, какъ бы ловя вдохновеніе. Въ эти часы къ нему нерѣдко приходилъ старикъ Оде-де-Сіонъ, садился подлѣ него, и они по долгу бесѣдовали полу-шепотомъ. Надо знать, что оба они принадлежали къ братству масоновъ, чего Триполи и не скрывалъ отъ насъ.

Риторики тоже никто не хотѣлъ знать. Профессоръ словесности предпринялъ было тотъ же маневръ: чтобы выпутаться изъ бѣды, онъ раздавалъ Риторику по клочкамъ; но ему это не удалось, и онъ былъ накрытъ en flagrant délit. Вотъ какъ это случилось. Прежде надо сказать, что въ классахъ ученики занимали мѣста по

старшинству баловъ, полученныхъ каждымъ по извѣстному предмету, и потому каждые два часа, т.-е. при каждой перемѣнѣ учителя, ученики разсаживались иначе. Къ несчастью, случилось такъ, что экзаменъ по математикѣ былъ оконченъ цѣлымъ часомъ ранѣе до выхода изъ класса. Дабы не терять времени, директоръ приказалъ позвать изъ сосѣдняго класса профессора словесности, чтобы начать экзаменъ по его предмету. Мы сидѣли по порядку *математическому*; а вѣдь у профессора списокъ по которому онъ долженъ спрашивать, разсчитанъ на то, что вопросы отъ него будутъ слѣдовать порядку *словесному*. Какъ тутъ быть? Видимъ, дѣло плохо! Мы между собою переглянулись, перешепнулись и разомъ поднялись съ мѣстъ, чтобъ пересѣсть по словесному.

„Чтó это, чтò это? спросилъ Иванъ Григорьевичъ, оторванный отъ своихъ бумагъ шумомъ нашего движенія.

— Надо, ваше превосходительство, по старшинству словесныхъ баловъ.

— Сидите такъ, это все равно, повелѣлъ генералъ.

Минутку спустя, видимъ, что генералъ опять уткнулъ глаза въ бумаги, а профессоръ еще не является; мы рискнули снова...

„Да говорятъ вамъ“, грянулъ генералъ, „чтобы вы сидѣли смирно, по прежнему. Садитесь!“

На это дверь отворяется, входитъ профессоръ. Онъ бодро поднялся на каѳедру, но тотчасъ же замѣчаетъ, что мы не „по его“ сидимъ; поворачиваетъ голову къ директору и вкрадчиво что-то ему докладываетъ.

—„Знаю, знаю“, перебиваетъ его генералъ; „да вѣдь это все равно; начинайте Риторику“.

Растерянный профессоръ заглядываетъ въ свои замѣтки и возглашаетъ: „Господинъ такой-то!“

Господинъ такой-то встаетъ изъ середины аудиторіи, отвѣчаетъ на вопросъ, и отвѣчаетъ хорошо.

Затѣмъ: „Господинъ такой-то!“ взываетъ профессоръ. Этотъ другой подымается съ задней лавки. Ничего, ладно отвѣтилъ.

—„Да вы, Никита Ивановичъ, сказалъ съ досадой директоръ, „начинайте съ перваго сидящаго, потомъ спрашивайте втораго, и такъ дальше: иначе мы спутаемся“.

И вотъ встаетъ первый—плохо! Встаетъ второй-почти молчаніе.... Одному по счастью попался „его вопросъ“, и онъ отвѣчалъ бойко; затѣмъ опять плохо, плохо и такъ до конца...

Пораженіе полное!!.. Генералъ мечетъ вопросительные взоры на профессора; этотъ какъ обомлѣлый молчитъ. Оде-де-Сіонъ и присутствующіе наставники шепчутся.... Общее смятеніе!... Но профессоръ все-таки остался на своемъ учительскомъ мѣстѣ въ корпусѣ.

Впрочемъ, въ прежнее время и не то еще бывало. Иванъ Григорьевичъ Гогель очень многое исправилъ, но всего зла искоренить онъ не могъ. Тутъ кстати упомянуть, что онъ же, предсѣдательствуя на экзаменахъ, производилъ ихъ съ величайшимъ терпѣніемъ, отъ высшихъ предметовъ до азбуки, и руководился безпристрастіемъ въ назначеніи баловъ.

Послѣ экзамена во второмъ, т.-е. верхнемъ, *пажескомъ* классѣ, я по баламъ занялъ третье мѣсто съ конца; ниже меня сѣли Чевкинъ и Я.

Ростовцевъ. Когда представили Государю Александру Павловичу списокъ къ производству въ камеръ-пажи, Чевкинъ и Ростовцевъ были вычеркнуты, подъ тѣмъ предлогомъ, что ни у того ни у другаго не насчитывалось 900 баловъ. Изъ этого видно, что списокъ этотъ былъ внимательно Государемъ разсмотрѣнъ; а потому я отношу къ счастливой случайности, что и я не былъ изъ списка вычеркнутъ, такъ какъ въ поведеніи у меня не было полныхъ баловъ: три бала были убавлены за исторію мою съ наставникомъ Б. Е. Гине (о чемъ буду говорить дальше). Но на какомъ положеніи основывался Государь въ опредѣленіи не менѣе 900 баловъ, какъ крайняго предѣла къ производству, осталось неизвѣстнымъ. Въ прежнее время подобныхъ примѣровъ не встрѣчалось. Производилось въ камеръ-пажи лишь столько, сколько требовалось для сохраненія комплекта, именно шестнадцать камеръ-пажей, по числу особъ царской фамиліи въ тотъ годъ: къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ шесть, къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ восемь. Такимъ образомъ оба вычеркнутые Государемъ произведены не были; но ихъ оставили въ камерпажескомъ классѣ для слушанія курса

Мнѣ, мало знакомому съ Французскимъ и вовсе незнакомому съ Нѣмецкимъ языками, ежели и удавалось быть переведеннымъ въ слѣдующій классъ, то это не иначе какъ въ хвостѣ переводимыхъ.

Между тѣмъ изъ пажей, которые не были лѣнтяями, составились маленькіе кружки отъ двухъ до четырехъ человѣкъ для приготовленія уроковъ. Еще съ третьяго класса сошлись въ та-

кой кружокъ: графъ Пире́ (сынъ генерала, командовавшаго кавалеріей у Наполеона, при высадкѣ его въ Каннахъ), я и К. Чевкинъ. Пире́ первый отъ насъ отдѣлился, поступивъ въ камеръ-пажи, а черезъ годъ, когда Чевкинъ и я перешли туда же, то Чевкинъ меня обогналъ. Въ поведеніи мнѣ, съ четвертаго класса, стали давать полные балы (100), и такъ бы продолжалось до конца, еслибъ я не попалъ въ одну, относительно-важную затѣю. Вотъ въ чемъ дѣло.

Наставникъ нашего отдѣленія подполковникъ Б. Е. Гине имѣлъ неудобство походить на героя Ламаншскаго: его небольшая голова на худомъ плоскомъ туловищѣ, его блѣдныя впалыя щеки, его маленькія подернутыя экзальтаціей глаза, наконецъ мѣшковатость его одежды при ботфортахъ, какъ бы съ футляромъ для мозолей, вся эта своеобразная внѣшность прежде всего напомнитъ вамъ знаменитаго рыцаря. Независимо отъ этого, Борисъ Егоровичъ человѣкъ истинно-почтенный; но имъ обладалаетъ, не по вкусу его питомцамъ, страсть давать наставленія, „нотаціи“, какъ мы ихъ называли. Когда Борису Егоровичу нечего дѣлать, онъ призываетъ одного изъ насъ къ себѣ на квартиру и по́-часу и болѣе читаетъ скучнѣйшую мораль, съ примѣрами изъ Священнаго Писанія, и это въ такіе часы, когда другіе товарищи рѣзвятся и гуляютъ въ саду. „Не дѣлаетъ же этого никто другой изъ его сослуживцевъ!“ разсуждали мы; „да къ тому же и наставлять по Священному Писанію,—это не его дѣло: на то есть попъ, законоучитель! Пора съ этою канителью покончить“. Такъ думали не дѣти, а взрослые, авторитетные въ от-

дѣленіи; а когда, за выбытіемъ по экзамену старшаго пажа, подошелъ день назначенія новаго, то заговорщики положили: если выборъ Гине падеть на кого-либо изъ нихъ, то отказаться, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Я и еще двое не протестовали противъ такого рѣшенія, но и не опровергали его. Я надѣялся на то, что авось сія чаша меня минуетъ.

На слѣдующее утро, когда мы, по привычкѣ, сами собою выстроились къ „молитвѣ", является Борисъ Егоровичъ (хотя въ этотъ день не ему слѣдовало дежурить по корпусу). Онъ подходитъ прямо ко мнѣ и объявляетъ, что назначаетъ меня старшимъ пажемъ въ своемъ отдѣленіи. Я поблагодарилъ за честь, но отозвался, что не нахожу себя на то способнымъ. „Такъ я нахожу тебя способнымъ!" вскричалъ онъ. (Видно, ему было уже извѣстно о заговорѣ). „Сейчасъ же прими должность", продолжалъ онъ.

Три раза громче и громче Гине повторялъ тоже приказаніе и три раза слышалъ тотъ же отъ меня отвѣтъ. „А, такъ ты такъ!" разразился Гине. „Слѣдуй за мной!"

Въ сосѣднемъ отдѣленіи, въ большой залѣ, въ эту минуту распоряжался самъ Клингенбергъ передъ строемъ пажей. Гине представилъ меня ему какъ дерзкаго ослушника. Карлъ Ѳеодоровичъ, какъ бы нехотя, въ полголоса проговорилъ: „Если вы находите его такимъ, то что̀ дѣлать, отведите его въ темную" [8]). Гине самъ меня повелъ туда и заперъ на ключъ, твердо произ-

---

[8]) Высшая мѣра наказанія.

неся: „Вотъ я посмотрю, какъ ты еще будешь упрямиться, какъ ты у меня не будешь старшимъ пажемъ!"

Гине навѣщалъ меня въ темной по утрамъ и вечерамъ и просиживалъ часа по два „со своими нотаціями"; различныя формы убѣжденія, угрозы, ласки и даже просьбы переходили черезъ его уста. Такъ прошло три дня. На четвертый мой тюремщикъ (солдатъ корпусной полиціи), вмѣстѣ съ хлѣбомъ и водой (моимъ ужиномъ), принесъ мнѣ поллиста бумаги и карандашъ. Я написалъ къ К. Чевкину (моему тогда товарищу по репетированію уроковъ): „Не знаешь-ли, чѣмъ со мной думаютъ кончить, и что̀ мнѣ дѣлать?" Вотъ его отвѣтъ: „Какъ пажъ, совѣтую держаться; какъ другъ, совѣтую уступить. Это для тебя будетъ тѣмъ легче, что вмѣсто тебя старшимъ пажемъ назначенъ уже Ш—тъ, и уже распоряжается. Стало-быть, ты все-таки на своемъ устоишь: старшимъ пажемъ не будешь (надо знать, что этотъ Ш—тъ былъ одинъ изъ заговорщиковъ); тебя и начальство и товарищи очень жалѣютъ".

Приходитъ утромъ Гине. Только что онъ хотѣлъ начать говорить, я прервалъ его: „Борисъ Егоровичъ, я раздумалъ", началъ я; „я готовъ исполнить ваше приказаніе".—„Такъ теперь *я* не хочу", вскричалъ торжествующій наставникъ; „не хочу, чтобъ ты былъ у меня старшимъ пажемъ, и у меня ты никогда имъ не будешь".

За тѣмъ, послѣ краткой *нотаціи*, онъ меня отвелъ въ мой классъ и велѣлъ сѣсть на мое мѣсто. Тутъ я узналъ, что Ш—тъ безъ всякихъ отговорокъ принялъ должность.

Къ удивленію, я былъ встрѣченъ начальниками, какъ будто со мной не случилось ничего особеннаго; а когда кончился первый за тѣмъ экзаменъ и объявлены вмѣстѣ съ тѣмъ и балы въ поведеніи, то я увидѣлъ, что начальство отнеслось ко мнѣ очень милостиво: за такой важный проступокъ изъ полныхъ баловъ въ поведеніи мнѣ убавлено было только три бала.

Выше я указалъ на невниманіе наставниковъ относительно нравственной стороны питомцевъ. Невниманіе это имѣло вредныя послѣдствія: въ молодые умы стали извнѣ вливаться вольнолюбивыя внушенія. Къ счастью еще, вливались они не широкой струей. Представителемъ ихъ былъ одинъ только пажъ, К—въ. Мудрено, чтобы у него между товарищами не было сторонниковъ; но ежели они и были, то по крайней мѣрѣ они держали себя скромно и не высказывали своихъ мнѣній. Въ это время къ К—ву пріѣзжалъ въ корпусъ Александръ Бестужевъ, котораго онъ выдавалъ за своего друга. Одновременно съ тѣмъ, между пажами составилось тайное общество, главою котораго былъ тотъ же К—въ. Въ сочлены себѣ онъ набиралъ наиболѣе парней рослыхъ и дюжихъ. Они собирались въ небольшой непроходной комнатѣ 4-го класса, и оттуда слышно бывало, что какъ бы произносятся рѣчи. Членовъ этой ассоціаціи мы въ насмѣшку называли, не знаю уже почему, *квилками*. Но квилки не унывали до тѣхъ поръ, пока эта затѣя не завершилась весьма плачевной катастрофой. Одинъ изъ пажей, Арсеньевъ, отличался страннымъ характеромъ: не смотря на свои 15 — 16 лѣтъ, онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ товари-

щей, не принималъ участія въ ихъ играхъ, никогда почти не смѣялся; учился онъ не бойко, но читалъ много (всегда Французское) и углублялся въ свои книги до самозабвенія. Товарищи очень его любили. Однажды учитель, замѣтивъ, что Арсеньевъ читаетъ постороннюю книгу, сдѣлалъ ему замѣчаніе на неумѣстность его занятія. Тотъ отвѣчалъ сухо и продолжалъ читать. Учитель къ нему подошелъ и протянулъ руку за книгой, но Арсеньевъ книги не далъ; завязывается между ними споръ. Вдругъ вошелъ Оде-де-Сіонъ и, разобравъ въ чемъ дѣло, велѣлъ Арсеньеву выйти, „въ уголъ“, а такъ какъ тотъ все еще продолжалъ ворчать себѣ подъ носъ, то Сіонъ приказалъ ему стать на колѣни. Арсеньевъ ослушался, и его повели въ темную.

Начальство посмотрѣло на это дѣло очень строго и положило наказать Арсеньева розгами. Квилки, должно быть, про это пронюхали. Примѣровъ такой экзекуціи никогда не бывало; напротивъ, держалось повѣрье, что пажъ не можетъ быть высѣченъ иначе какъ по высочайшему повелѣнію.

Не припомню, на другой ли день по арестованіи Арсеньева, или нѣсколько спустя, къ разводу, въ рекреаціонную залу, явились кромѣ Клингенберга и всѣ прочіе корпусные чины, не исключая и Оде-де-Сіона. Не было только, какъ и всегда, директора [9]). Пажи стояли въ строю.

---

[9]) По утрамъ, директоръ Пажескаго корпуса, генералъ И. Г. Гогель присутствовалъ въ ученомъ артилерійскомъ комитетѣ, котораго онъ былъ предсѣдателемъ.

Вводятъ Арсеньева; за нимъ вошли нѣсколько солдатъ [10]) съ розгами въ рукахъ. Арсеньеву объявляютъ, что онъ долженъ быть высѣченъ.

— Я не дамся! вскричалъ энергично Арсеньевъ.

Солдатамъ велѣли исполнить экзекуцію. Завязалась борьба, какъ вдругъ К—въ съ крикомъ вырвался изъ фрунта, за нимъ его *квилки*, а затѣмъ почти весь строй пажей кинулся отбивать товарища. Произошла свалка, крикъ, гамъ невообразимые; старикъ Сіонъ грузно повалился на барабанъ [11]); досталось отчасти и другимъ тутъ бывшимъ властямъ. Возня эта долго не унималась, пока Клингенбергъ не велѣлъ солдатамъ высвободить Арсеньева, подъ предлогомъ будто бы удалось дать ему два или три удара. Затѣмъ его и К—ва, какъ зачинщиковъ безпорядка, отправили „въ темную" и разсадили по разнымъ комнатамъ.

О происшествіи представили Государю.

Чрезъ нѣсколько дней получена резолюція Государя, для исполненія которой къ разводу, на этотъ разъ, собрались всѣ власти корпуса, также и директоръ Гогель. Ввели К—ва; ему прочли резолюцію, въ которой было повелѣно: „Арсеньева, уже разъ наказаннаго, вторично наказанью не подвергать; К—ва же, при всемъ разводѣ, наказать *тридцатью* ударами розогъ".

— Волѣ Государя я покоряюсь, дрожа произнесъ К—въ, и экзекуція была исполнена. К—ва увели. Когда разводъ кончился, мы узнали, что ни Арсеньева, ни К—ва въ корпусѣ уже нѣтъ: ихъ увезли въ двухъ разныхъ телѣгахъ.

---

[10]) Инвалидной команды, составлявшей полицію корпуса. Ими командовалъ офицеръ, полицеймейстеръ корпуса.

[11]) Снятый барабанщикомъ, примкнувшимъ къ солдатамъ.

Что̀ сталось съ К—мъ, неизвѣстно. Про Арсеньева же было слышно, что онъ застрѣлился.

Всѣмъ намъ Арсеньева искренно было жаль; о К—вѣ же сокрушался едва ли не одинъ только нашъ профессоръ Русской словесности, какъ о погибшемъ будто бы поэтическомъ талантѣ. И въ самомъ дѣлѣ, К—въ, въ продолженіе цѣлаго года, отъ времени до времени представлялъ профессору „свои“ стихотворенія. Мы гордились, что изъ среды насъ возникъ такой фениксъ; выраженія нашихъ восторговъ фениксъ нашъ принималъ съ достоинствомъ и корчилъ литератора. Года черезъ два послѣ того, Анна Петровна Бунина передала мнѣ книжку стихотвореній Межакова, полученную ею отъ самого автора и изданную въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Въ этой книжкѣ я нашелъ всѣ тѣ стихотворенія, которыя К—въ выдавалъ за свои. Тутъ я вспомнилъ, что при послѣдней въ корпусѣ церемоніи „раздачи призовъ“, нашъ либералъ торжественно подошелъ къ сонму начальниковъ и раздалъ имъ по крупно напечатанному листу бумаги: это былъ, въ звучныхъ стихахъ, благодарственный гимнъ его воспитателямъ, гдѣ онъ восхвалилъ ихъ заслуги и добродѣтели. Нѣтъ сомнѣнія, что гимнъ этотъ написанъ былъ А. Бестужевымъ.

Четвертый классъ, къ которому я тогда принадлежалъ, помѣщался въ небольшой непроходной комнатѣ; ея единственная дверь вела въ пятый классъ, гдѣ у насъ были друзья-соглядатаи: какъ только въ ихъ комнату входилъ начальникъ, такъ оттуда слышались или кашлянья или чиханья. Сигналы эти избавляли насъ отъ опасности быть застигнутыми врасплохъ. Изъ учителей самой

подходящей жертвой для шалостей оказывался учитель Французскаго языка Лёльо (Leuillot), старикъ за 75 л., вовсе не умѣвшій держать себя. Нашими шалостями и невниманіемъ къ его урокамъ мы довели его до такой крайности, что онъ заключилъ съ нами договоръ, въ силу котораго было соглашено, чтобы въ два его утреннихъ урока въ недѣлю *учиться*, а въ третій, послѣобѣденный—*веселиться*, для чего и назвать этотъ классъ „вечеринкой". Что́ только вытворялось на этихъ вечеринкахъ, уму непостижимо! Произносились похвальныя въ честь старика рѣчи, пѣлись гимны, раздавались залпы отъ разомъ опущенныхъ крышекъ пюпитровъ; то и дѣло что съ разными кривляньями и прибаутками, попарно, подносились ему открытыя табакерки, изъ которыхъ онъ бралъ по щепоткѣ. И на все это старикъ преважно раскланивался. Подъ конецъ урока, ему представлялась табакерка (едва ли не съ тарелку величиной) съ портретомъ Рюрика, на которую указывали ему какъ на рѣдкій антикъ, ссылаясь, что когда эту табакерку показали учителю Исторіи, Струковскому, и спросили: „Василій Ѳедоровичъ, похожъ Рюрикъ?" тотъ будто бы вскричалъ:—„Какъ теперь вижу!!..." Эти вечеринки обыкновенно заключались обрядомъ *наполненія* изъ этого „Рюрика" трехъ табакерокъ Лёльо, которыя, надо думать, онъ нарочно для этого приносилъ.

Въ другихъ классахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ слушатели были ученики большаго возраста, проказъ было гораздо меньше, но все же безъ нихъ не обходилось. Даже и священника, человѣка серьезнаго, не щадили и, при случаѣ, хитро поды-

мали на смѣхъ, напр. когда подъ его диктовку мы писали въ свои тетради. Онъ диктуетъ, мы пишемъ, повторяя въ полголоса послѣднее его слово, какъ бы давая знать, что оно уже написано. Напримѣръ, онъ произноситъ: „.....во спасеніе души“.

— ..... души, батюшка, души, повторяютъ пищущіе, возвышая голосъ. Или: „..... бесѣдованія съ Богомъ“.—...... Съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ, какъ бы напутствуютъ священника, чтобы онъ шелъ домой.

По Воскресеньямъ—затѣя своего рода. Въ церковь Малтійскаго ордена [12]) съѣзжалась къ обѣдни вся католическая знать: посланники, Марья Антоновна Нарышкина, княгиня Четвертинская и проч. При разъѣздѣ изъ церкви, это общество все толпой выходило на крыльцо, обращенное прямо противъ главнаго фасада корпуса. Чѣмъ бы же тутъ могли потѣшиться шалуны? А вотъ чѣмъ: вооружась зеркальцами, они, изъ своихъ солнцемъ освѣщенныхъ оконъ, наводили „зайчики“ въ глаза дамамъ. При этомъ больше всего доставалось Марьѣ Антоновнѣ.

Но самую капитальную проказу сдѣлали пажи въ послѣдній годъ моей школьной жизни. Эта исторія надѣлала въ Петербургскомъ обществѣ много шуму, а католиковъ встревожила. Въ этой католической церкви Пажескаго корпуса, среди темной Апрѣльской ночи, въ окнѣ надъ входной дверью показалось яркое освѣщеніе. Часовой, первый усмотрѣвшій свѣтъ, далъ знать поли-

---

[12]) Находящуюся на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ корпуса.

цеймейстеру, тотъ привелъ свою команду; призвали и церковнаго старосту до смерти перепуганнаго. Отворили дверь: двѣнадцать громадныхъ свѣчъ, по ту и другую сторону престола, горѣли полнымъ пламенемъ. Въ церкви не было ни души; бросились къ двумъ боковымъ дверямъ— обѣ онѣ оказались запертыми, какъ и всегда было, на-глухо. Поднялась тревога. Въ тотъ же день донесли объ этомъ происшествіи Государю. Разумѣется, подозрѣніе тотчасъ пало на пажей. Государь оченъ былъ разсерженъ и строжайше приказалъ открыть виновныхъ. Но какъ ни дѣятельно производилось слѣдствіе, оно было безуспѣшно. Говорили, что Государю было доложено, что церковный староста будто-бы самъ свѣчи зажегъ въ припадкѣ лунатизма. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Уже гораздо позже свершившагося чуда, о немъ между пажами глухо ходило слѣдующее преданіе. Но прежде надо сказать слова два о самой церкви. Ея лицевой фасадъ (со входной дверью и полукруглымъ надъ этою дверью окномъ) выходитъ на большой четыреугольный дворъ противъ главнаго зданія корпуса. Вправо и влѣво отъ церкви тянутся одноярусные флигеля, соединяющіе церковь съ двумя двуярусными боковыми крылами корпуса, въ которыхъ помѣщаются жилые покои воспитанниковъ. Карнизы между ярусами этихъ крышъ, покрытые желѣзомъ, доходятъ до крышъ одноярусныхъ флигилей, протягиваются до церкви и упираются (ежели память мнѣ не измѣняетъ) въ нижнюю окрайну церковной крыши.

Четверо смѣльчаковъ (имена ихъ легенда умалчиваетъ) задумали эту шалость и исполнили ее энергично и осмотрительно. Для извѣданія топо-

графіи мѣста, они, какъ только дежурный наставникъ (обойдя дортуары рундомъ) уходилъ къ себѣ на квартиру, вооружались потайными фонарями, перелѣзали черезъ окно, становились на карнизъ и по этой узкой стезѣ, на высотѣ не менѣе трехъ сажень, иногда и въ дождь, достигали крыши одноруснаго флигеля; отсюда взбирались на крышу самой церкви, влѣзали чрезъ слуховое окно на ея чердакъ и пускались на поискъ предугадываемой ими лѣстницы, которая должна вести къ одной изъ боковыхъ дверей церкви. Кромѣ лабиринта въ устройствѣ этой крыши, они наткнулись и на прямое препятствіе—на стѣну съ дверью, запертою извнѣ, и съ небольшимъ круглымъ, недалеко отъ нея застекленнымъ окномъ. Рамку со стекломъ они осторожно вынули; одинъ изъ нихъ пролѣзъ чрезъ окно и отодвинулъ засовъ, которымъ дверь была заперта. Это развязало руки нашимъ піонерамъ. Вскорѣ они открыли каменную лѣстницу, спускающуюся къ искомой двери. Она была заперта на ключъ. Послѣднія двѣ экспедиціи были примѣриваніемъ разныхъ ключей. Наконецъ, подобрали ключъ и зажгли свѣчи. Кончивъ свое дѣло, смѣльчаки заперли за собою боковую дверь церкви. Стѣну на чердакѣ церкви, возвращаясь, они прошли черезъ дверь, оставивъ за собой одного изъ пажей; тотъ заперъ дверь извнѣ засовомъ, пролѣзъ черезъ окно, а въ окно вставили стекольную раму; словомъ, привели все въ прежній порядокъ. Возвращались они съ этой послѣдней экспедиціи по мокрымъ отъ дождя крышамъ и по карнизу.

*

Когда къ Паскевичу прискакалъ фельдъегерь съ фельдмаршальскимъ жезломъ, графъ Эриванскій,

сидѣвшій въ ту минуту во власти брадобрея, вскочилъ изъ-подъ бритвы и вскричалъ: „Теперь только я понимаю, что самыя лестныя награды—это чинъ прапорщика и чинъ фельдмаршала!" Странно, что Паскевичъ, который при императорѣ Павлѣ былъ камерпажемъ, забылъ про свое производство въ эту послѣднюю должность, а вспомнилъ про свой первый офицерскій чинъ. И въ самомъ дѣлѣ, для юноши, только что вступающаго въ свѣтъ, что̀ можетъ быть лестнѣе, какъ не тотъ первый шагъ на поприщѣ жизни, который, перенося его въ міръ дотолѣ недоступный, разомъ приближаетъ къ особамъ царской фамиліи? А съ тѣмъ вмѣстѣ, сколько льготъ предоставляется при производствѣ изъ пажей! Даютъ шпагу, даютъ шпоры, даютъ золотые шевроны на фалды мундира, даютъ право показываться вездѣ въ городѣ безъ провожатаго, какъ самостоятельной личности! Въ послѣдствіи, какъ ни серьезничай иной изъ насъ, какъ ни называй все это ребячествомъ, но *тогда* такія преимущества всѣхъ насъ радовали, очень радовали.

Изъ камерпажей „половины" [13]) Маріи Ѳеодоровны двое каждое утро отправлялись во дворецъ, гдѣ нерѣдко служба ихъ и не требовалась или требовалась лишь на нѣсколько часовъ: осталь-

---

[13]) „Половинами" назывались подраздѣленія двора: императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ назначалось 8 камерпажей, императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ 6 и великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ 2. Камерпажи назначались спеціально къ дамамъ царской фамиліи. Великій князь Михаилъ Павловичъ тогда не былъ еще женатъ, и потому на его „половину" камерпажи не полагались. Камерпажи Маріи Ѳеодоровны начинали тѣмъ, что всѣ вмѣстѣ должны были ей представиться. При прочихъ дворахъ этого не было.

ное время эти камерпажи свободны были посѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ въ городѣ. Къ одинадцати часамъ вечера они съѣзжались во дворецъ, но это для того только, чтобы сѣсть въ придворную карету и возвратиться въ корпусъ. Служба камерпажа заключалась въ томъ, чтобъ при „выходахъ", при парадныхъ обѣдахъ, фамильныхъ или съ гостями, на балахъ и прочихъ собраніяхъ, неотступно находиться при той особѣ царской фамиліи, въ которой онъ назначенъ; причемъ камерпажъ заранѣе снабжался изъ „камеръ-юнгферской" нѣкоторыми вещами—шалью, фишю и т. п. У Маріи Ѳеодоровны за всѣми вообще „столами" служили камерпажи при дамахъ и мущинахъ царской фамиліи. На „фамильныхъ" обѣдахъ (которыхъ бывало, помнится, по два въ недѣлю) одинъ камерпажъ на половинѣ Государя, другой на половинѣ императрицы [14]). На этихъ послѣднихъ обѣдахъ, кромѣ особъ царской фамиліи, присутствовали: ея гофмаршалъ баронъ Альбедиль и бывшая воспитательница Государя княгиня *Ливенъ*. Въ послѣдній годъ, къ обѣдамъ этого разряда стала являться Екатерина Ивановна Нелидова, небольшаго роста, худенькая, но еще подвижная старушка. Разговоръ за фамильными обѣдами велся всегда оживленно, но вообще о придметахъ неважныхъ: о городскихъ новостяхъ, о повышеніяхъ по службѣ извѣстныхъ лицъ и т. п.; о политикѣ и несчастныхъ случаяхъ въ городѣ не было слова, равно какъ и о театрѣ, такъ

[14]) Для краткости, подъ названіемъ просто „императрица" подразумѣваю Марію Ѳеодоровну. Къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ камерпажи не требовались, за исключеніемъ развѣ торжественныхъ дней.

какъ въ то время только Михаилъ Павловичъ бывалъ часто въ спектакляхъ. Между Государемъ и великими князьями не обходилось безъ разговоровъ о парадахъ, разводахъ и т. п. Однажды, не задолго до фамильнаго стола у императрицы, Государь пріѣхалъ, помнится, изъ Царскаго Села, гдѣ онъ присутствовалъ на разводномъ ученьи полка императора Австрійскаго. Государь былъ восхищенъ этимъ ученьемъ и, почти не умолкая, передавалъ великимъ князьямъ всѣ его подробности съ такимъ увлеченіемъ, что обѣ императрицы только улыбались, молча переглядываясь. Великіе князья слушали съ благоговѣніемъ.

Изъ двухъ великихъ князей Государь особенно благоволилъ къ старшему. Однажды мнѣ нужно было ждать въ одной изъ залъ. Входитъ Государь и направляется къ противоположной двери; еще онъ не дошелъ до нея, какъ въ нее вошли великіе князья. Государь взялъ подъ руку Николая Павловича и довольно долго водилъ его по залѣ, не переставая съ нимъ говорить. Затѣмъ онъ вышелъ изъ залы, едва взглянувъ на Михаила Павловича, который во все время этого разговора оставался у двери, вытянувшись.

Камерпажи держали себя въ сторонѣ отъ „красныхъ", т.-е. отъ чиновъ нисшаго слоя дворцовой іерархіи (которымъ присвоенъ былъ красный мундиръ), хотя эти „красные" всѣ были люди чиновные. Они смотрѣли на насъ косо; мы, разумѣется, „въ усъ не дули". Это вотъ отчего. Было въ обычаѣ, что приглашенныя къ обѣду лица, какъ только удалялась царская фамилія, брали со стола фрукты, дабы повезти своимъ семейнымъ гостинцу съ царскаго стола. Вотъ и мы присвоили себѣ

такое право, а на какомъ основаніи? Да такъ, по вольности дворянста! Были случаи, что „красные“ жаловались на такой произволъ съ нашей стороны; но жалобы эти кончались ничѣмъ. Однажды камерфурьеръ принесъ жалобу оберъ-гофмаршалу К. А. Нарышкину, жалобу, какъ надо думать, до того настоятельную, что, едва мы сѣли за нашъ обѣдъ, явился Кирилъ Александровичъ съ самимъ челобитчикомъ. По указаніи симъ послѣднимъ своего обидчика, Кирилъ Александровичъ самымъ вѣжливымъ тономъ замѣтилъ ему, что обиженный имъ, г. Бабкинъ—полковничьяго чина и что онъ (оберъ-гофмаршалъ) желалъ бы, чтобъ это „недоразумѣніе“ кончилось къ обоюдному удовлетворенію. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ ушелъ, а за нимъ ушелъ и Бабкинъ; другихъ послѣдствій не было. Во время этой сцены „благопріобрѣтенный“ трофей—великолѣпный ананасъ, окруженный персиками, красовался посреди нашего стола. Здѣсь кстати замѣтить въ похвалу камерпажамъ, что подобныя благопріобрѣтенія мы позволяли себѣ только въ Петербургѣ; лѣтомъ же, когда дворъ проживалъ въ Павловскѣ, гдѣ у насъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, за нами этого не водилось: доказательство, что упомянутыя экспедиціи мотивировались въ насъ не грубымъ апетитомъ, а желаніемъ угостить гостинцемъ съ царскаго стола.

Въ Аничковскій дворецъ камерпажъ требовался только по Воскресеніямъ, для провожанія великой княгини къ обѣднѣ. Для этого онъ получалъ отъ камеръюнгферъ тоже фишю, шаль и т. п.; а также флаконъ съ какимъ-то спиртомъ. Выходили они, великій князь и великая княгиня, къ обѣднѣ за-просто: онъ въ сюртукѣ безъ эполетовъ, она

къ утреннемъ нарядѣ. Николай Павловичъ становился у самаго клироса и пѣлъ своимъ высокимъ баритономъ; она большую часть обѣдни не вставала съ кресла. Она не могла переносить запахъ ладона, и потому въ Аничковской церкви никогда имъ не кадили.

Лѣтомъ, когда императрица и великая княгиня проживали въ Павловскѣ, туда отправлялись, на всю недѣлю, по трое камерпажей: два къ императрицѣ и одинъ къ великой княгинѣ. Марія Θеодоровна выходила на прогулку въ восемь часовъ утра, сопровождаемая нерѣдко однимъ только камерпажемъ. Жизнь для насъ въ Павловскѣ была самая пріятная. Свобода полная: мы надъ собой не слышали никакого начальства; все окружавшее насъ отличалось изяществомъ, особенно Павловскій паркъ, воспѣтый поэтомъ, которому я покланялся, предъ которымъ благоговѣлъ. Съ Жуковскимъ мнѣ случалось сходиться въ одной небольшой залѣ, гдѣ должна была проходить великая княгиня; онъ и я сидѣли молча по разнымъ угламъ; но одно уже то, что я видѣлъ себя съ нимъ наединѣ было для меня упоительно. Жуковскій былъ крайне необщителенъ съ тѣми изъ молодыхъ людей, которые его чѣмъ либо не интересовали исключительно: за это-то молодые гусарскіе офицеры не долюбливали его. Къ тому же Жуковскій вообще держалъ себя молчаливо: мнѣ не разу не доводилось слышать какъ онъ говоритъ по-русски; съ великой же княгиней онъ говорилъ всегда на Нѣмецкомъ языкѣ, котораго я не зналъ и двухъ словъ. За обѣдами тоже я не могъ его слышать, такъ какъ онъ занималъ

мѣсто на концѣ стола, вмѣстѣ съ адъютантами великихъ князей.

Вечера Марія Өеодоровна обыкновенно проводила со „своими“ въ прогулкахъ по парку, въ линейкахъ, при чемъ сервировался чай въ одномъ изъ павильоновъ парка, чаще всего въ Розовомъ павильонѣ. Когда же прогулкѣ препятствовала погода, то собирались въ большой залѣ нижняго этажа, обращенной окнами въ паркъ. Большею частью сама августѣйшая хозяйка вышивала въ пяльцахъ, слушая своего чтеца; прочіе тоже слушали или показывали видъ, что слушаютъ, хотя были вольны заниматься кто чѣмъ хотѣлъ. При тихой погодѣ, пять большихъ выходящихъ на террасу оконъ-дверей оставлялись открыты, и къ нимъ смотрѣть на собраніе любопытные допускались почти безъ разбору (обыватели Павловска или пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ), съ однимъ лишь условіемъ, чтобы разговаривали не иначе какъ шепотомъ. Иногда такимъ образомъ собирались цѣлыя толпы и такъ близко къ окнамъ, что одни лишь пороги этихъ оконъ-дверей отдѣляли любопытныхъ отъ залы. Теперь не всѣ этому повѣрятъ. При началѣ собранія, какъ только всѣ усаживались на свои мѣста, Марія Өеодоровна въ полголоса говорила камерпажамъ: „asseyez-vous“; это значило, что мы свободны до ужина, и мы уходили. Тутъ, ежели приходила фантазія попроказничать, мы вмѣшивались въ кучки любопытствующихъ, подслушивали иногда забавныя замѣчанія барынь на то, что̀ у нихъ передъ глазами и сшивали имъ юбки; однажды до того мы расшалились, что одного изъ гусарскихъ офицеровъ (Чорбу) втолкнули въ самую залу, и тотъ вы-

бралсся оттуда чрезъ другое окно, перебѣжавъ къ нему на цыпкахъ. Этого бывшіе въ залѣ, да и сама августѣйшая хозяйка, не могли не замѣтить; но въ подобныхъ случаяхъ Марія Θеодоровна была милостиво-снисходительна. Она прощала и болѣе рѣзкіе признаки неуваженія къ себѣ. Разъ молодые гусары, а съ ними, разумѣется и камерпажи, послѣ лишняго бокала, поздно ночью отправились гулять въ паркъ; они зашли въ цвѣтникъ, что̀ передъ дворцомъ и его попортили, измяли. Императрица, вышедши на обычную утреннюю прогулку, увидѣла этотъ безпорядокъ и была огорчена: встрѣтивъ тутъ же гофмаршала Альбедиля и узнавъ, что онъ строго взялся за открытіе виновниковъ такой дерзости, она запретила ему всякія разслѣдованія и приказала дѣло это считать забытымъ.

Въ одинъ тихій, ясный вечеръ, когда встали изъ-за ужина (а любопытныхъ у дверей уже не было), Марія Θеодоровна вышла на террасу и, полюбовавшись нѣсколько минутъ луною, велѣла бывшему при ней камерпажу А. Ростовцеву вызвать къ ней изъ залы Жуковскаго. „Не знаете за чѣмъ?“ спросилъ Жуковскій, поднимаясь съ мѣста.—Не знаю навѣрно, отвѣчалъ тотъ; а знаю, что что-то о лунѣ!—„Охъ, ужъ мнѣ эта луна!“ замѣтилъ поэтъ. Плодомъ этой довольно долгой созерцательной бесѣды поэта съ царицей былъ *Подробный отчетъ о лунѣ* съ его эпилогомъ, однимъ изъ очаровательнѣйшихъ созданій Жуковскаго.

Къ царицину столу, за который ежедневно садилось „своихъ“ персонъ двадцать пять-тридцать, приглашались изъ Петербурга по нѣскольку „го-

стей", тутъ представлялся случай видѣть и слышать лицъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, напримѣръ Кочубея, Сперанскаго, Карамзина и другихъ. Изо всѣхъ нихъ Кочубей выдавался величавостью осанки и необыкновеннымъ достоинствомъ, съ которымъ онъ себя держалъ. При мнѣ онъ въ Павловскѣ обѣдалъ одинъ только разъ, и только онъ одинъ въ разговорѣ съ императрицей называлъ ее „madame", тогда какъ всѣ прочіе относились къ ней не иначе какъ съ титуломъ „Votre Majesté". Но интереснѣе всего, когда бывалъ гостемъ Карамзинъ. Во весь обѣдъ велась бесѣда почти исключительно между нимъ и императрицей. Общій говоръ тогда стихалъ, всѣ слушали. Предметъ бесѣды не выходилъ изъ области нравственной философіи и религіи. Государыня говорила прекрасно и совершенно свободно; слова лились изъ ея устъ какъ бы сами собою [15]). Карамзинъ выражался красно, но съ нѣкоторой натяжкой, съ нѣкоторымъ педантствомъ. Нечего и говорить, что рѣчь велась по-французски.—Фельдмаршала Сакена мнѣ удалось видѣть за обѣдомъ у Маріи Θеодоровны тоже одинъ разъ; онъ сидѣлъ противъ нея и Государя Александра Павловича, говорилъ много, очень много, и своею, едва уловимой комической мимикой и сильнымъ Нѣмецкимъ акцентомъ былъ до того забавенъ, что Государь, сколько ни сдерживалъ

---

[15]) Годъ спустя, когда на походѣ гвардіи мы обѣдали въ Гатчинѣ у императрицы, Марія Θеодоровна впродолженіи всего стола говорила съ нашимъ полковымъ командиромъ по-русски и говорила правильно и свободно, но нѣсколько съ Нѣмецкимъ акцентомъ.

себя, не вытерпѣлъ, наконецъ, и прыснулъ громкимъ смѣхомъ.

По вечерамъ, передъ дворцомъ въ Павловскѣ играла музыка, до самой зари, и составлялось небольшое гулянье. Я не любилъ никакихъ подобныхъ сборищъ, и какъ только бывалъ отъ службы свободенъ, что̀ по вечерамъ нерѣдко случалось, углублялся въ паркъ и бродилъ тамъ до самой ночи подъ настроеніемъ идеаловъ Жуковскаго.

Одна изъ такихъ прогулокъ, подъ конецъ Павловскаго сезона, стоила мнѣ дорого, благодаря безсовѣстности одной перезрѣлой дѣвы, которую, въ отместку ей, назову полнымъ ея именемъ: это фрейлина государыни Кочетова. Я ея почти не зналъ, никогда не взглядывалъ ей въ лицо, въ ея тусклый обликъ, среди ослѣпительнаго букета тогдашнихъ молодыхъ фрейлинъ. Вотъ чѣмъ я былъ ей одолженъ. По вечерамъ становилось уже свѣжо. Я надѣлъ шинель и отправился въ паркъ. Въ паркѣ никого не было; только далеко впереди виднѣлась какая-то женская фигура, и та исчезла,— куда? я не видѣлъ. Подхожу къ „памятнику Павла", поворачиваю въ садикъ памятника, какъ вдругъ оттуда выходитъ, мнѣ на встрѣчу, та самая женская фигура; она дѣлаетъ мнѣ реверансъ и произноситъ: „Bonjour, monsieur". Въ ней я узнаю Кочетову, и мы разошлись въ разныя стороны. Мнѣ показалась странною такая любезность со стороны той, съ которой до того я не перемолвилъ двухъ словъ. Тутъ же я о ней и забылъ Домой я пришелъ въ одно время съ другимъ товарищемъ, и мы застали уже вернувшимся изъ дворца дежурившаго въ тотъ день А. Ростовцова.

„Господа, спросилъ Ростовцовъ, кто это изъ насъ напугалъ Кочетову?“—„Въ паркѣ я съ ней встрѣтился, сказалъ я; а напугалъ-ли я ее, про то не знаю“.—„Чего тебѣ не знаю?! Альбедиль говоритъ, что ты за нею гнался, и что она насилу отъ тебя ушла“, заключилъ тотъ.

Эта безсовѣстная выдумка сколько взбѣсила меня, столько же и испугала: Альбедиль не могъ скрыть этого отъ государыни, онъ долженъ былъ докладывать ей обо всемъ, что̀ дѣлается въ Павловскѣ, а чего добраго, сплетня эта, пожалуй, дойдетъ и до моей госпожи Александры Өеодоровны! Всю ночь я не смыкалъ глазъ. А какова Кочетова? Не подумала даже, что своею ложью могла испортить всю мою будущность, и изъ чего? Чтобъ только видѣли, что она еще годится въ героини романическаго приключенія.

Настало утро. Иду во дворецъ ни живъ, ни мертвъ. Въ одной изъ комнатъ встрѣчаю Альбедиля; онъ на меня крѣпко косится, но молчитъ. Когда государыня съ великой княгиней проходила черезъ комнату, гдѣ мы ихъ ожидали, Михаилъ Павловичъ, поровнявшись со мной, усмѣхнулся и мнѣ въ полголоса сказалъ: „Съ побѣдой!—“Худо!! подумалъ я. Сѣли за столъ (расположенный глаголемъ); фрейлины всѣ вмѣстѣ сидѣли сбоку, у меня на виду; между ними и Кочетова. Она большую часть обѣда съ ними тараторила; онѣ шушукались, взглядывали на меня и смѣялись. Я былъ какъ на ножахъ. Къ довершенію моего несчастія, великой княгинѣ пришла охота переговариваться знаками съ одной изъ фрейлинъ: она ей указываетъ на лѣвый рукавъ платья и прижимаетъ его къ груди, а та дѣлаетъ знакъ, что не

понимаетъ. Великая княгиня, поворотивъ ко мнѣ голову: „Dites à la comtesse Samoïlow que c'est ma couleur favorite“, приказала она. Ну, теперь-то я пропалъ! подумалъ я [16]). Пока я туда шелъ, у меня кружилась голова, рябило въ глазахъ. Я наклонился къ самому уже заранѣе настороженному ушку графини, навралъ ей чепуху, и когда повернулся, чтобы идти къ своему мѣсту, услышалъ за собой взрывъ молодаго смѣха. Вечеромъ, передъ выходомъ къ собранію, Михаилъ Павловичъ натѣшился вдоволь надъ моей „équipée“, причемъ много присочинилъ, вовсе не стѣсняясь. Въ первое затѣмъ Воскресенье, уже въ Аничковомъ дворцѣ, туда пріѣхалъ Михаилъ Павловичъ къ обѣдни. Когда проходили къ церкви, онъ, указывая на меня: „А ты не знаешь, что у тебя за гусь этотъ господинъ“, сказалъ Николаю Павловичу и, отведя его въ сторону, говорилъ ему что-то, говорилъ скоро и кончилъ какою нескромной небылицей, что мое перо отказывается ее повторить. Николай Павловичъ прослушалъ эту шутку серіозно и не сказалъ ни слова. Это была моя послѣдняя пытка изъ-за Кочетовой.

Когда въ Павловскѣ мы были свободны отъ службы во дворцѣ, то разнообразили наше времяпровожденіе въ обществѣ гусарскихъ офицеровъ, особенно трехъ изъ нихъ: Шевича, Пашкова и моего родственника Чорбы, жившихъ вмѣстѣ. Въ иные дни, они трое и еще ихъ же товарищъ графъ Бобринскій приглашались на вечера къ императрицѣ, гдѣ танцовали.

---

[16]) Я былъ очень застѣнчивъ и нѣсколько заикался.

*

По окончаніи экзаменовъ въ камерпажескомъ классѣ, у меня оказалось немного болѣе 1000 баловъ, слѣдовательно я имѣлъ право на выпускъ въ офицеры гвардіи. Ниже меня, послѣднее мѣсто въ классѣ занялъ Посниковъ; онъ до этой цифры нѣсколько баловъ не добралъ и долженъ былъ еще остаться въ корпусѣ. Замѣчательно, что этотъ Посниковъ прошелъ всѣ *пажескіе* классы съ большимъ отличіемъ и въ нѣсколькихъ изъ нихъ получалъ призы [17]); но, попавъ въ камерпажи, вдругъ залѣнился и, просидѣвъ тамъ три, если не четыре, года, никакъ не могъ натянуть себѣ ту цифру баловъ, которая давала право на производство въ офицеры, какъ ни хлопоталъ о томъ его отецъ, шталмейстеръ двора великаго князя Михаила Павловича.

Во все время бытности въ Пажескомъ корпусѣ я не имѣлъ повода къ жалобѣ на отношенія ко мнѣ корпусныхъ властей; но при выпускѣ изъ корпуса со мной поступлено было крайне несправедливо, благодаря только тому, что у меня

---

[17]) Призы — это подарки, коими были награждаемы, по два, первые по баламъ ученика въ каждомъ классѣ. Камерпажамъ въ этомъ случаѣ дарились дорожные несессеры рублей въ 400 асс.; въ пажескихъ классахъ призы давались менѣе и менѣе цѣнные, такъ что въ послѣднемъ они состояли или изъ ящика красокъ или изъ какой-нибудь книги. Раздача призовъ производилась съ нѣкоторою торжественностью, въ присутствіи попечителя корпуса (онъ же и главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній).

не было никакихъ покровителей. Насталъ день назначенія къ выпуску. Самъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній графъ Коновницынъ долженъ былъ пріѣхать и лично обойти „выпускныхъ“ по списку, составленному директоромъ корпуса генераломъ Гогелемъ.

За полчаса, въ рекреаціонную залу является отъ Гогеля одинъ изъ наставниковъ Клугенъ и приказываетъ имѣющимъ право на выпускъ выстроиться по списку, который онъ будетъ читать. Каково же было мое удивленіе, когда мое имя онъ умолчалъ, а вмѣсто меня назвалъ Посникова! Я дѣлаю на это Клугену замѣчаніе; онъ отзывается тѣмъ, что меня въ спискѣ нѣтъ. Мы горячо заспорили, какъ вдругъ даютъ знать, что Коновницынъ уже въ сосѣдней комнатѣ. Клугенъ строго велитъ мнѣ выйти изъ залы, но я не двигаюсь съ мѣста и громко протестую. На это входитъ графъ съ большой свитою. Ему читаютъ списокъ; онъ подвигается по фрунту отъ одного изъ насъ къ другому и, когда поровнялся со мной, я его остановилъ жалобой, что я не знаю, за что я обойденъ. Указывая на Гогеля, Коновницынъ мнѣ замѣтилъ: „Вашей жалобой вы не должны были миновать нисшаго начальства“ и, сказавъ это, пошелъ далѣе къ фрунту выпускныхъ пажей. Я, не владѣя собой, выбѣжалъ изъ залы и такъ сильно хлопнулъ дверью (тутъ же позади фронта), что графъ, какъ мнѣ говорили послѣ, вздрогнулъ, а Гогель, повернувшись къ Клингенбергу, сказалъ: „Вотъ вашъ хваленый!“ Графъ уѣхалъ, а назначенныхъ къ выпуску распустили на этотъ день по домамъ.

Я былъ неутѣшенъ. Мой другъ, Гриша Гогель, племянникъ директора, назначенный тоже въ выпускъ, весь остальной день меня не оставлялъ. Мы съ нимъ столько мечтали, что никогда не разлучимся, что оба выйдемъ въ лейбъ-егерскій полкъ! Теперь всѣ планы наши рушились. Меня не могла конечно не тяготить потеря цѣлаго года по службѣ; но больше я былъ оскорбленъ открытой, вопіющей неправдой. Къ тому же я не могъ безъ ужаса вспомнить что̀ подумаютъ обо мнѣ отецъ и мать, которыхъ, какъ только послѣ экзамена сочтены были балы, я извѣстилъ о предстоящемъ моемъ выпускѣ въ офицеры. Ближайшее начальство, начиная съ Клингенберга, видимо было возмущено и на меня глядѣло съ нескрываемымъ сожалѣніемъ, но молчало. Но кто больше всѣхъ меня тронулъ своимъ открытымъ ко мнѣ участіемъ, такъ это добрый Борисъ Егоровичъ Гине, бывшій мой наставникъ. Онъ не могъ скрыть своего негодованія. Зазвавъ меня къ себѣ на квартиру, онъ старался меня утѣшить, и это съ такой искренностью, что и самъ не могъ удержаться отъ слезъ. Тутъ не обошлось однакожъ безъ „нотаціи", и были ссылки на Спасителя, Который страдалъ, но прощалъ. Между прочимъ онъ выразилъ подозрѣніе, что тутъ должна скрываться какая-нибуть важная причина, коль скоро Иванъ Григорьевичъ (Гогель) позволилъ себѣ отступить отъ своихъ строгихъ правилъ справедливости.

На другой день, прежде чѣмъ будили пажей, я слышу, что меня кто-то толкаетъ. Это былъ Гриша, радостный, запыхавшійся, „Поздравляю, проговорилъ онъ: ты будешь тоже представленъ".

И онъ мнѣ разсказалъ, что вечеромъ къ Татьянѣ Александровнѣ (женѣ И. Г. Гогеля) собралось дамское общество: Агаѳоклея Маркова Сухарева, графиня Булгари, m-me Квитка и еще кто-то. Шуму было много; только и разговора было, что про исторію со мной. А. М. Сухарева про нее знала еще утромъ черезъ сына (камерпажа, тоже назначеннаго въ выпускъ и отпущеннаго утромъ домой). Всѣ онѣ громко порицали несправедливость Ивана Григорьевича, и общее возбужденіе дошло до того, что когда изъ своего кабинета онъ вошелъ въ гостинную, всѣ онѣ на него накинулись съ упреками. Его атаковали, загнали въ уголъ и объявили, что не выпустятъ оттуда до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ честное слово, что поѣдетъ завтра же къ Коновницыну и не вернется домой, пока не впишетъ въ списокъ и меня. Иванъ Григорьевичъ сдался. Въ числѣ моихъ заступницъ были сестра его Амалія Григорьевна, а также сама супруга Ивана Григорьевича и дочь ихъ Александра Ивановна. Надо замѣтить, что ни одна изъ этихъ дамъ меня лично не знала.

Иванъ Григорьевичъ сдержалъ слово: въ тоже утро поѣхалъ къ графу Коновницыну и, какъ въ послѣдствіи мы узнали, послѣ нѣкоторыхъ съ нимъ объясненій, занесъ и меня въ списокъ.

Я забылъ сказать, что мои защитницы, при атакѣ Ивана Григорьевича, вымогли отъ него и признаніе причины, побудившей его замѣнить меня Посниковымъ. Это было сдѣлано въ угоду другому его начальнику по артилеріи, великому

князю Михаилу Павловичу. Великій князь, вѣроятно по внушенію старика Посникова, сказалъ И. Г. Гогелю, что желалъ бы видѣть сына своего шталмейстера офицеромъ гвардіи. Вотъ и только; но для такихъ служакъ, каковъ былъ И. Г. Гогель, желаніе начальника имѣетъ силу закона, особенно когда этотъ начальникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великій князь.

Камерпажу предоставлялось право свободнаго выбора полка, въ которомъ онъ желаетъ служить; но обоимъ великимъ князьямъ это не нравилось, и какъ только становилось извѣстно, что отъ выпускныхъ уже требуютъ, чтобъ для представленія Государю они заявили свои желанія на этотъ счетъ, великіе князья, полушутя, полустрого, предупреждали насъ, чтобъ никто изъ насъ и не думалъ выходить въ ихъ полки. Не всѣ однакожъ камерпажи преклонялись предъ такими угрозами; иные твердо стояли на своемъ правѣ. Недоразумѣнія эти не совсѣмъ были еще улажены, какъ въ какой-то парадный день пришлось служить у обѣда мнѣ и еще тремъ камерпажамъ, въ томъ числѣ и графу Ламсдорфу. Только что встали изъ-за стола, Николай Павловичъ, повернувшись къ намъ, повторилъ свою угрозу: „Смотрите-жъ, я объявилъ, ко мнѣ — никто, и всѣмъ другимъ скажите отъ меня тоже. Да, сказалъ онъ посмотрѣвъ на меня, вѣдь ты служилъ при женѣ? Въ такомъ случаѣ приглашаю къ себѣ, въ Измайловскій“. Возлѣ меня стоялъ Ламсдорфъ, сынъ бывшаго его воспитателя. „И тебя, Ламсдорфъ тоже; больше никого, всѣмъ объявите!“

